

СМЕНА

№9 СЕНТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

Об иллюстрировании художником Константином Сомовым
«Книги маркизы» Франца Блайя читайте на стр. 66

Замечательные современники

<i>Лола Звонарева</i>	За достойную смену4
<i>Елена Воробьева</i>	Игорь Цвирко: «Самое главное на сцене — это правда чувств»76

Год литературы

<i>Юрий Осипов</i>	Поэт земли русской11
<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Мамин-Сибиряк. Забытый классик126

Литературные страницы МСПС

<i>Виктор Перегудов</i>	Великие сосны26
<i>Юрий Остапенко</i>	Антарктическая история, или Русская правда японской легенды 30
<i>Ольга Степнова</i>	Бухта Дьявола 102
<i>Валентин Устинов</i>	Стихи 135
<i>Елена Колчак</i>	Заставь дурака Богу молиться138

Из российской истории

<i>Денис Логинов</i>	Сергей Лазо. Жизнь и гибель 42
----------------------	---

Звезды не гаснут

<i>Евгения Гордиенко</i>	Космический артист 57
--------------------------	------------------------------------

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Приключения «Книги маркизы» 66
---------------------	---

Минувшее

<i>Алла Зубкова</i>	Эмма и адмирал 84
---------------------	--------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Аббатство Виллер-ла-Виль.
Фото Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8100

Зак. №9732

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.08.2015

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«*В мае 1917-го года на Донском Войсковом круге казаки провозгласили его своим атаманом — первым, избранным с 1709 года. Это была огромная честь, но герой Первой мировой войны принял атаманскую булаву, словно тяжкий крест. История сохранила его слова: «Я пришел на Дон с чистым именем воина, а уйду, может быть, с проклятиями...» И ему действительно пришлось уйти. Добровольно. В небытие. И вернуться лишь несколько лет назад, и то — символически. «Атаман-печаль» — называли Каледина современники, памятуя о его непростой судьбе, обернувшейся драматическим финалом.*

Светлана **Бестужева-Лада** «Пропала вера в разум Дона...»

«*В июле 1941 года газеты многих стран обошла фотография, запечатлевшая Д.Д. Шостаковича в комбинезоне и шлеме пожарного на крыше ленинградского оперного театра. Увидев это фото, один американский миллионер, страстный любитель музыки, заявил: «Если в России не хватает людей для тушения зажигательных бомб, я готов направить туда за свой счет высокопрофессиональную пожарную команду в обмен на Шостаковича». Ему выпало счастье при жизни познать мировую славу, услышать о себе определение — гений, и стать признанным классиком в одном ряду с Моцартом, Бетховеном и Чайковским.*

Алла **Зубкова** «Творец созвучий века»

«*Москва сопровождала Л.Н. Толстого всю его жизнь, притягивала и отталкивала, олицетворяя Город, сосредоточивший в себе все зло и все блага мира. Он хотел навсегда распрощаться с Москвой, но разные обстоятельства вновь и вновь приводили писателя сюда. Когда ему шел восемьдесят второй год, Толстой в последний раз приехал в Москву. Это было 18 сентября 1909 года...*

Юрий **Осипов** «Толстой в Москве»

«*Эта пара шла вровень с другой звездной четой советского кинематографа — Любовью Орловой и Григорием Александровым. Марина Ладынина и Иван Пырьев — актриса и режиссер — они пробыли вместе пятнадцать лет, хотя скандалов и выяснения отношений было немало. Однако так же немало было и успешных картин и полученных наград...*

Евгения **Гордиенко** «Слава на двоих»

«*Авантюрная повесть Татьяны **Ниловой** «Казино»*

Лола Звонарева,
доктор исторических наук

ЗА

ДОСТОЙНУЮ СМЕНУ

К 80-летию писателя и общественного деятеля
Альберта Лиханова

Литературу Альберт Лиханов понимает как деятельную помощь молодежи. Он хорошо помнит: жизнь юного человека наполнена катаклизмами, остро драматична, а порой и трагична. Любой пустяк, незначительное событие воспринима-

ется как крах, грань между реальностью и мечтами хрупка и прозрачна. При этом дети абсолютно беззащитны перед окружающими их взрослыми. Но старшие этого часто не понимают. Забыли себя в детстве.

Он родился 80 лет назад в городе, где все дышало историей. Александр Герцен, Виктор Васнецов, Александр Грин... Память о великих людях, которые ходили по этим же улицам, сопровождала его с детства. Вторым родным домом для второклассника Альберта Лиханова стала детская библиотека. Пройдут десятилетия, прежде чем он опишет свое военное детство, свою первую встречу с книгой, с добрыми волшебницами из детской библиотеки. Память талантливого художника сохранила столько неповторимых деталей, что мы с вами легко переносимся в то трудное время, чтобы еще раз убедиться, что Литература, Книга, Библиотека неизменно оказывались духовным центром для русских мальчишек, спасая их от зла и равнодушия и погружая в мир подлинной культуры и настоящих ценностей.

Мальчик вырастет, окончит факультет журналистики Уральского государственного университета, будет замечен в столице как талантливый журналист и приглашен на работу в Москву, в популярный молодежный журнал «Смена» — сначала ответственным секретарем, а затем, на тринадцать с лишним лет — главным редактором. Из журналистики Альберт Лиханов уйдет в литературу и общественную деятельность: станет писателем, академиком, защитником детей — возглавит им же созданный Всесоюзный детский фонд, получит государственные и правительственные отечественные и зарубежные премии. Написанные им романы и повести о русских подростках, бедах и искушениях трудного взросления юного человека, проникнутые болью и любовью, будут изданы общим тиражом свыше 30 миллионов экземпляров, переведены на многие иностранные языки. Но душа будет постоянно возвращаться сюда, где все начиналось. В этот тихий городок на реке Вятке, где теперь библиотека в старинном двухэтажном особняке с гордостью носит его имя.

Объяснить детям — взрослых, а взрослым — детей, такую непростую задачу ставит перед собой писатель: *«Я очень хотел бы своей литературой построить некие мосты между взрослыми и детьми. Но все мы — бывшие дети. Про стари-*

ка обычно говорят — он впал в детство. Я говорю наоборот: как бы не выпасть из детства».

Он чувствует, насколько резко меняется жизнь наших маленьких современников, сталкивающихся с конфликтами и сложностями, которые

были невозможны в недавнем прошлом. И убежден — время изменило формат литературы и ее цели. В детской литературе побеждает заигрывание с читателем, «человек играющий» вытесняет «человека думающего и чувствующего»: в результате ребенок утрачивает уважение к литературе.

А Лиханов в своих книгах проанализировал и воссоздал различные, нередко почти закрытые для взрослых области отроческой и детской жизни, сложные семейные и школьные конфликты и неразрешимые с точки зрения отчаявшегося подростка ситуации. Он внимательно вглядывается в жизнь современного юного человека — таковы братья Борис и Глеб, растущие без отца, из романа Альберта Лиханова «Слетки», семья мальчика-инвалида в повести «Мальчик, которому не больно». Горькие детские судьбы, так и не услышанный плач малышей и подрастающих детей, против которых идет в стране необъявленная война, заставляют писателя браться за перо и писать романы и повести, читая которые, ты открываешь для себя мир, полный слез и трагедий.

Уже в название новых книг нередко выносятся образ-символ, клеймящий бессердечное сообщество взрослых, предающих своих детей. Роман «Никто» — безымянными и несуществующими для успешных и равнодушных людей стали сотни тысяч детей, запертых в детских домах и интернатах, чтобы завтра стать заключенными, пациентами психбольниц, бомжами, кадровым пополнением криминального мира.

Роман «Сломанная кукла» — о трагедиях детей из семей «новых русских», заключенных в золотую клетку и подвергающихся в роскошных квартирах такому же жестокому насилию, что и интернатские бедолаги. Если прежде человека хотели сделать колесиком и винтиком государственной машины, то в начале XXI века появляется знаковый образ «сломанной куклы», испорченной марионетки, который становится сквозным для пронизанной трагическим настроением прозы писателя.

Словно бросая вызов любителям гендерных разделений, Лиханов создал двойной портрет: повесть «Мальчик, которому не больно» — о мальчике-инвалиде, каких в современной России сотни тысяч и о них тоже принято забывать, сопрягается с повестью «Девочка, которой все равно». Ее героиня — пережившая насилие малышка (а таких детей в России ежегодно бывает более 100 тысяч). Мальчик и девочка, два юных человека, испытывающие тяготы, непреодолимые порой даже для взрослых... Писатель как будто спрашивает общество: почему же они одиноки? Почему мы, как в войну, не можем отдать все силы во спасение этих малых сограждан, так нуждающихся в защите?

Когда-то живший в Вятке А.И. Герцен так сформулировал отечественное писательское кредо: «*Мы не врачи, мы — боль*».

В XX веке французский философ Жиль Делез добавил: «Писатель даже если он болен, это диагност своего поколения, ставящий опасный

эксперимент на самом себе, чтобы найти вакцину, «*путь ускользания*» от любой калечащей необходимости».

И Альберт Лиханов доказал: можно не только писать историю болезни (как это делают десятки хороших русских писателей), но и пытаться вылечить ее, опираясь на неравнодушных людей и достойных соратников.

Детство писателя пришлось на войну. И это оставило мощный след в его душе, характере, выработав редкое упорство и умение быть последовательным в любой деятельности, а если говорить о литературе — в идейном наполнении его книг.

В одной из статей он написал: *«Констатирую — четыре года моих тревог, моего сострадания оказались самыми главными и самыми впечатляющими в моей личной судьбе, все свои главные книги я посвя-*

тил военному детству и его моральной сущности... сострадание не оставило меня и во взрослости». Поэтому многие его герои — родом из военного детства. Его, как и Высоцкого, война научила делить людей на своих и чужих, с кем пойдешь в разведку, а с кем — нет.

Лиханов обратился к исследованию конфликта взрослых с их целями и прав ребенка, отрока на собственные нравственные принципы. Причем если даже эти цели внешне являются «добром» для главного персонажа. Собственные взгляды ребенка, которые принято часто не замечать, вдруг изменяют жизнь самого мальчика. И он, казалось, побеждает, несмотря на то, что его линия существования и борьбы — идеальна и идеалистична. Но моральная победа остается за мальчиком. Правда детства стано-

вится правдой жизни. И это один из важнейших посылов творчества Альберта Лиханова. Этим правилом испытываются почти все события романа в повестях «Русские мальчики». Война вытесняет юного героя из уютного дома, где уже нет отца, ушедшего на фронт, и он обретает еще одно, духовное пристанище — детскую библиотеку.

В повести «Детская библиотека» Коля понимает, что увлеченная служением культуре, детству библиотекарша, бывшая ленинградская балерина, за служение чужим детям и библиотечному призванию во время войны заплатила страшную цену — жизнь внука, которого не уберегла от голода и болезней. Написанные позже повести этого цикла, соединившегося в роман о военном детстве, — «Те, кто до нас», «Кресна»,

«Лежачих не бьют», — основаны все на том же моральном стержне — бескомпромиссной правде детства.

Писался он с многолетними перерывами — с 1968 по 2005 год. В этих сочинениях нет сражений, стремительных погонь, пойманных и побежденных врагов — но есть правда войны, увиденная с разных точек зрения: показана ее тыловая изнанка. И она увиденна глазами ребенка.

Российское постсоветское общество показывает писатель в романе «Слетки», ставит юного человека, меткого стрелка, чемпиона в спортивной стрельбе перед необходимостью зарабатывать на жизнь... заказными убийствами. Это происходит на фоне глобального экономического и культурного кризиса: личность легко усваивает уроки масс-

культуры — смерть в современном мире лишена былой сакральности, низведена до вынужденного, почти банального выхода в иную, неведомую реальность. Так в романе комментирует происходящее в стране младший брат профессионального киллера, догадавшийся о тайных занятиях любимого родственника: *«Что-то настало новое, тайное, страшное, может, Господи прости, страшнее, чем самое страшное... Сколько и каких убийств не показывают по телеку, и все уже привыкли, никого это не страшит. ...смерть вообще стала с людьми запанибрата»*. Подросток Глеб даже пытается рассмотреть сомнительную профессию старшего брата как что-то естественное, конъюнктурно необходимое изменившемуся российскому социуму: *«...снайпер получает большие деньги за снайперские дела. А если его лупят, и он ноги уносит откуда-то, — то ведь тоже за снайперские дела...»*

Люди, убиваемые братом, по мысли юного Глеба, вроде и не люди вообще — так, безымянные компьютерные мишени: *«... Сколько еще бегают их, этих банкиров! И пока они существуют, всегда будет, наверное, спрос на их наказание — ведь наверняка все они жулики, и вокруг них, пожалуй, целая толпа тех, кто хочет, чтобы с ними поделились. Так что Боря просто как бы стрелковый работник, вроде того. И почему, собственно, не может быть такой должности?»*

Судьба разводит горячо любящих друг друга братьев: не имея сил по-

вторить подвиг Евгения Родионова, ценой смерти отказавшегося изменить веру, попавший в плен киллер Борис принимает мусульманство, а затем эмигрирует, чтобы поступить во Французский легион и стать «наемным солдатом»: *«Понял только сейчас по-настоящему Глеб, зачем Борис завел речь об Иностранном легионе. Там все это происходит в открытую. Почти официально»*.

Писатель постоянно думает о том, как вернуть сегодняшнюю молодежь к книге, к чтению. Он стал инициатором замечательного издательского проекта — журнала «Путеводная звезда. Школьное чтение», представившего за годы существования более двухсот лучших произведений современных прозаиков для детей и юношества, а «журнал в журнале» «Большая перемена» дал путевку в жизнь сотням юных авторов и журналистов из разных городов России, впервые опубликовавших стихи и прозу на его страницах.

В каждом своем новом произведении Лиханов предлагает нам личную драматическую педагогику, знакомство с которой способно разбередить душу и заставить по-новому взглянуть на отношения в собственной семье родителей и юных читателей. Он рассматривает детство как смысл взрослой жизни, стремится понять, что происходит с современным детством, ставит острые социальные вопросы и ищет на них ответы. Многие из взрослых читателей его книг услышат призыв писателя, прозвучавший в романе «Невинные тайны»: *«Снимите те же шляпы перед детством,*

стяните картузы, спрячьте форменные фуражки, разгладьте картонные свои, лживые, приклеенные улыбки, люди, забывшие детство!»

Своими произведениями он пытается лечить души юных современников, подводит их к пониманию многогранной сложности взрослой жизни и — что не менее важно! — самоценности бытия. Задача писателя, по мнению Альберта Лиханова, — не говорить комплименты молодежи, а объяснять ей — жалости достоин человек, не понимающий, что именно от его юношеских поступков сегодня зависит, состоится он в будущем или нет.

Помимо литературной деятельности Альберт Анатольевич уже более 27-ми лет возглавляет Всероссийский детский фонд и Международную ассоциацию детских фондов, девизом которых стали слова: «Ни дня без доброго дела!» Он добился создания во всех сиротских заведениях попечительских советов и открытия благотворительных счетов, куда Детский фонд перечислил 120 миллионов рублей, подарил сиротским заведениям 1500 автобусов и грузовиков... Программы — «Глухие дети», «Детский туберкулез», «Мили доброты», «Звуки жизни», «Духовная защита» — помогают детям из неполных и проблемных семей, детдомовцам, детям-инвалидам. Фонд моментально реагирует на беды, внезапно обрушивающиеся на детей и взрослых. Например, разгул огненной стихии на больших территориях нашей страны привел к созданию специальной программы — «Детям,

пострадавшим от пожара». Благотворительные взносы пойдут на адресную помощь социально незащищенным семьям с детьми, поддержку учебных и детских медицинских заведений, расположенных в зонах масштабных пожаров.

Сам фонд находится в старинном московском особняке. Здесь, в восстановленном Итальянском зале, раз в полгода проходят концерты талантливых детей, многие из которых становятся стипендиатами фонда.

Вся жизнь Альберта Анатольевича Лиханова пронизана заботой о детях — о тех, кого предали родители, кого судьба бросила в пламя межнациональных войн, кому довелось родиться инвалидом... Смело можно сказать, что сегодня нет в России человека, который бы сделал столько добрых дел для сотен тысяч российских детей. Остается пожелать, чтобы этот удивительный писатель и общественный деятель мог еще долгие годы заниматься самым благородным на свете делом — возвращать детям здоровье, счастье, надежду и веру...

Редакция «Смены» присоединяется к многочисленным поздравлениям в связи с юбилеем Альберта Анатольевича Лиханова и желает ему здоровья, дальнейших творческих успехов, а главное — еще на долгие долгие годы сохранить в душе любовь к Детству и детям, помогая им ориентироваться в нашем сложном современном мире. □

Юрий Осипов

ПОЭТ

земли русской

к 120-летию
со дня рождения
Сергея Есенина

Не найдется, пожалуй, в послереволюционной российской поэзии фигуры более яркой, знаменитой и более трагичной, нежели Сергей Есенин. Крестьянский сын, он заслужил своими стихами любовь народа и его вождей, дружбу палачей и их жертв. Женщины буквально вешались ему на шею, а он топил любовь в кабацком угаре, оставляя за собой вереницу брошенных жен и детей. Он прожил мало, но успел много. И ушел из жизни темно, страшно и одиноко, породив разные версии собственной смерти. Он рано заставил говорить о себе и до последнего сохранил всю мощь своего удивительного дарования.

Его стремительный жизненный путь начинался в «стране березового ситца», на Рязанщине, в селе Константиново. «Последний поэт дерев-

ни», как назвал себя в одном стихотворении Есенин, с настоящей деревней был связан мало и недолго. Но это в нем было настоящее, на

этом он стоял. И это, в конечном счете, питало его поэзию.

Дед поэта по матери, Федор Андреевич Титов, едва владел грамотой, но отличался большой колоритностью и своеобразием. Веселый в пиру, жестокий в гневе, он гонял баржи с разными грузами в Петербург. Удача, по словам сестры Есенина, ходила за ним следом. Упорное желание во всем быть первым дед заронил и в душу любимого внука Сергуньки. В его доме и прошли первые детские годы Есенина.

Отец поэта на традиционного крестьянина тоже был мало похож. Мальчиком пел в церковном хоре, обладал прекрасным дискантом. Поехал в Москву начинать самостоятельную жизнь в мясной лавке. На фотографии у него тонкие породистые черты лица, печальные умные глаза. Дар сына разглядел одним из первых, говорил, что он «не такой, как мы», и назвал Сергея «слитком таланта». Тот, враждуя с отцом, признает в «Автобиографии» 1916 года: *«К стихам расположили песни, которые я слышал кругом себя, а отец мой даже слагал их».*

Первая деревенская красавица, своенравная Татьяна Титова вышла за тихого, мечтательного и скромного Александра Есенина исключительно по воле отца, загонявшего ее под венец кнутом и плетью. Об этом рассказывала жена второго сына Татьяны, прижитого матерью Есенина, когда она разводилась с его отцом и временно уходила из дома.

Здесь — истоки острой детской драмы Сергуньки, оставшегося сиротой при живых родителях.

Он был третьим ребенком в семье, родившись 3 октября (21 сентября) 1895 года. Вражда Татьяны со свекровью и неприязнь ее к нелюбимому мужу нарастали, и, в конце концов, она с трехлетним сыном на руках окончательно ушла из есенинского дома к своим родителям. Но и в доме деда с бабкой жизнь маленького Сергея складывалась непросто. К тому времени Федор Андреевич разорился и, взяв внука на воспитание, отправил дочь в Рязань зарабатывать на жизнь. Другая бабушка Сережи, в отличие от певуньи Аграфены, была женщиной кроткой и небожной. В памяти поэта сохранились часто собиравшиеся в ее доме странники, слепцы, убогие, которые пели духовные стихи о Голубиной книге, о райском вертограде, о крестьянском заступнике Миколе...

Хрупкого золотоголового мальчугана, видя, что он «слаб и тщедушен», бабушка Аграфена старалась «всячески уберечь», а дед Федор, напротив, «закалить». Сверстник Есенина свидетельствовал: «Был горяч... все время драки затевал, ему же поэтому больше всех и доставалось». Рос он, однако, не скандалистом и хулиганом, каким потом хотел казаться, а скорее мечтателем. Мечтал о любви, дружбе, о тайне. Эта скрытая мечтательность часто обращивалась во взрослой жизни осознанием своего изгойства, что тол-

*Родители
Сергея
Есенина —
Александр
Никитич
и Татьяна
Федоровна*

кало на еще больший эпатаж. И так до самого предсмертного часа и почти последних строк:

Кто я? Что я?

Только лишь мечтатель,

Синь очей утративший во мгле...

Ключ к пониманию личности Есенина в том, что еще в детстве и отрочестве ему хотелось быть гораздо отчаяннее и бесстрашнее, чем он был на самом деле. А жестокие нравы революционной эпохи побуждали делать ставку на «хулиганство», «бесшабашность», «разбойность», вступавшие в противоречие с его тонкой поэтической натурой.

*Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.*

*Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.*

В стихотворении 1915 года уже отразилась вся противоречивость Есенина как поэта и человека. Но пока, после вынужденного возвращения матери к отцу, Сергей учится в земском четырехгодичном училище и ведет, по его собственным словам, довольно легкую и беззаботную жизнь. Учился он хорошо, учителя даже поручали ему проверять уроки лодырей, которых оставляли без обеда готовить не сделанные до-

машинные задания. Это не прибавляло ему симпатий одноклассников и служило причиной частых ссор и драк с ними. Не пользовались в классе популярностью и его способности к стихосложению, а постоянные разговоры Сергея с одноклассниками о своих стихах казались им скучными.

Он замыкался в себе, погружаясь в жадное беспорядочное чтение книг, о которых ему тоже, в сущности, не с кем было поговорить. Уязвленное самолюбие, непризнание сверстниками его способностей, враждебное окружение — все это развивало в рани-

мом подростке замкнутость, сопротивляемость, ощущение собственной исключительности, своего особого пути и призвания. Он любил подолгу в одиночестве сидеть на берегу Оки, любовно плел летом младшей сестренке Шуре платья из цветов и листьев и тут же убегал в господский дом играть в крокет.

Для форсу прогуливаясь по деревне в своем единственном приличном костюме, юноша завязал дружеские отношения с молодой соседней помещицей Лидией Кашиной. Жена важного генерала, мать двоих детей, она была на десять лет старше Есенина и каждое лето приезжала с детьми, но без мужа, в их богатую усадьбу. Очевидно, ее дружба с голубоглазым кудрявым деревенским пареньком переросла в более сильное чувство. Сам Есенин на эту тему не распространялся. Однако осенью 18-го года отправил Андрею Белому письмо с обратным адресом квартиры Лидии Кашиной в Скатертном переулке и сделал ее впоследствии героиней поэмы «Анна Снегина». Только, в отличие от героини поэмы, Лида никуда не эмигрировала. После того как новая власть отобрала у нее усадьбу, она работала переводчицей, машинисткой, стенографисткой. И была похоронена в 1937 году рядом с Есениным на Ваганьковском кладбище.

Душевные терзания начинающего поэта наложились на жесткий разлад с отцом, который был категорически против того, чтобы сын жил стихами,

и требовал идти по его стопам — поступить в торговую лавку и иметь надежный кусок хлеба. Разочаровавшись в первых любовных увлечениях девушками из учительских семей, Сергей совершил отчаянный поступок, близкий к самоубийству. «Я выпил, хотя и не очень много, эссенции», — признавался он спустя много лет в «Автобиографии».

Первые его стихи 1912-13 годов, из которых он даже составил маленький цикл под претенциозным названием «Больные думы», насквозь риторичны и подражательны Надсону, Кольцову, Никитину, раннему Лермонтову. «Небольшую, но ухватистую силу» Есенин приобрел после встречи с крестьянским поэтом Николаем Клюевым, ставшим его неразлучным спутником на долгие годы.

Клюев научил Есенина надевать и непринужденно носить различные защитные маски для спасения от «страшного мира». С ними и тетрадями юношеских стихов поэт отправился на завоевание Москвы, величая себя «божьей дудкой».

Три московских года жизни Сергея Есенина — с августа 12-го по март 15-го — вместили очень многое. Работу в типографии ради хлеба насущного, роман с Анной Изрядновой, родившей ему сына, сближение с социал-демократами и полтора года учебы в народном университете имени Шанявского. Здесь, в «городе вязевом» пришло к Есенину и первое признание, пока еще только членами литературно-музыкального Су-

риковского кружка (по имени известного тогда в Москве поэта Ивана Сурикова). В свободные часы он бродил вокруг соборов Кремля, пропадавал на Никольском книжном рынке, где приценивался к старым изданиям былин, «Слова о полку Игореве», томикам Лермонтова, Некрасова, Кольцова...

С тяжелым сердцем заходил Есенин в комнатку отца в Строченовском переулке, куда принес первый гонорар за стихи — целых три рубля! Отец, впрочем, отнесся к этому спокойно и все равно не дал сыну благословения на стихотворство. Зато устроил его в контору к своему хозяину, с условием, что Сергей поступит осенью в учительский институт. Через неделю начинающий поэт взял в конторе расчет и заявил отцу, что ни в какой учительский институт поступать не станет, а пойдет искать места в жизни.

Трудовая жизнь Есенина в знаменитой Сытинской типографии осложнилась тем, что он между делом подписал письмо «пяти групп сознательных рабочих Замоскворецкого района». Далее последовали два обыска охранки на квартире, которую он снимал, и слежка за ним на протяжении недели. Побаловавшись игрой в «сознательного рабочего», поэт засобирался в Питер — ведь именно там была сосредоточена тогдашняя литературная жизнь. Он мечтал добраться до самого Александра Блока и получить его напутствие.

Прямо с вокзала Есенин поехал на Офицерскую. Не застав Блока, оставил ему записку и ринулся на его поиски по редакциям. Не нашел и вернулся обратно на Офицерскую. Дверь отворил сам Блок, величественный, высокий, статный и замкнутый. Через десять лет, уже в зените славы, Есенин признается в «Автобиографии»: *«Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот»*. Блок, оценив стихи деревенского поэта, не стал им заниматься, а направил к Сергею Городецкому. Тот, по сути, и открыл своему тезке дорогу в литературу.

В следующие месяцы Есенин свел знакомство с Мережковским и Зинаидой Гиппиус (которую назвал в письме «Гиппиусихой»), Ахматовой и Гумилевым, Вяч. Ивановым, Цветаевой, Рюриком Ивневым... Элита «Серебряного века» благосклонно встречала кудрявого самородка «от сохи». *«Факт появления Есенина был осуществлением долгожданного чуда»*. Так писал позднее его главный покровитель Сергей Городецкий.

Литературная летопись не знает более легкого и быстрого восхождения на Парнас. Всеобщее признание пришло к Есенину буквально за несколько недель. Из редакции в редакцию его передавали по эстафете рекомендательных писем. Публикации стихов Есенина и отзывы о нем посыпались как из ведра. Поэта наперебой стали приглашать в салоны петербургских меценатов и на литературные вечера. А ведь к Городец-

кому от Блока он заявился с черного хода и осведомился у кухарки, не надо ли чего покрасить...

Возможно, то была одна из расхожих масок Есенина, который еще долго щеголял на званых вечерах в косоворотке и лаковых сапогах, с гармошкой под мышкой, сменившейся затем цилиндром. На фоне пресловутой желтой кофты Маяковского и прочих эпатажных выходок футуристов даже исполняемые порой Есениным по просьбе салонной публики матерные деревенские частушки не выглядели чем-то необычным. Его обхаживали в богатых буржуазных домах и на тусовках «золотой» молодежи.

О том, что этот «пастушок» ох как себе на уме и ведет свою хитрую игру, одной из первых догадалась прозорливая Гиппиус. «Что это на вас за гетры?» — спросила она его однажды с издевкой, поднеся к глазам лорнет. Есенин чуть ли не единственный раз в жизни растерялся и ответил смущенно: *«Это валенки»*. *«Вы вообще кривляетесь!»* — не дала ему спуска вредная супруга Мережковского, посвятившая, тем не менее, Есенину хвалебную статью.

9 марта 1915 года, в день приезда Есенина в Петербург, вышел царский указ об очередном призыве в армию, уже второй год сражавшуюся на фронтах Первой мировой. В конце апреля 19-летний поэт отправился на призывной пункт в Рязань, но от воинской службы ему удалось на какое-то время отвер-

теться. Канва его жизни в тот период изобилует прихотливыми сплетениями. Он стремительно мужает, набирается литературного опыта и мастерства. Стихи льются из него непрерывно, словно песня. И это уже настоящие есенинские стихи. В Царское Село к Ахматовой и Гумилеву они с Клюевым привезли уникальный рождественский номер «Биржевых новостей», в котором рядом с их стихотворениями были напечатаны Блок, Белый, Бунин, Брюсов, Волошин, Ремизов, Скиталец, Тэффи, Сологуб... Просто Ноев ковчег, собравший совершенно несоместимых, однако лучших писателей и поэтов эпохи. Есенин читал хозяевам из газеты свое:

Край родной! Поля, как святцы,

Рощи в венчиках иконных...

Я хотел бы затеряться

В зелени твоих стозвонных.

Тогда в Петербурге, переименованном в Петроград, он оброс сомнительными друзьями-спутниками, таскавшими его по кабакам, случайным компаниям и нанесшими серьезный урон психическому здоровью поэта. Были среди них и одаренные, но загубленные личности, такие, как гимназист и поэт Леонид Каннегисер, будущий убийца Урицкого, с которым Есенин состоял в длительной переписке. Особенно тяжело давалась ему «дружба-вражда» с Николаем Клюевым, хотя он нередко признавался, что «Клюев расчищал нам всем дорогу».

Между тем, он и сам все более уверенно штурмовал вершину россий-

ского поэтического Олимпа. В журнале «Летопись» познакомился с Максимом Горьким и его окружением. Вел переговоры с издателем М. Аверьяновым о выпуске своего первого сборника «Радуница». Книга вышла в начале 1916 года и окончательно закрепила литературную репутацию Есенина. А он продолжал разыгрывать перед питерской интеллигенцией человека из глубинной, сказочной «Рассеи» и с маниакальным упорством осуществлял свой план завоевания столицы. Побывал на квартире Алексея Ремизова, затем — Леонида Андреева, которого не застал дома и которому оставил экземпляр «Радуницы» с вариантом своей стандартной дарственной надписи: «Великому писателю земли русской... от полей рязанских, от хлебных упевов старух и молодок на память сердечную о сохе и поневе...»

Кончался «распутинщиной» и кровавыми поражениями на фронтах смутный предреволюционный год. Сенсационная есенинская известность постепенно затухала в светских салонах. Вроде, со всеми «великими писателями земли русской» перезнакомился, а толку чуть. Все застыли в преддверии чего-то неотвратно надвигающегося, и им уже было не до него...

Революция застала Есенина на фронте, в одном из дисциплинарных батальонов, куда он угодил якобы за то, что «отказался написать стихи в честь царя». Исследователи отме-

*Первая жена —
Анна Изряднова*

чают в этом признании смесь правды и вымысла. А вот на концерте в царскосельском лазарете по случаю именин вдовствующей императрицы Есенин в плисовых шароварах и желтых сапогах читал стихотворение «Русь».

Потонула деревня в ухабинах...

Русь бесприютная. Потом у него будут и «Русь советская», и «Русь уходящая», с бабами, невестами, ополченцами, матерями... А тогда после концерта он получил в награду от императрицы Марии Федоровны золотые часы и разрешение посвятить ей цикл стихов в своей новой книге! Такими верноподданническими чувствами любимец публики навлек на себя бурное негодование «передовой общественности»,

и, не случись Февральской революции, двери крупнейших издательств оказались бы для него закрытыми.

Клюев и народнический публицист Иванов-Разумник удерживали Есенина от опасного флирта со двором, куда его в начале 17-го года не раз приглашали читать стихи. 22 февраля он получил предписание явиться в Могилев для продолжения воинской службы. Но тут грянула революция, и дальше с поэтом приключилось то, что он откровенно описал в «Анне Снегиной».

*Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу» и вот...
...Под грохот и рев мортир...*

Был первый в стране дезертир.

Опьяненный революционной грозой, в поисках социальной силы, способной осуществить его мечту о крестьянском рае, Есенин весной 1917 года сошелся с эсерами. Его «золотая голова поэта и широкая улыбка сияли среди черных блуз и угрюмых глаз, глядящих из-под очков», — вспоминал В. Чернявский. Есенину казалось, что жизнь коренным образом меняется, что «наше время пришло», значит, можно перестать осторожничать, подлаживаться к обстоятельствам и к сильным мира сего, испытать, наконец, счастье быть самим собой.

Эта иллюзия свободы продлилась недолго. Пару лет спустя, в эпоху военного коммунизма, ему опять придется надевать маску, идя на прием к Троцкому, Калинину, Каменеву, снова прикидываться крестьянским

*Вторая жена — Зинаида Райх
с детьми Есенина*

парнем, деланно окать и выпрашивать бумагу для изданий или разрешение на открытие книжной лавки. И вновь власть и поэт будут недоверчиво приглядываться друг к другу, обоюдно лицемерить: власть, притворяясь народной, а поэт — рупором революции. Но это произойдет потом. Пока же Есенин был охвачен новыми надеждами, творческим жаром и сильным чувством к молоденькой секретарше из эсеровской газеты «Дело народа» Зинаиде Райх.

Их бурный роман и быстро распавшийся брак — отдельная история. Стоит только сказать, что «роковая» Зиночка Райх перешла затем с детьми Есенина к Мейерхольду, который сделал ее, никудышную ак-

*Жена Надежда
Вольпин
с сыном
Есенина —
Александром*

трису, примой в своем театре и которому она была так же неверна, как, по всей вероятности, и первому мужу. Но любила всю жизнь одного его и, когда гроб с телом поэта опустили в могилу, прошептала: *«Прощай, моя сказка!»*

Говорят, непосредственным разлучником этой пары выступил злой гений Есенина Анатолий Мариенгоф, неотступно следовавший за ним повсюду. Сам же поэт в пору брака с Зинаидой Райх находился в расцвете творческих и физических сил и, опьяненный мистическими прозрениями, создавал цикл религиозно-революционных поэм. Но мы сегодня повторяем другие есенинские строки тех лет: *«Вы помните, вы все, конечно, помните, \\ Как я стоял прижавшись к стене. \\ Взволнованно ходили вы по комнате \\ И что-то резкое \\ В лицо бросали мне»*. Или: *«Любимая! \\ Меня вы не любили...»*

Несравненным лирическим поэтом он оставался и в последующие годы, хотя его мировоззрение и, в особенности, идилическое отношение к крестьянству кардинально изменились. *«Хлестнула дерзко за предел \\ Нас отравившая свобода»*. Таким, новым, он отправился 3 января 18-го года в гости к Блоку. Они долго беседовали на профессиональные темы, и Александр Александрович спросил у Есенина, откуда он столько знает, на что тот дал, как всегда, уклончивый, полуернический ответ. Блока Есенин глубоко почитал и пошел на его поэтический вечер в Технологический институт, шепнув там в перерыве своему спутнику: *«Хорош Блок! Надо его проводить до дому»*. И проводил, беседуя с ним по дороге о германском наступлении на столицу.

Чтобы в одиночку не загнуться с голоду, Есенин судорожно пытал-

ся встроиться в какие-нибудь структуры — издательские, профсоюзные, культурные. И взял на себя роль одного из организаторов группы имажинистов. Заполняя, случайно угодив в ЧК, анкету, в графе «партийность» он написал: «имажинист», что станет отныне его поэтической принадлежностью.

Причудливая жизнь новой эпохи влекла Есенина в дальние концертные поездки по стране. В мае 21-го он через Самару и Поволжье, где царил страшный голод, приехал в Ташкент. Под влиянием увиденного, в спорах с друзьями-поэтами А. Ширяевцем и Н. Клюевым в его сознании возникали несвойственные ему прежде мысли и образы. Есенин крепко усвоил нехитрую заповедь: «пиши о своем». И часто с любовью вспоминал Блока. «У него глубокое чувство родины... без этого нет поэзии». Так начала складываться поэма «Пугачев», одно из главных и наиболее зрелых произведений Есенина. Он ощущал себя теперь блудным сыном, которому возвращаться некуда — милый его сердцу деревенский мир был раздавлен железной пятой. Кругом нарастало отчаянное сопротивление политике военного коммунизма. Вспыхнуло тамбовское восстание, восстал Кронштадт... Они были потоплены в крови, но не прошли бесследно, найдя прямое отражение в есенинском «Пугачеве». Страна менялась. Менялся ее поэт.

7 августа 1921 года умер Александр Блок. Есенин ворвался на ве-

чер его памяти в московском клубе пролетарских поэтов «Кузница» с криком: «*Это вы, пролетарские поэты, виновны в смерти Блока!*»

Сам Есенин в это время писал стихи по ночам, сочинял их в уме днем, на ходу, празднующимся, за столиком кафе, со сжатыми губами, ничего не видящими глазами и нечленораздельным мычанием, перед тем, как влипнуть в очередную

*С женой
Айседорой Дункан*

скандальную историю. Он был воплощением литературной богемы, легко покорял любую аудиторию и во многом напоминал будущего Владимира Высоцкого. Столь неотразимым Есенин повстречал в июне 1921 года Айседору Дункан.

Известная американская балерина — «босоножка», прибывшая в Россию не только с выступлениями, но и, чтобы открыть свою балетную школу, была очарована Есениным. Их внезапно вспыхнувшая страсть переросла в громкий брак с душераздирающими ссорами и битьем посуды. Знаменитая совместная поездка в Америку окончилась разрывом.

Есенинская любовь к Айседоре подарила нам замечательные лирические стихи, а ему принесла горечь разочарования, усталость, все усиливавшееся пьянство и душевную болезнь... «Друг мой, друг мой, \\Я очень и очень болен.\\ Сам не знаю, откуда взялась эта боль.\\ То ли ветер свистит\\ Над пустым и безлюдным полем,\\ То ль, как рощу в сентябрь,\\ Осыпает мозги алкоголь».

Он пытался еще бросить вызов большевистской диктатуре драматургической поэмой, рискнув дать ей исчерпывающее название «Страна негодяев». «Негодяи» пренебрежительно отмахнулись, предпочли «не заметить». А читающая Россия восторженно упивалась пронзительной поэтической исповедью Сергея Есенина:

*Не злодей я и не грабил
лесом,*

*Не расстреливал несчастных
по темницам.*

*Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.*

.....
*Я хожу в цилиндре не для
женщин —*

*В глупой страсти сердце жить
не в силе, —*

*В нем удобней, грусть свою
уменьшив,*

Золото овса давать кобыле.

Ему уже оставалось недолго, и он лихорадочно спешил. Одновременно со «Страной негодяев» написал поэму «Гуляй-поле» о разгуле народной стихии, а сам неистовствовал в разгуле кабацком. В невероятной насыщенности утекающей бесприютной жизни он, как ребенок, радовался полученной в результате хлопот друзей комнате в коммунальной квартире. Сходил и расходился на идейной почве с разными людьми, влюблялся в самоотверженных хороших женщин, таких, как Галина Бениславская, и после расставания сохранял с ними дружбу. Бегал по редакциям за копеечными гонорарами, отсылая большую часть денег сестрам. Упорно пробивал в издательствах свои сборники. Ездил по клубам с выступлениями. Написал великое послание матери: «Ты жива еще, моя старушка?...» И воззвал к Пушкину: «... Но обреченный на гоненье,\\ Еще я долго буду петь...\\ Чтоб и мое степное пенье\\ Сумело бронзой прозвенеть».

С последней
женой —
Софьей
Толстой

Он переживал глубокую внутреннюю драму — опозитизированная им Русь васильковых полей, которую поэт страстно призывал «взмахнуть крылами», безвозвратно исчезала вместе с крестьянским укладом. «Смешного дуралея жеребенка» сменяла бездушная «стальная конница». Подступали одиночество и пустота. Та, что будет с горечью помянута Маяковским в стихотворении на смерть Есенина: «...Пустота. \\\\ Летите, в звезды врезываясь».

Он успеет еще написать громкую поэму «Песнь о великом походе», посвященную легендарным героям революции, которые шли к победе с народной идеей справедливости,

мечтая о счастливой жизни. Но и в этой оптимистической «Песне», словно спетой с чужого голоса, вдруг звучат трагические ноты (как и в последующей «Поэме о Зб»): «Много в России \\\\ Троп. \\\\ Что ни тропа — \\\\ То гроб. \\\\ Что ни верста — \\\\ То крест. \\\\ До енисейских мест...». За поэму схватились журналы — ленинградская «Звезда», «Октябрь». В 1924 году Госиздат выпустил ее отдельной книгой, в которую автор хотел, но не смог включить свои последние стихи и «Поэму о Зб». Уже вышла «Москва кабацкая», в издательстве «Круг» готовился сборник избранных стихотворений Есенина. Разделавшись с делами, он махнул на Кавказ. Сначала — в Баку, потом в Тбилиси. Думал, надолго. Надеялся даже добраться до Персии...

«Персия прогорела», — иронизировал он потом в письме. Памятью о ней осталась в есенинском творчестве несравненная «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» Зато в Баку и в Тбилиси поэт воспрял душой, обрел новых славных друзей, немного подзаработал, много пропил, опять ввязывался в разные скандальные истории и благополучно возвратился в Москву, к последней жене — внучке Льва Толстого, Софье Андреевне. Брак этот, по сути, не нужен был ни ему, ни ей. Что называется, польстился на фамилию.

Накануне отъезда на Кавказ Есенин поставил свою подпись под напечатанным в «Правде» заявлением о роспуске группы имажинистов.

До этого «Правда» не печатала ни единой его строки. Власть явно протягивала Есенину руку, признавала, что он является одним из первых поэтов РСФСР.

Сергей Александрович отнесся к такой милости настороженно и в разговоре с видным тогдашним литературным деятелем, редактором журнала «Красная новь» А. Воронским заявил: *«Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду»*. В марте 1925-го неожиданно еще раз сбежал из Москвы в Баку, подальше от удушающего климата развязанной Сталиным антитроцкистской кампании. Хотя, как и в прежнее время, продолжал флиртовать с сильными мира сего, искать у них поддержки, полагая, что, когда надо, сумеет тихо ускользнуть. Не сумел.

Несмотря на официальное признание, он видел, что вокруг него сгущаются тучи. Есенина начали посещать предчувствия смерти. Особенно после загадочной кончины на операционном столе Михаила Фрунзе, который был в числе высокопоставленных доброжелателей и защитников поэта. Одного литературного знакомого он прямо просил написать о себе некролог. Перед роковым отъездом в Ленинград заходил негласно попрощаться с Мариенгофом, посидел у кровати его сына. Точно так же навестил Зинаиду Райх, поговорив с их маленькой дочуркой, как со взрослой. По телефону просил прийти его прово-

дить Бениславскую. Она отказалась. Часто жаловался в последние дни на тоску...

...В номер ведомственной ленинградской гостиницы «Англетер» Сергей Александрович велел никого к нему не пускать. Очевидно, чувствовал за собой слезку. Ведь буквально накануне отъезда похвастался по пьяному делу вездесущему партийному функционеру Тарасову-Радионову, что обладает копией телеграммы Каменева великому князю Михаилу, в которой «пламенный революционер» подобострастно поздравлял того с отречением от престола его брата Николая Второго. Этого, разумеется, было достаточно для немедленной расправы с поэтом. Тем более в городе на Неве, где хозяином являлся давний друг и соратник Каменева Зиновьев.

27-го декабря в 11 вечера управляющего гостиницей вызвали на службу его непосредственные начальники, работники ОГПУ, и сообщили, что с Есениным «несчастье»... По официальному сообщению, он повесился в своем номере на батарее, в крайне неестественной позе с поджатыми коленями. Лицо было обезображено огромным кровоподтеком.

Названное молвой «предсмертным» стихотворение *«До свиданья, друг мой, до свиданья...»* могло быть написано просто к случаю. Есенин подарил это стихотворение на листке из блокнота сотруднику ленинградской «Красной газеты» Жоржу

Устинову, который снял ему номер в гостинице. Сомнительное самоубийство выдающегося русского поэта по-прежнему требует расследования.

Хоронить Есенина решили за государственный счет, тело доставили в Москву. А сами похороны стали поистине всенародными. Как и посмертная есенинская слава. □

Великие сосны

У моего одноклассника Феде был необыкновенный слух: посреди беготни и шума он вдруг останавливался как вкопанный, чуть вытягивал шею, поднимал руку, прося тишины, и мы слышали тогда в темно-зеленой свежей кроне тополя густое гудение самого первого майского жука. Бывало, Федя говорил: «Комар летит!» — и мы смеялись, не слыша никакого комара, но он обязательно прилетал да еще впивался в шею, доказывая Федину правоту. Еще Федя говорил, что слышит, как рыба в воде плавает, но в это поверить никак нельзя было. Теперь я думаю, что он, верно, слышал тихое шелестение струй в плавниках плотвичек и шуршание донного песка меж рачьими клешнями. Задним числом я склонен верить Феде, а в детстве мы ему веры давали мало, несмотря на то, что он всегда оказывался прав. Взять ту же рыбу, говорил Федя: не плавает — значит, нечего было и удочку закидывать. Наверное, за этот необыкновенный слух мы и не любили его. То ли завидовали, то ли злились, что сам Федя не видел в своей способности слышать так чутко ничего особенного. Может, он жалел нас за тугоухость, может, просто не понимал, как можно не слышать слышимое.

Федя был приезжий, в поселке он вместе с матерью появился перед самым сентябрем. Они перебрались сюда из какого-то медвежьего угла, мать устроилась работать на завод, а Федька попал в наш пятый класс и получил кличку «первобытный».

Было это так. Мы писали сочинение по картине Шишкина «Сосны». На следующий день Татьяна Семеновна, учительница литературы и русского языка, принесла в класс стопку наших тетрадей.

— Я проверила ваши сочинения, ребята. В основном тему русской природы вы раскрыли. Есть хорошие сочинения, мы к ним еще вернемся. Я хотела бы зачитать сочинение, которое написал Федя. Подумайте, ребята, над ним.

И стала читать: *«В поселок мы приехали не очень давно. Я хочу вернуться домой, у нас там так же хорошо, как на картине Шишкина "Сосны". У нас под соснами летают пчелы размером с воробьев. Они летают группами и по одной и пьют нектар из цветов, которые, как тарелки, большие. Цветы качаются над травой, а рядом золотое поле — это хлеб поспел, скоро уборка. Сосны достают до неба, любая сосна выше заводской трубы».*

Тут все мы посмотрели в окна класса на эту трубу, которая возвышалась чуть не до облаков, соча черный редкий дым, и засмеялись.

Татьяна Семеновна недоуменно посмотрела на нас, сказала: «Тише, ребята!» — и продолжала: *«Сосны такие большие, что на телеге вокруг сосны надо ехать целый день, и то не успеешь объехать до заката. Можно и заблудиться в этих цветах и деревьях, которые шумят и шумят как живые. Да, они живые! Небо очень чистое, синее зимой и летом. Так у нас дома. Моя душа поет и смеется».*

Когда Татьяна Семеновна кончила читать, класс уже рыдал от смеха, а Санька непрерывно жужжал и вращал ладони вокруг ушей, показывая, как летают гигантские пчелы.

Федька сидел, насупившись, покраснев от обиды. Татьяна Семеновна растерялась, потом вдруг закричала:

— Прекратите смеяться!

Она на нас редко кричала, поэтому все сразу смолкли и посмотрели на Федьку. Он встал и вышел из класса.

На следующий день его прижали-таки к стенке, требуя объяснить, где это он видел такие сосны, которые выше заводской трубы.

— У нас труба самая высокая в области, — говорил Санька, — а ты, дурак, пишешь, что сосны выше ее.

— Пни вы горелые, — отвечал Федька, — это все раньше было, в первобытные времена. Все точно так было!

И Федьку окрестили «первобытным».

Детство давно прошло, но странное дело — приезжая к матери домой, я нет-нет да и вспоминал эту историю. Мать рассказала мне, что Федька, отслужив в армии, пошел работать на завод, построил дом, отказавшись от казенной квартиры, и остался таким же чудачком. Выйдет вечером под тополя и слушает часами, как майские жуки гудят, а увидит у кого-нибудь

из детей сачок — тут же отнимет и ломает. Корову завел, а мода на это дело в наших краях давно прошла. Все работают на заводе или на железной дороге, не до хозяйства, да и лень возиться со скотиной. Федька женился, но скоро развелся — и все, говорят, из-за этой коровы, жена ее не хотела, говорила, что не желает в навозе красоту терять. Федька живет как бобыль, и по-прежнему зовут его первобытным человеком.

Прошлым летом я выбрал две недели и опять приехал к матери. Летом тут так хорошо, как в детстве, и одно только мне мешало быть счастливым: больно хотелось поиграть в прятки, но об этом и заикаться нельзя было — взрослый дядя, и вдруг в прятки играть! Сумасшедший, скажут. А почему? Не знаю. В волейбол можно, а в прятки — ни-ни.

Зато в другом удовольствии, прежде малодоступном мне, я теперь не знал отказа. Через каждые два дня я брал весло, удочку, спички и шел на рыбалку с ночевкой. Сидел почти всю ночь у костра, глядел на реку, на звезды, осыпавшие небо, и думал неизвестно о чем, пока утренняя дремота не наваливалась незаметно и сладко — тогда я засыпал на какой-нибудь час, а с зарей уже стоял по пояс в парной реке и смотрел на поплавок,носимый тихим течением. Поймать редко чего удавалось — разве пяток окуньков, поэтому мать меня не понимала, считая, что главная моя цель — добыча. Однажды она купила на базаре пару крупных судаков, наварила ухи, думая, должно быть, что во мне играет честолюбие горожанина, непременно желающего ушицы, но и это не удержало меня от очередного похода.

Следующим вечером я опять сидел у реки в каком-то полузабытьи, и чувствовал, что доносящийся с другого берега шум завода хотя и мешает слушать ночь, но я с ним потихоньку смиряюсь, перестаю замечать, как перестаешь замечать со временем ход часов в комнате. Вдруг раздался стук уключин, тихий плеск весла, потом лодка с шорохом торкнулась носом в песок, и кто-то ступил в воду. Брякнула цепь о прикол, щелкнул ключ, и от кромки воды, осыпая ногами сухой глинистый склон, поднялся ко мне под деревья невысокий мужичок в телогрейке и резиновых мокрых сапогах.

— Здорово вам, — сказал он вежливо.

Я поздоровался и подбросил веток в костер. Огонь оживился и осветил лицо человека — это был Федя. Должно быть, он тоже сразу узнал меня — пригляделся мимолетно и протянул руку, снова здороваясь:

— Давно мы с тобой не виделись.

— Давно, — согласился я и вдруг поймал себя на мысли, что вроде не о чем разговаривать с ним, по крайней мере, в эти первые минуты неожиданной встречи.

— Тихо как, — сказал я.

— Завод грохочет, — откликнулся Федя.

Тогда я вспомнил опять детство, Федин необыкновенный слух, наши игры, когда вдоль улицы в розовом свете летнего вечера долго после беготни стояла не разносимая безветрием нежная сухая пыль, такие же вечера у реки под большими тихими звездами, вспомнил наш класс, теперь уже разошедшийся по жизни в разные концы и пределы. Что-то вроде вины проснулось во мне, и я спросил:

— Федя, а помнишь, в пятом классе сочинение по Шишкину писали?

— Как не помнить, помню. Еще бы. Хоть бы кто сообразил, что я чистую правду писал. Все смеяться скорей.

— Ну, как же правду? Сосны выше трубы!

Он привстал на локте, потом сел.

— И ты не понял ничего! Да со мной это в детстве было, еще до школы. Я сам был с подсолнечную шляпку, а все помню: поехали с дедом в поле, сосны не хуже чем на картине — под небеса, пчелы как вертолеты. Дед уснул на телеге, храпит — лошадь пугается. А я что — пупком сверкаю, смотрю, как паутины серебряные летят. Лошадь идет куда хочет, дед спит, а я забыл все на свете — гляжу только на сосны, как они над телегой наклоняются, наклоняются, когда к ним ближе подъезжаешь — и вот сейчас упадут! Но не падают!

И, опять слушая Федю, подумал я, как давно все это было — и сочинение, и Санька, и одноклассницы, которые давно повыходили замуж и народили детей. Я позавидовал Феде — ведь никогда мне не слышать мира так, как он слышит. Никогда. И я пожалел его: он один такой, и никто его не поймет, и никто ему не простит редкого дара.

На заре я проснулся и пока смотрел за медленным движением поплавок, плывущего в редком радужном тумане, Федя все укладывал и укладывал, отказавшись от помощи, тяжелые, пахучие охапки травы в свою небольшую лодку. Лодка огрузла, и головки цветов и стебли трав окунулись с бортов в воду. Мы попрощались, и он уплыл, растаивая и увеличиваясь в тумане, только весла долго еще были слышны мне.

...Я лег на песок и закрыл глаза. Я увидел: вот в темном и теплом сарае стоит сейчас тихая добрая скотина и ждет, когда придет добрый Федя. Он бросит ей охапку травы, возьмет ведро и начнет доить, сладко облегчая большое коровье вымя. Федя торопится, не хочет, чтобы кто-нибудь увидел, как он доит корову.

Сено ей он косит по ночам — чтобы не смеялись злые люди. □

Юрий Остапенко

Антарктическая история, или Русская правда японской легенды

Кадры из фильмов «Белый плен» и «Антарктическая история»

Известный фильм «Антарктическая история» режиссера Корееси Курахара впервые был показан на 34-м Берлинском кинофестивале в 1983 году. В Японии он имел огромный успех и занял первое место по кассовым сборам. А позже собрал множество поклонников и немало денег по всему миру. Лента рассказывала о молодом японском полярнике, неожиданно и невольно оставившем в Антарктиде, на станции Сева, своих собак. «Ненадолго» привязанные возле оставленных домиков станции, они были вынуждены срывать с цепей и ошейников и выживать самостоятельно в беспощадных условиях Антарктиды. Собаки учились охотиться на пингвинов и тюленей, искали остатки продовольствия на складах предыдущих экспеди-

ций, гибли в битвах с морскими леопардами, срывались с ледяных обрывов... Но герою фильма все же удалось преодолеть препоны своего жестокосердного научного начальства, вернуться через год на станцию Сева и спасти часть своих выживших питомцев. А погибших — достойно похоронить. Мало кого

могла не тронуть до слез эта щемлящая история. И еще меньше людей знали, какая правда стоит за красивой и благородной японской кинолегендой. Ее поведал нам известный историк и летописец советской и российской авиации, главный редактор журнала «Самолет» Юрий Остапенко.

В декабре 1958 года сорокалетний полярный летчик Виктор Перов завершал свою зимовку в Антарктиде в составе третьей экспедиции и в летние дни декабря ждал прибытия корабля «Обь», который должен был привезти смену и забрать зимовщиков домой.

Трудными были маршруты перовского экипажа на южном континенте. Он совершил во время годичной вахты, помимо всего прочего, на своем самолете беспосадочный 16-часовой полет к Южному полюсу относительной недоступности, затем первым проложил «сквоз-

Командир авиаотряда 3-й Антарктической экспедиции — Виктор Перов (третий слева)

ную» трассу через ледовый материк с советской станции Мирный через Южный полюс к американским зимовщикам в Мак-Мердо.

И вот россияне собрались домой. Но... 11 декабря советские радисты приняли экстренную радиограмму от австралийских зимовщиков со станции Моусон, которые, в свою очередь, получили сообщение от бельгийских коллег со станции Король Бодуэн. Сообщение гласило, что еще 5 декабря не вернулся на базу легкий одномоторный самолет с четырьмя бельгийскими исследователями. Командир авиационного отряда Перов понимал, почему обратились к ним: ни у кого на ледовом континенте не было надежного двухмоторного самолета, способного вести поиск в многочасовом полете. Так что надо было вылетать. Практически немедленно, поскольку после обеда ожидался такой снегопад и многодневное ухудшение погоды, что ни о каком полете и речи бы не было. Навигатором в рискованный полет вызвался лететь штурман отряда Борис Бродкин — в таком полете на штурмана — без достоверных карт, без устойчивой радиосвязи, без радиомаяков по трассе — особая нагрузка.

Летели в сплошной облачности. Погода действительно была — хуже не придумаешь. Тягостные часы слепого полета без связи, с несовершенными навигационными приборами. В Моусоне австралийцы рады были бы гостей оставить пере-

ночевать, но, увы, непогода — после заправки горючим и обеда надо срочно вылетать.

Теперь надо было искать бельгийскую зимовку. Именно искать, поскольку найти несколько домиков, по крышу занесенных снегом на белом снегу, — задача не из легких. Тем более, что полетные карты шестого континента в те годы были весьма приблизительными, так что приходилось рассчитывать только на чутье да на летный опыт.

Внизу мелькнули какие-то строения, занесенные снегом. Но людей, обычно приветствующих самолет, видно не было, и, сверившись с картой, летчики определили, что это законсервированная японская станция Сева. Перов принял решение сесть и оставить здесь бочки с 300 литрами бензина — на обратном пути он мог очень пригодиться.

Историю с японскими собаками знала вся Антарктида. И не только. Экстренная эвакуация Севы не позволила японским исследователям в прошлом году вывезти отсюда пятнадцать ездовых лаек. В Японии зимовщиков встретили отнюдь не как героев, а с негодованием: как могли люди бросить в ледяной пустыне — на верную смерть! — беззащитных животных?! Было даже внесено в парламент предложение — послать специальную экспедицию по спасению собак, но все понимали, что пока специальное судно доберется до Антарктиды (на это уйдет несколько месяцев), животные уже погибнут.

И вот они — живые! Лгнувшие к ногам, прыгающие на грудь, норовящие лизнуть в лицо. Соскучившиеся по людям собаки плакали! Да, собачьи глаза были полны слез, они катились по заиндеветшим мохнатым мордам и застывали прозрачными бусинками вокруг кричащих отчаянием глаз.

Перов глянул на своих помощников и изумился: неужели эти суровые мужики, которые столько раз глядели в глаза смерти, тоже плакали?! Он потрогал на всякий случай и свои щеки — мокрые, будь они неладны! А летчики уже бросали из кабины на снег коробки с НЗ...

Да, они выжили, японские собачки! Не все, но выжили, несмотря на пятидесятиградусные морозы, свирепые ветры, бескормицу.

Как ни хотелось взять собак на борт, сделать это было невозможно,

и, оставив им «человеческой» еды, летчики пошли на вылет, пообещав сообщить о чуде японцам, чтобы те искали возможность забрать своих четвероногих героев-зимовщиков.

Делая круг над брошенной станцией, пилоты видели горсточку седых от инея собак, которые сидели вокруг оставленных бочек, словно показывая, что отныне они при деле — сторожат доверенное имущество и верят, что теперь они не будут забыты. Перову казалось, что он сверху, сквозь рев моторов, слышит вой оставленных псов...

После Севы связь с бельгийским лагерем установилась отличная, и Виктор через пару часов вышел в грузовую кабину попить чайку, который уже должны были бы приготовить механики. Картина в салоне его просто сразила: все, кто не был занят в пилотской, сидели на рас-

стеленном на полу ватном чехле вокруг громадного пса, который, положив голову на передние лапы, спал непробудным сном, отсыпаясь за многие месяцы страха, отчаяния, голода, холода и недосыпа...

Сидевший тут же Бродкин объяснил, что пес сам забрался в фюзеляж, и обнаружили его уже после взлета, ну а теперь не выбрасывать же! Отдадим бельгийцам — не обьест он их, наверное.

За 13 часов летного времени, что самолету пришлось потратить на полет до Короля Бодуэна, Большому Бодуну (так нарекли находчивого пса) так и не удалось проснуться, и только когда самолет пошел на снижение, он оторвал, наконец, голову от пола...

Сама станция и ее обитатели несколько озадачили даже уже видавшего виды Виктора Перова. Впечат-

ление было такое, будто оказались на подмосковной зимней даче у большого начальника. На столах — белые скатерти и столовые приборы со множеством вилок, на полу пушистые ковры, на стенах картины, писанные маслом, все обитатели станции чисто выбритые, в добротной и даже элегантной одежде. Никаких русских вагончиков с коптящими керосиновыми печками, на которых сохнут валенки и портянки.

Но наибольшее потрясение вызвали сами обитатели станции. Заместителем улетевшего и пропавшего начальника экспедиции барона де Жерлаша оказался барон де Марре, а в составе исчезнувшего экипажа самолета находился член бельгийской королевской семьи — принц де Линь, который был к тому же и пилотом.

Так уж получилось, что, живя много лет в самоизоляции, выстояв недавно в жуткой войне, советские люди привыкли видеть иностранцев больше через прицел. Обычный человек не только не имел контактов с иностранцами, но и рисковал многим, если таковые случались. Ну а что касается всяких там баронов и графов, то тут вопрос был предельно ясным: враги. Не зря же мы под

корень вывели у себя в стране! А тут бароны, забыв свое прямое дело эксплуатации пролетариата, запускают метеозонды, чистят взлетную полосу, заправляют самолет... Но конечно же, все члены экипажа, отобранные строгой парткомовской комиссией для работы за рубежом, старались не показывать виду, что их смутило количество вилок на скатерти или очень уж волнует,

Виктор Перов

принц или не принц исчезнувший пилот.

Появление японской собаки Бо-дуна на новой станции вызвало настоящий переполох среди бельгийцев. Они, конечно, знали про трагедию Севы, но что она получила такое продолжение, даже и вообразить никто не мог. Пес сразу же стал всеобщим любимцем.

...Вылетели тотчас после обеда и заправки. На борту в качестве проводника был де Маре, который знал примерное направление полета исчезнувшего «Остера».

Потерявшиеся бельгийские исследователи планировали провести какие-то работы у горы Сфинкс — так они называли кусок скалы, выступавший из-под ледяного панциря Антарктиды. Но ни на одной полетной карте его, конечно, не было. Далее они планировали от Сфинкса пролететь к так называемым Кристальным горам. И вот уже восемь дней томились в ледяном плену. На выручку им по земле отправились трое спасателей, которые сами-то теперь находились неизвестно где и неизвестно в каком состоянии.

Целый день 13 декабря летчики утюжили поверхность ледника, до рези в глазах вглядываясь в сверкающую его поверхность. Галс за галсом, час за часом.

14 декабря — вновь галс за галсом... После обеда, наконец-то, увидели троих спасателей, которые пробивались к Сфинксу. Появилась надежда, что они — на правильном пу-

ти. И действительно, к исходу дня вздымающаяся ввысь гряда подсказала им, что они у цели — скорее всего, это и были Кристальные горы.

Первым разбитый самолет увидел второй пилот Афонин. Командир тотчас заложил крен, все прильнули к иллюминаторам. Увы, людей у завалившегося на левое крыло «Остера» не было. Надо было искать место для посадки, и больше часа пробираться оттуда к покинутому самолету.

Из обнаруженной записки выходило, что четыре дня назад люди уже покинули место аварии и, скорее всего, пошли к горе Триллингена, где был склад продуктов...

И снова галс за галсом... И опять — никаких признаков, ни одного ориентира до самой темноты.

Уже когда ложились спать на базе бельгийцев, к русским пришел радист и принес радиограмму «капитану Виктору Перову» из... Токио. Президент Всеяпонского общества попечительства животных приносил искреннюю благодарность японского народа советским летчикам за приятную весть о том, что собаки Севы живы, и за то, что одна из них спасена, и умолял, если есть возможность спасти при обратном рейсе и остальных, поскольку «господин Перов избран почетным председателем общества «Собаки Севы»...

Наутро опять многочасовой полет в поисках иголки в стоге сена. Галс за галсом...

К ночи 15 декабря усталый, раздраженный экипаж вернулся на

*Фильм
«Антаркти-
ческая
история».
Таро
и Дзиро —
две из
пятнадцати
выжившие
собаки.*

базу. Хотелось лишь одного — спать.

Четвертый полет внушил одновременно и надежду, и тревогу. На маршруте между горой Триллингена и лагерем они увидели разбитые сани, разбросанную одежду, предметы снаряжения полярников. Четыре цепочки следов уходили на восток, теряясь в снежных заносах.

После короткого отдыха на базе и заправки. Виктор Перов стал готовить экипаж к последнему полету. Последнему, потому что горючего оставалось в обрез, чтобы вернуться домой в Мирный, и то — с учетом 300 литров, оставленных вблизи Севы. На запрос в Мирный начальнику экспедиции сначала последовал строгий приказ прекратить поиски и возвращаться, но через четверть часа пришла еще одна радиограмма. Из Мо-

сквы. От начальника управления «Главсевморпути» Афанасьева: искать пропавшую экспедицию до последней капли бензина. К последнему вылету подготовились мгновенно. Словно и не было трех суток непрерывных изматывающих полетов. Все знали — сейчас или никогда.

Погода портилась на глазах. Поземка уже начинала перерастать в метель, и все понимали, что если сейчас, именно сейчас, а не к обеду, скажем, не найти людей, их уже никогда не найти. Тем более что, по расчетам, продукты, которые могли быть у них, уже кончились...

И они нашли их, черт возьми! Нашли в тот момент, когда казалось, что все потеряно. Оранжевая палатка, сморщенная, полузанесенная снегом, только на один миг мелькнула под крылом и тотчас скрылась из глаз,

*Памятник
погибшим
собакам.
Япония*

но этого было достаточно. Перов сумел посадить машину в паре километров от палатки.

Все четверо пропавших были живы, слегка обморожены, но истощены до крайности голодом и усталостью. Их быстро загрузили в самолет, и Перов, убегая от надвигавшейся пурги, дал газ на взлет...

Встреча на станции Король Бодуэн напоминала громкий митинг интернациональной дружбы, хотя в нем участвовали всего восемнадцать человек. А в кают-компании повар барон де Ги (опять барон!) закатил праздничный ужин.

После ужина, когда все разошлись отдыхать, в кают-компании остались два летчика — бывший рабочий паренек из Средней Азии Виктор Перов и принц крови де Линь.

По мере этого разговора и последующих бесед мифы, которыми были

напичканы оба летчика, разрушились, оставляя нетронутой человеческую суть. Они вскоре стали друзьями.

Де Линь рассказывал о своей родине, о семье, о том, как после оккупации его родины гитлеровцами он тайно переправился в Англию, выучился на летчика, вступил в отряд Сопrotивления. Ему удалось летать только на маленьких машинах. А на чем летал мсье Виктор?

Виктору Перову летного опыта было не занимать. Начав летать еще в довоенные годы, подлинную школу мастерства и закалку характера он прошел в годы войны. Сбит летчик-истребитель Перов был в первом же бою 22 июня 1941 года. Как вывалился летчик-гигант (росту в Перове никак не меньше 190 см) из разваливающегося И-16, одному Богу известно, но, тем не менее, несмотря на ранение в голову, он через месяц

вновь был в строю. И вновь шел он на своем «ишаке» в атаку на бронированных «мессеров» и, как тысячи его ровесников, в неравном бою останавливал «непобедимых» асов «люфтваффе». Хотя, сказать по чести, непобедимыми были они — Виктор Перов и его товарищи, на деревянных машинах бесстрашно шедших в бой. Он не мог не загореться в те дни неравных боев лета 1941-го, и он загорелся. Да как! Зажигательная пуля немца угодила в бензобак, и самолет огненным факелом устремился к земле.

Очнулся Виктор Михайлович у самой земли и понял, что спасет его только чудо — под крылом пылающей машины мелькали верхушки деревьев. И он прыгнул, автоматически выдернув кольцо парашюта. Раскрывшийся купол буквально выдернул бесчувственное тело из кабины, и это спасло летчика. Набегающий воздух сбил пламя с комбинезона, а угасший тут же парашют уложил летчика на деревья. Подобрали его крестьяне и передали полуживого отступающим нашим частям. Он больше года лечился, тренировался и добился-таки восстановления на летной работе. Его привлекли к работе на трассе перегонки американских самолетов с Аляски на фронт. Там-то и прикипел Виктор Михайлович в Северу, к Арктике. А теперь вот судьба занесла его и в Антарктику и даже подарила встречу с бельгийским принцем.

Настало время прощания — и вся бельгийская зимовка в полном со-

ставе вышла провожать людей, ставших теперь родными. Самолет, ведомый экипажем Перова, взял курс на Мирный — через Моусон и Севу...

По мере того, как самолет снижался к заметенной японской станции, все члены экспедиции прильнули к иллюминаторам, всматриваясь в темные точки на искристом снегу.

Точки росли, превращаясь в заиндевелых собак, устремивших свои носы в сторону приближающегося самолета. Казалось, они так и не ушли с того места, где их оставил перовский экипаж. Но теперь их осталось только семь. А при первой встрече было девять. С Бодуном — десять...

Когда экипаж спустился на снег, все собаки тотчас сгрудились у стремянки. Похоже, что они знали, чего хотят. А уж чего не хотят, — знали наверняка: они больше не хотели оставаться на этом проклятом льду, не хотели гоняться за пингвинами, которые откочевывали все дальше от опасного соседства, не хотели умирать в одиночестве от голода. Взгляд самого крупного черного пса с разорванным ухом был просто угрожающим...

В этот момент из кабины вывалился радист и радостно прокричал, что он связался с австралийцами из Моусона. Они готовы взять на постой японских псов, так что все будет в порядке. Тогда Виктор сделал шаг влево, освобождая путь в салон, и тихонько свистнул. Слово один тугой мохнатый комок сорвался с

места, и через секунду на льду не было ни одного животного. Механики тотчас задраили двери, и Ли-2 порулил на взлет.

Почти всю дорогу до Моусона Перов просидел в фюзеляже, наблюдая, как его спутники кормят отощавших собак, как устраивают им логово из ватных моторных чехлов, и только когда уже надо было готовиться к посадке, вернулся в пилотскую кабину, потрепав за разорванным ухом громадного черного зверя.

Австралийцы были рады тому, что именно им выпала честь первыми приветствовать героев, за поиском которых следила не только вся Антарктида, но и весь мир.

На льду обнимались мужчины и лаяли счастливые собаки, которые, наконец, почувствовали, что настал конец их робинзонаде. После объятий и сдачи мохнатого груза командир скомандовал экипажу собираться на вылет. Австралийцы оторопели: как же так? Мы ведь планировали устроить праздник!

Но местный метеоролог показал свои карты: непогода могла вот-вот накрыть станцию. И тогда австралийцы тот стол, который они накрыли в кают-компании, притащили на взлетную полосу. Он мог достойно соперничать, черт возьми, с тем, что сотворил барон де Ги во время прощания. Такого банкета, наверное, не видел никто и никогда. На белом снегу стоял стол, покрытый белоснежной крахмальной скатертью, с торчащими крахмальными сал-

фетками, хрустальными фужерами, сверкающий серебром приборов, отливающий рубином красных вин, украшенный всевозможными яствами, которые только мог изготовить весь коллектив зимовки. Угощения досталось всем, в том числе и семи новым — мохнатым — обитателям станции. Однако пора было идти на вылет, и к самолету потянулась целая процессия из людей и собак.

Перов был доволен, что все так хорошо обошлось: и бельгийцев нашли, и собак пристроили, теперь бы домой добраться.

На перегоне Моусон — Мирный стало веселей: все-таки дорога домой! Связь с Мирным установилась нормальная, и сразу же радист как-то засуетился, застучал ключом, и через минуту передал командиру бланк радиограммы: из Москвы пришло сообщение, что за успешное выполнение специального задания командир самолета награжден орденом Ленина, остальные члены экипажа — орденами Красного Знамени, переводчик — орденом «Знак Почета».

Виктор Михайлович удовлетворенно крякнул, передал управление второму пилоту Афонину и вышел в салон, чтобы порадовать товарищей только что поступившим известием.

Картина, которую он увидел, просто сразила его. Все свободные от вахты участники экспедиции сидели вокруг черного пса с разорванным ухом, который уплетал из алюминиевой миски разогретую тушенку.

Меньшиков развел руками: дескать, Михайлович, не обессудь, выбрал тебя вожак, признал своим хозяином и остался! Мы его тут решили Командором назвать, нет возражений?

Командор перестал есть и поднял морду вверх, а потом подошел к Перову и сунул свою голову в ладони командира...

Как свидетельствовал начальник Полярной авиации М.И. Шевелев: «Ордена получили все (в том числе и начальник станции, который был против этих поисков). Награды были вручены и бельгийские, и наши. Летчиков пригласили в Бельгию, где их принимала королевская семья. А

для меня самой большой наградой было то, что все обошлось».

Орден Ленина Виктор Михайлович привинтил к парадному пиджаку впереди всех других наград за войну и мирный труд, а вот с орденом короля Леопольда вышла неувязочка: по команде из секретариата Н.С. Хрущева, его изъяли и поместили в... музей революции. По особым торжественным случаям Перов мог взять свою награду под расписку с обязательством вернуть ее через пару дней, но все время недоумевал, зачем музею революции, которая свергла у нас царей-королей, был нужен орден чужого короля?!.. □

Денис Логинов

Историю его героической жизни и смерти преподавали в школах и вузах, о нем писали стихи и песни, ставили спектакли и снимали фильмы, его именем называли улицы и населенные пункты, памятниками с его скульптурами украшали скверы и парки. О его славной жизни знали мало, но о жуткой смерти помнили все.

Советские учебники и книги по истории гражданской войны давали официальную версию гибели Сергея Лазо: белогвардейцы бросили его вместе с Всеволодом Сибирцевым и Алексеем Луцким в топку паровоза, и они сгорели там за дело революции.

Сергей Лазо

ЖИЗНЬ И ГИБЕЛЬ

Почему о Сибирцеве и Луцком практически позабыли — непонятно. То есть понятно, что, создавая героическую историю победоносного шествия Красной армии по Дальнему Востоку, старались не вдаваться в лишние подробности. Главное — пафос победы, а историческая точность — дело десятое. А вот имя Сергея Лазо было известно всем.

Родился он в 1894 году в Бессарабской губернии, в обеспеченной дворянской семье, но принадлежал к числу тех вполне благополучных молодых людей высшего сословия, которых неудержимо тянуло к переустройству мира. По окончании Кишиневской гимназии Сергей учился в Петербургском технологическом институте и на физмате МГУ, но большую часть времени посвящал деятельности в студенческих нелегальных кружках.

В начале Первой мировой Лазо был мобилизован. Он окончил в Москве Алексеевскую школу прапорщиков и был произведен в офицеры, а в декабре 1916 года назначен в 15-й Сибирский запасный стрелковый полк в Красноярске. Здесь он сблизился с политическими ссыльными и вместе с ними стал вести среди солдат пораженческую пропаганду. А уже через полгода получил возможность перейти от слов к делу: арестовал губернатора Красноярска и местных высших чиновников. Тогда же вступил в партию эсеров. Это было неслучайно: как говорят современники, Лазо с детства отличался максимализмом и повышенным чувством справедливости — до романтизма.

По своим политическим взглядам он был левым эсером-интернационалистом (по тогдашней революционной терминологии, «интернационалист» означало — пораженец) и в этом качестве возглавил солдатскую секцию Красноярского совета. Однако быстро сошелся с большевиками и вместе с ними готовил переворот.

Создал в Красноярске красногвардейский отряд и в ноябре 1917 года захватил власть в городе. Стоя на страже «завоеваний революции» в Сибири, Лазо жестоко подавил сопротивление юнкеров в Омске и декабрьское 1917 года восстание юнкеров, казаков, офицеров и студентов в Иркутске, где стал военным комендантом. Он же был инициатором уничтожения «группы монархистов» в Тобольске (то есть людей, сочувствовавших заключенной там царской семье), а также подавления антисоветского выступления в Соликамске.

С февраля 1918 года Лазо командовал Забайкальским фронтом, направленным против казачества, возглавляемого есаулом Г.М. Семеновым. Проводил репрессии против сибирских, иркутских, забайкальских и амурских казаков. А после падения власти большевиков в Сибири ушел в подполье и занялся организацией партизанского движения, направленного против Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака.

К лету 1919 года объединил под своим началом повстанческие группы от Забайкалья до Тихого океана. Эти партизанские отряды разрушали железные дороги, подрывали и обстреливали поезда, убивали офицеров, государственных служащих, рабочих-железнодорожников и старателей на приисках.

С первых же дней после революции Лазо активно работал в солдатской секции Красноярского совета,

состоял членом его исполкома. Участвовал в работах II съезда Советов Восточной Сибири в Иркутске, а затем I Общесибирского съезда Советов, на котором был избран членом Центросибири (ЦИК Советов Сибири).

Но эсером он пробыл недолго. Весной 1917 года 20-летний романтик приехал в Петроград депутатом от красноярского совета и единственный раз в жизни увидел Ленина. Радикализм вождя просто зачаровал Сергея, и он тут же примкнул к большевикам, а вернувшись в Красноярск, возглавил мятеж против Временного правительства.

лучили большинство при выборах в Иркутский совет. Но уже через четыре дня власть в Иркутске перешла к Военно-революционному комитету.

В первые же дни своего существования иркутскому ВРК пришлось напрячь все силы для борьбы с поднимающейся против советской власти контрреволюцией. Узнав о том, что готовится вдохновляемый эсерами контрреволюционный мятеж, ВРК в начале декабря предъявил местному военному училищу и трем школам прапорщиков требование о сдаче оружия.

1-я и 2-я школы прапорщиков отказались выполнить это требование,

По своим политическим взглядам Лазо был левым эсером и в этом качестве возглавил солдатскую секцию Красноярского совдепа. В то же время он быстро сошелся с большевиками и начал вместе с ними готовить в Красноярске переворот, и в ноябре 1917 года захватил власть в городе

В октябре 1917-го комиссар Временного правительства телеграфировал оттуда в Питер:

«Большевики заняли казначейство, банки и все правительственные учреждения. Гарнизон в руках прапорщика Лазо».

После победы вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 года советская власть быстро устанавливалась по всей стране. В ноябре 1917 года большевики по-

разоружилась только часть юнкеров. 21 декабря в 4 часа дня к так называемому Белому дому, бывшему дворцу генерал-губернатора, где находилась в то время большая часть советских учреждений, подошел вооруженный отряд юнкеров. Так началось выступление местной контрреволюции.

Еще в ночь с 20 на 21 декабря небольшой двухэтажный дом, находившийся по Набережной улице,

был занят отрядом красных войск, охранявших понтонный мост. Этот мост служил единственным средством связи с предместьями Иркутска. ВРК немедленно по телеграфу известил Канек и Красноярск о начавшемся в Иркутске контрреволюционном мятеже.

23 декабря утром в Иркутск из Красноярска прибыл со своим отрядом Сергей Лазо. Он принял активное участие в руководстве боевыми действиями против юнкеров. На следующий же день Лазо повел свой отряд для ликвидации опорного пункта белогвардейцев, засевших в колокольне на Тихвинской площади.

«Отряд во главе с Лазо, — вспоминал один из участников атаки, — добежал до церковной ограды, начал бросать бомбы в окна и двери церкви. Другая часть стреляла в пулеметчиков. Несколько часов длился бой. Но вот пулемет замолк... Белые отступили, освободив колокольню. Пулемет был захвачен, и мы получили возможность связи с другими частями».

Иркутские бои были первым боевым крещением Лазо. Но уже в них он проявил незаурядные военные способности, храбрость, быстроту ориентировки. В немногие свободные минуты Лазо обучал красногвардейцев военным приемам и, в частности, тактике уличного боя. Сам он прекрасно умел метать ручные гранаты.

К 1 января 1918 года после ожесточенных боев с белогвардейцами в Иркутске была восстановлена власть Советов. Военным комендан-

том и начальником Иркутского гарнизона был назначен Сергей Лазо.

К тому времени на Дальнем Востоке начали действовать агенты японских и других империалистов — белоказачьи атаманы Семенов, Калмыков, генерал Хорват и другие. Семенов в Северной Маньчжурии сформировал «особый» маньчжурский отряд и вторгся в пределы Забайкалья. Предполагалось, захватив Забайкалье, отрезать Дальний Восток от Советской России. С выступлением Семенова образовался первый фронт гражданской войны на Дальнем Востоке — Забайкальский.

Лазо бился с Семеновым полгода, но так и не смог его победить. Он несколько раз оттеснял его в Маньчжурию, но затем атаман вновь переходил в наступление и гнал отряды Лазо на север. А летом 1918 года, зажатый в клещи между Семеновым и белочехами, Лазо бежал из Забайкалья. Он не мог разбить атамана в принципе. Семенов в Даурии был фигурой значительной и пользовался авторитетом и поддержкой населения, в то время как Сергея Лазо там мало кто знал. А сама армия Лазо вообще имела отрицательный рейтинг по причине ее... криминальной направленности.

Отряды были укомплектованы пролетариями, голытьбой и, самое главное, уголовниками из читинской тюрьмы, которых большевики освободили с условием, что они перейдут на сторону революции. «Блатные» доставляли немало хлопот самому Лазо, проводя несанкционированные «реквизиции» у населения, но

с этим приходилось мириться — на счету был каждый человек.

Правда, по версии советской исторической науки, Лазо успешно разбил атамана Семенова в Забайкалье. Но ловко метать гранаты — это одно, а командовать армией, плохо поддающейся управлению, — совсем другое. Да и не мог впоследствии трагически погибший герой быть плохим командиром и терпеть поражения — по определению. Поэтому советская историография уве-

ренно сообщала, что с конца февраля и до конца августа 1918 года Лазо отдавал все свои силы формированию в Забайкалье и Прибайкалье частей Красной армии.

В марте 1918 года Лазо заключил с местными китайскими властями перемирие. Китайцы взяли на себя обязательство до 5 апреля 1918 года не пропускать Семенова в Забайкалье. Громкая победа, тотальный разгром.

Только 4–5 апреля 1918 года во Владивостоке были высажены ан-

глийский и японский десанты. Одновременно семеновские банды начали вторичное наступление на Читу и заняли станцию Оловянную. Лазо обратился с воззванием к революционному пролетариату и крестьянству:

«Товарищи, — писал он, — приближается день решительной борьбы с Семеновым. Предстоит упорная борьба. Спешите послать свои силы и свои отряды. Заканчивайте организацию Красной Армии и выезжайте все, кто может, защищать революцию... Время не ждет».

Из разных мест Сибири, Дальнего Востока на Забайкальский фронт начали прибывать отряды Красной гвардии, революционного казачества, железнодорожных рабочих, шахтеров.

На станции Урульга 28 августа 1918 года состоялась конференция партийных и советских работников Сибири с участием Сергея Лазо. Конференция решила ликвидировать фронт и перейти к партизанским формам борьбы, организовать массы на восстание против интервентов и белогвардейцев.

На границе Амурской области, на железнодорожной станции Ерофей Павлович был расформирован броневой отряд. Это была последняя часть из забайкальских советских войск, прикрывавшая отступление. Оставшись с небольшой группой своих верных соратников, Лазо вышел на небольшом разъезде Малый Невер и двинулся в глубь тайги, чтобы оттуда пробраться в Якутск.

Почти все руководители Центросибири предполагали, что в Якутске, удаленном от главной сибирской ма-

гистрала, сохранилась советская власть. Но на самом деле там власть захватили местные контрреволюционеры. Члены Центросибири, пробиравшиеся в Якутск, были по дороге зверски убиты белогвардейцами.

Лазо своевременно узнал от таежников о перевороте в Якутске и решил из тайги направиться в Приморье, чтобы там, в рабочих центрах, среди горняков Сучана, начать организацию революционных сил. В середине декабря 1918 года он приехал во Владивосток.

В сравнительно короткий срок на Забайкальском фронте была сформирована армия, насчитывавшая до 9 тысяч бойцов. Штаб Лазо располагался на станции Адриановка.

«Лазо был весь в действии, — рассказывала Ольга Андреевна Лазо, его жена и соратник по Забайкальскому фронту. — Он проводил огромную работу по реорганизации отрядов Красной гвардии. Одновременно шла их боевая подготовка. Были сформированы основные боевые единицы и введен институт комиссаров. Проходило комплектование отрядов интернационалистов из мадьяр, австрийцев и немцев, бывших военнопленных. Владивостокский, благовещенский и хабаровский отряды были сведены в один Дальневосточный социалистический отряд.

Лазо знакомился с составом каждого отряда, интересуясь всем, вплоть до проверки постов, вникая во все мелочи. Он беседовал с командирами и отдельными красновардейцами, внимательно прислушиваясь к их мнениям».

Небольшое отступление о жене и соратнице. В отряде Лазо служили две женщины-комиссара. Личность одной из них, Нины Лебедевой, весьма примечательна. Приемная дочь бывшего губернатора Забайкалья по натуре была авантюристкой. Гимназисткой вступила в партию эсеров, участвовала в левом терроре, затем переметнулась к анархистам. Лебедева и командовала в отряде Лазо, состоявшем из преступного элемента. Маленького роста, в кожаной куртке, с огромным маузером на боку, она общалась с «братвой» исключительно по «фене». Бывшие партизаны вспоминали, как она ходила перед своим расхристанным строем и толкала речь, пересыпая ее такими матами, что даже бывалые уголовники покачивали головой и цокали языком.

Вторая комиссарша была ее прямой противоположностью. Ольга Грабенко, красивая чернобровая хохлушка, по воспоминаниям сослуживцев, очень нравилась Лазо. Он стал за ней ухаживать, и они поженились. Но молодым не повезло. На следующий же день после свадьбы отряд попал в окружение. Сергей и Ольга бросили свое войско и пытались скрыться в Якутске, но, узнав, что там произошел белый переворот, отправились во Владивосток.

Все равно ведь, где партизанить...

Вся Сибирь — от Урала до берегов Тихого океана — в то время находилась под властью интервентов и белогвардейцев. Здесь хозяйничали японцы, американцы, англичане, французы, белочехи, разного рода

белые правители, начиная с верховного правителя Колчака и кончая белоказачьими отрядами Семёнова, Калмыкова и многих других.

Лазо вскоре удалось связаться с владивостокскими большевиками, и уже в январе 1919 года он был избран членом подпольного Дальневосточного областного комитета партии. Белогвардейцы яро охотились за Лазо, за его голову были обещаны громадные деньги. Поэтому Владивостокский комитет настоял на более тщательной его конспирации. Назвав себя чертежником, Лазо снял комнату на одной из окраин города.

«Чтобы не навлечь подозрения хозяина квартиры, — писала Ольга Андреевна Лазо, — он для вида чертил какие-то проекты, — на самом же деле много и усиленно занимался, особенно военными науками. Им он придавал исключительное значение, ввиду предстоящих схваток с контрреволюцией... Лазо особенно внимательно изучал литературу по русско-японской войне. Такие книги, как Апушкина "Русско-японская война", "Осада и сдача Порт-Артура", Парского "Воспоминания о последней войне (1904–1905 гг.)", "Этика японцев" и многие другие были прочитаны им в очень короткий срок. ...Он восторгался ленинскими статьями о партизанской борьбе, о восстании, — у него в дневнике были исписаны целые страницы с выдержками из этих статей. Он занимался часов 10 в сутки, работая над книгой с выписками и конспектами. Сверх того уделял 3–4 часа чтению книг поми-

мо программы, чтобы, как он выразился, "не суживать кругозора"».

В апреле 1919 года началось контрнаступление советских войск на Восточном фронте. Части Красной армии под руководством М.В. Фрунзе гнали колчаковские полчища на восток. С 28 апреля по 13 мая были разгромлены 6-й и 3-й корпуса Колчака и освобождены Бугуруслан и Бугульма. В середине мая красные войска разбили корпус Каппеля. Весной 1919 года подпольные большевистские организации Сибири и Дальнего Востока подняли против белогвардейцев и интервентов тысячные армии красных партизан.

рье Сергею Лазо, и летом он отправился на Сучан.

Ознакомившись на месте с расположением отрядов, Лазо разработал изумительно смелый план уничтожения сил белогвардейцев и интервентов, располагавшихся вдоль сучанской железнодорожной ветки. План преследовал цель отрезать сучанский угольный бассейн от Владивостока.

Он лично объехал партизанские отряды, каждому дал оперативное задание. В середине июня партизанские полки перешли в наступление. Сформированная по инициативе Лазо подрывная команда взрывала

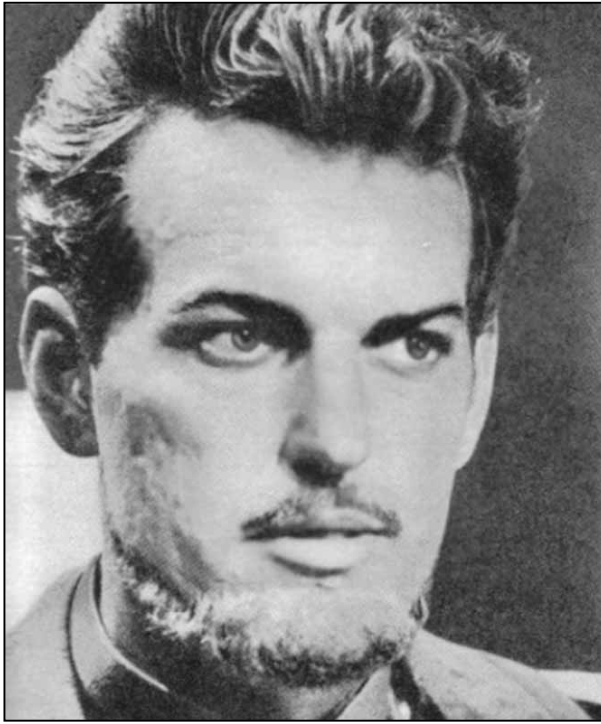
Иркутские бои были первым боевым крещением Лазо. Но уже в них он проявил незаурядные военные способности, храбрость, быстроту ориентировки. В свободные минуты Сергей обучал красногвардейцев военным приемам и, в частности, тактике уличных боев. Сам он прекрасно умел метать ручные гранаты

Партизаны, разрушая железнодорожные пути, срывали переброску на Уральский фронт колчаковских войск, боеприпасов и вооружения, поставлявшихся интервентами через Дальний Восток. Впрочем, занимались они не только этим.

Владивостокская подпольная конференция, состоявшаяся в апреле 1919 года, поручила руководство партизанским движением в Примор-

ские районы, разрушала на перевалах подъемники, пускала под откос поезда белых.

В этой операции Лазо, воспользовавшись болезнью одного из не желавших никому подчиняться анархистствующих командиров, повел его отряд на станцию Романовку, где был расположен сильный американский гарнизон. Бойцы отряда, известные своей недисциплинирован-

ностью, под командой Лазо как-то сразу подтянулись, показали высокую боеспособность. В результате американский отряд был почти полностью уничтожен.

«В бою Лазо был очень изобретателен на неожиданные, смелые, стремительные ходы, — вспоминал о нем писатель А. Фадеев, бывший дальневосточный партизан, — но в то же время расчетлив, распорядителен и абсолютно бесстрашен. Сергей Лазо в бою оставался в сущности таким же, как всегда: со своими приподнятыми бровями, с обычным внимательным и точно несколько удивленным выражением лица, безразличный к тому, что может лично с ним случиться. Он делал только то, что необходимо было для решения поставленной им боевой задачи».

Сучанская ветка была выведена из строя, снабжение углем интервентов и колчаковцев прекратилось.

Белым и интервентам пришлось мобилизовать на борьбу с партизанами огромные силы, отказавшись от отправки пополнений на Уральский и Сибирский фронты.

27 июня в селе Сергеевка состоялся первый съезд трудящихся Ольгинского уезда. На этом съезде Сергей Лазо, уже широко известный партизанам Приморья, был утвержден командующим партизанскими отрядами Приморья. Он доложил о разработанном им положении о формировании партизанских отрядов, согласно которому партизаны формировались в отряды в том районе, где они выступали, каждый отряд делился на роты, а возглавлял отряд избранный партизанами командир. В случае необходимости все отряды, действовавшие в определенном районе, могли объединяться в более крупные соединения. Они выбирали командующего районом и начальника районного штаба, утверждавшегося Революционным исполнительным комитетом Советов. Во главе всех отрядов уезда становился командующий отрядами уезда, избранный Революционным исполнительным комитетом Советов и утвержденный партизанами всех отрядов.

Весь комсостав подчинялся исполкому Советов, причем последний имел право отстранять от занимаемого поста и предавать суду любого командира или начальника штаба.

Лазо обладал изумительной работоспособностью, любил аккуратность и порядок в работе. Секрет-

ные донесения в Центросибирь, секретные приказы и другую важную корреспонденцию он сам печатал на машинке. Он был страстным и неутомимым агитатором, часто выступал на митингах и собраниях.

Когда разрозненные отряды были превращены в дисциплинированные, стройные боевые части, Лазо начал осуществлять свой план разгрома Семенова.

18 мая была освобождена от семеновских банд станция Оловянная. В первой половине июня красные войска заняли станцию Борзя. В июле Лазо нанес новое поражение семеновцам, которые отошли к станции Мацевская, а затем красные заняли высоту Тавынь-Тологой. Семенов оказался прижатым к границе.

Однако в это время борьба усложнилась, так как с запада, с Урала и Сибири, наступали белочехи. 12 июля они захватили Иркутск и двинулись в Прибайкалье. Борьба на два фронта оказалась не под силу молодым частям Красной армии, действовавшим в Забайкалье, пришлось отступить под натиском более сильного врага. 20 августа противник захватил Верхнеудинск, а через шесть дней — и Читу.

Именно в это время Лазо официально оформил свое вступление в большевистскую партийную организацию. Дело в том, что, начиная еще с 1916 года, Сергей Лазо просто работал вместе с большевиками, выполнял отдельные партийные задания, а свое вступление в партию оформил только в Чите, где и получил партийный билет.

Так что до этого времени «коммуниста-командира Лазо» просто не существовало. Был эсер Лазо — факт, который старались если не скрыть, то хотя бы обойти молчанием.

Тележурналист Михаил Вознесенский вспоминал, что в конце 1970-х годов группа краевого ТВ снимала очередной сюжет о легендарном красном командире. Телевизионщики приехали в Сергеевку, где жил старик, своими глазами видевший когда-то Лазо. Настроили камеру: ну, дед, давай. И дед дал!

— Ага... Пацаном я тогда был. И приехал в наше село Лазо. Ну, мы все, пацанята, прибежали, на плетне расселись, ждем. Партизан собрали и позвали Лазо. Он вышел на крыльцо. Высокий, в шинели, папаха — во! Шашка — во! И речь толкнул...

— А что он сказал, дедушка, не помните?

— Как же не помню? Помню! Он сказал: «Партизаны, ...вашу мать, хорош мужиков грабить!»

Пришлось срочно искать другие повороты сюжета, уже без очевидцев.

В Приморье у власти находились белогвардейцы и интервенты, поэтому Лазо прибыл во Владивосток нелегально. Впрочем, об этом вскоре стало известно, и за его поимку была обещана крупная сумма. Деньги за голову давнего противника давал атаман Семенов.

С декабря 1919 года Лазо — начальник Военно-революционного штаба по подготовке восстания в Приморье. Уже в начале следующего года, когда Красная армия заняла

Сибирь, это восстание удалось, во Владивостоке было сформировано «розовое» Временное правительство Приморской областной земской управы, а Лазо стал членом Реввоенсовета и членом Дальбюро ЦК РКП(б).

Вообще, конец 1919 года ознаменовался крупнейшими победами Красной армии на всех фронтах гражданской войны. К этому времени были разгромлены первый и второй походы Антанты. Красная армия разгромила ставленников Антанты — Колчака и Деникина. В начале января 1920 года в Иркутске власть перешла в руки восставшего народа. В Сибири пала власть Колчака. Областной комитет партии отозвал Лазо во Владивосток и поручил ему подготовку всеобщего вооруженного восстания против колчаковского ставленника в Приморье генерала Розанова.

Подготовка и проведение восстания во Владивостоке 31 января 1920 года являются блестящей страницей боевой деятельности Лазо. Несмотря на все трудности, штабу, которым он руководил, удалось быстро связаться с солдатами колчаковских частей и создать боевые группы революционно настроенных солдат, а кое-где организовать и партийные ячейки. Была налажена связь с военно-учебными заведениями, расположенными на Русском острове, несмотря на то, что там находились наиболее надежные колчаковские войска. С большим тру-

дом удалось провести немногочисленную подпольную конференцию представителей от разных судов флота. Одновременно была установлена связь с гарнизонами белогвардейцев, расположенными ближе к Владивостоку. К Владивостоку были также стянуты партизанские отряды.

26 января во Владивостоке для непосредственного руководства восстанием был создан объединенный оперативный штаб во главе с Лазо. Штаб помещался в квартире рабочего на Селенгинской улице. Лазо работал почти круглые сутки: принимал делегатов воинских частей, представителей подпольных солдатских комитетов, примкнувших к восстанию, красных партизан, приехавших за последними указаниями, инструктировал агитаторов и связистов, лично писал приказы, воззвания, листовки. Каждая воинская часть получала от него точные указания, когда она должна выступить, и по какому маршруту следовать. План восстания был составлен Лазо с исключительной тщательностью.

26 января на сторону партизан перешел гарнизон станции Океанская. Партизанские части заняли также Никольск-Уссурийский и Сучан, а 29 января — Шкотово. Во Владивостоке восстание началось в 3 часа утра 31 января. Революционные войска, находившиеся на Русском острове, должны были перейти Амурский залив по льду и, выйдя к Эгерщельду, выбить белогвардейцев из штаба крепости и вокзала. Группа, насту-

павшая из района Гнилого угла, имела своей задачей осадить и взять Народный дом, обезоружив личную охрану Розанова, а затем занять телеграф, банки и другие государственные учреждения. В направлении штаба крепости выступили также отряды со стороны Первой Речки и матросы. Все эти объекты почти без боя были заняты революционными войсками. К середине дня во Владивостоке диктатура колчаковского ставленника генерала Розанова была свергнута. Генерал бежал на пароходе в Японию. В город торжественно вступили красные партизаны.

Но Лазо сделал одну роковую ошибку: он вознамерился провоз-

гласить во Владивостоке советскую власть. Соратники еле уговорили его не делать этого, но тут в ход событий вмешались старые друзья Лазо — анархисты и его бывшая комиссарша Нина Лебедева...

Отряд анархистов под командованием Якова Тряпицына и Лебедевой занял Николаевск-на-Амуре. Они провозгласили Дальневосточную Советскую Республику, а Тряпицын объявил себя диктатором. Запуганные обыватели запросили помощи у командования японского гарнизона, стоявшего в Николаевске. В ответ тряпицынские головорезы устроили в городе кровавый террор, перерезав всех японцев, включая мирных жителей, а затем

начали «сплошное уничтожение врагов народа».

Интервенты срочно направили в Николаевск войска, но те, подойдя к городу, обнаружили лишь пожарище. Анархисты сожгли Николаевск и расстреляли всех, кто не захотел отступить вместе с ними.

«Николаевская баня» так испугала японцев, что они без предупреждения выступили против партизан во всех городах Приморья и Приамурья... Жестокость, конечно, чудовищная.

ло — его слишком хорошо знали в лицо.

Незадолго до своего ареста Лазо в своем донесении Реввоенсовету 5-й армии от 1 апреля 1920 года просил:

«Немедленно своим курьером пришлите нам все инструкции, уставы, приказы Красной Армии, отличительные знаки, особенно оклады рядовому и командному составу советской армии... Отсутствие указанного заставляет проделывать напрасную работу, не дает возмож-

В

есной 1920 года Владивосток заняли японцы. Арестовали почти всех большевистских лидеров и командиров партизан. Лазо взяли прямо в здании бывшей колчаковской контрразведки, куда он шел ночью, уже зная о наступлении японцев, чтобы уничтожить важные документы. А вскоре появилась достоверная информация, что Лазо был расстрелян, а его труп сожжен

Лазо прекрасно знал о событиях в Николаевске, но... не сделал ничего, чтобы умерить «революционный пыл» своих подчиненных. Пальцем не пошевелил позже, чтобы предупредить выступление японцев или хотя бы позаботиться о собственной безопасности.

Правда, он носил с собой фальшивые документы на имя прапорщика Козленко, но это не помог-

ности вести правильное строительство военной жизни».

В том же донесении он указывал на нехватку патронов и военных техников:

«Наша точка зрения: не останавливаться перед расходами, снабдить необходимым армию, т.к. наших ресурсов недостаточно... Возможно, что мы стоим накануне открытого выступления».

В своей последней речи на открытии Владивостокского совета 3 апреля 1920 года Сергей Лазо говорил:

«Мы подошли вплотную к борьбе с иностранным империализмом — против нас стоит японская армия.

Мы на это смотрим открыто и открыто говорим, что не революционная Россия нападет на Японию... В глаза угрожающему нам японскому империализму мы смотрим открыто; мы смотрим как победители — да, как победители».

Выступление японцев произошло в ночь с 4-го на 5-е апреля 1920 года. Арестовали почти всех большевистских лидеров и командиров партизан. Лазо взяли прямо в здании бывшей колчаковской контрразведки на Полтавской, 6 (ныне улица Лазо). Он шел туда ночью, уже зная о японском наступлении, чтобы уничтожить важные документы.

Несколько дней его держали там же, на Полтавской, но 9 апреля вместе с Сибирцевым и Луцким увезли в сторону Гнилого угла. Ольга Лазо бросилась в японский штаб, но ей сказали, что «прапорщик Козленко переведен на гауптвахту на Беговой». Она отправилась туда, но Сергея там не оказалось. Он исчез.

Слухи о гибели Лазо, Луцкого и Сибирцева стали распространяться лишь через месяц, в мае 1920 года, а уже в июне об этом стали говорить как о факте. Вскоре появилась и конкретная информация. Итальянский капитан Клемпаско, сотрудник «Джапан Кроникл» (он был не толь-

ко журналистом, но и сотрудником разведки, общался с японскими офицерами, а потому сведения, переданные им, обладают высокой степенью достоверности), рассказал о том, что Лазо был расстрелян, а его труп сожжен. Это сообщение перепечатали многие газеты и распространили мировые информационные агентства.

Откуда же появилась жуткая паровозная топка, в которой Лазо (единственного из троих арестованных) сожгли живьем?

Через полтора года, в сентябре 1921 года, внезапно объявился некий машинист паровоза, который в мае 1920 года якобы видел на станции Уссури (ныне Ружино), как японцы передали казакам из отря-

да Бочкарева три мешка. Оттуда вытащили людей, «похожих на товарищей Лазо, Луцкого и Сибирцева», и пытались затолкнуть их в паровозную топку. Те сопротивлялись, завязалась потасовка, и бочкаревы пристрелили арестантов, а затем засунули в топку уже мертвыми.

Эта история была пересказана тысячу раз, но никогда не называлось имя ее автора. По всей видимости, его и не было. Во-первых, здоровый мужчина, каким был Лазо, плюс еще двое его соратников никаким образом не могли ни пролезть, ни поместиться втроем в топке паровоза 1910-х годов выпуска. Во-вторых, сочинители не удосужились договориться о том, на какой именно станции все это происходило. Безымянный машинист указал станцию Ружино, но затем в исторической литературе откуда-то появилась станция Муравьево-Амурская (ныне Лазо). В-третьих, зачем японцам потребовалось передавать бочкаревым Лазо и его друзей и потом везти их за сотни километров по местам, которые кишели партизанами? Этого никто не объяснял — большевиков детали не интересовали.

Наконец, узнать Лазо безымянный машинист еще мог — Сергей Георгиевич любил выступать с речами и вообще был на Дальнем Востоке известной личностью, но двух его товарищей по несчастью в лицо знали только соратники по партии во Владивостоке. Да и после пребывания в мешках вряд ли

они были в виде, пригодном для опознавания.

Кстати, впоследствии Луцкий и Сибирцев как-то поблекли, и в леденящих душу рассказах остался один Сергей Лазо, живьем закинутый в паровозную топку японцами. Согласитесь, так романтичнее.

Впоследствии возник еще один исторический казус: в 1970-е в Уссурийске установили паровоз, в топке которого якобы сожгли Лазо. Делали это в такой спешке, что на постаменте оказался... американский локомотив 1930-х годов выпуска.

Рождению мифа о Сергее Лазо есть определенное обоснование. Легенда о его гибели хорошо вписывалась в схему гражданской войны, нарисованную советскими историками: лучшие из героев всегда погибают, и чем страшнее смерть героя, тем почетнее его пример для потомков.

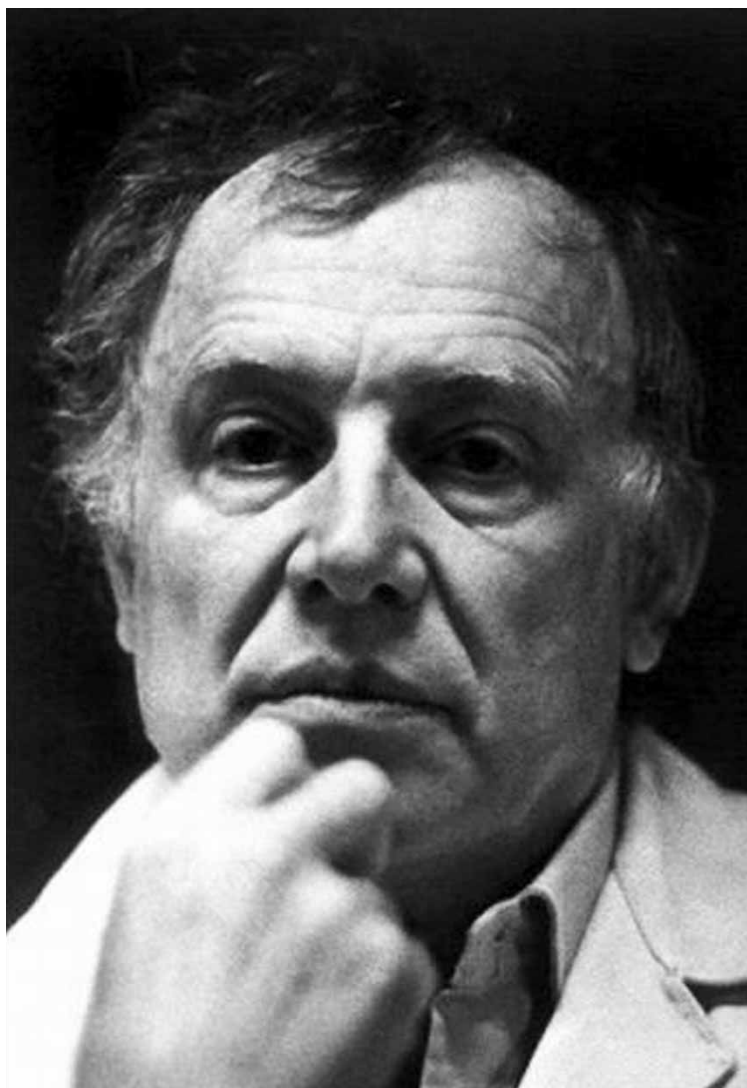
Правда, потомки историю учат из рук вон плохо. Вот заметка с одного из сайтов любителей паровозов:

«Я хочу сделать имитацию пламени в паровозной топке, ну и саму топку тоже. Только у меня вопрос. Если паровоз НО, то какого диаметра надо сделать отверстие, которое топка? если в топку легко прошел Сергей Лазо, когда его сняли с партийной работы, то размер должен быть сопоставимым с размером человеческой фигуры? затрудняюсь сообразить».

Было бы смешно, когда бы не было так грустно... □

Евгения Гордиенко

Имя и фамилия этого актера сейчас стали почти нарицательными. Их проносят, когда хотят сказать о таланте или о том, что человек не живет, а «играет»: «Ну, ты прямо Смоктуновский!»

А КОСМИЧЕСКИЙ РТИСТ

Он и вправду часто «срастался» в одно целое со своими образами — был то князем Мышкиным — тишайшим, интеллигентнейшим, то Гамлетом — сумасшедшим и великим, то Юрием Деточкиным — простоватым, но искренним и честным. Каким был он сам, доискаться почти невозможно. Но все же попробуем.

Начнем с того, что Смоктуновский — переделанный вариант фамилии Иннокентия Михайловича. Настоящей была Смоктунович, и предки его были родом из Белоруссии.

Сам он родился 28 марта 1925 года в селе Татьянавка Томской области. Каким образом семью Смоктуновичей занесло туда из Белоруссии? Прадед Иннокентия Михайловича служил егерем в Беловежской Пуще и случайно пристрелил зубра. Но его обвинили в браконьерстве и по доносу сослали в Сибирь.

У родителей Смоктуновского — Михаила Петровича и Анны Акимовны — всего было шестеро детей, Кеша был вторым.

В 1929 году, когда в стране царил страшный голод, семья, чтобы выжить, покинула деревню и отправилась сначала в Томск, а затем и в Красноярск. Отцу удалось найти работу грузчиком в порту (он обладал огромной физической силой), а мать устроилась на колбасный завод, откуда приносила домой кости, чтобы сварить бульон. Вкус этого бульона Смоктуновский помнил потом всю жизнь.

Но через три года эта устоявшаяся жизнь снова была сломлена: в стране опять наступил голод, еще более чудовищный, чем предыдущий, к тому же мать потеряла работу. Поднимать шестерых ребятишек стало невозможно, и двоих — Кешу и Володю — отдали на воспитание бездетной сестре отца, Надежде Петровне. Она и ее муж любили их как родных, но периодически у нее возникали конфликты с матерью

мальчишек, и Кеша всегда боялся принять чью-либо сторону и тем самым обидеть или мать, или тетку.

Жилось ему, однако, у тети и дяди неплохо, у него даже был старый велосипед — настоящая роскошь для мальчишки по тем временам. В школе он учился весьма средне, к тому же постоянно злил учителей, не соглашаясь с ними и высказывая свою точку зрения по любому вопросу.

Тогда же, в школе, Кеша познакомился с театром. Ему было 14, и он навсегда заболел сценой. Хотя впоследствии, уже став актером, признавал, что первый увиденный им спектакль был весьма посредственным.

Школу он вскоре оставил и пошел учиться — сначала на фельдшера, а потом на киномеханика. И тут грянула война.

Отец отправился на фронт, и Кеша при прощании, глядя на этого огромного человека, подумал: «Ка-

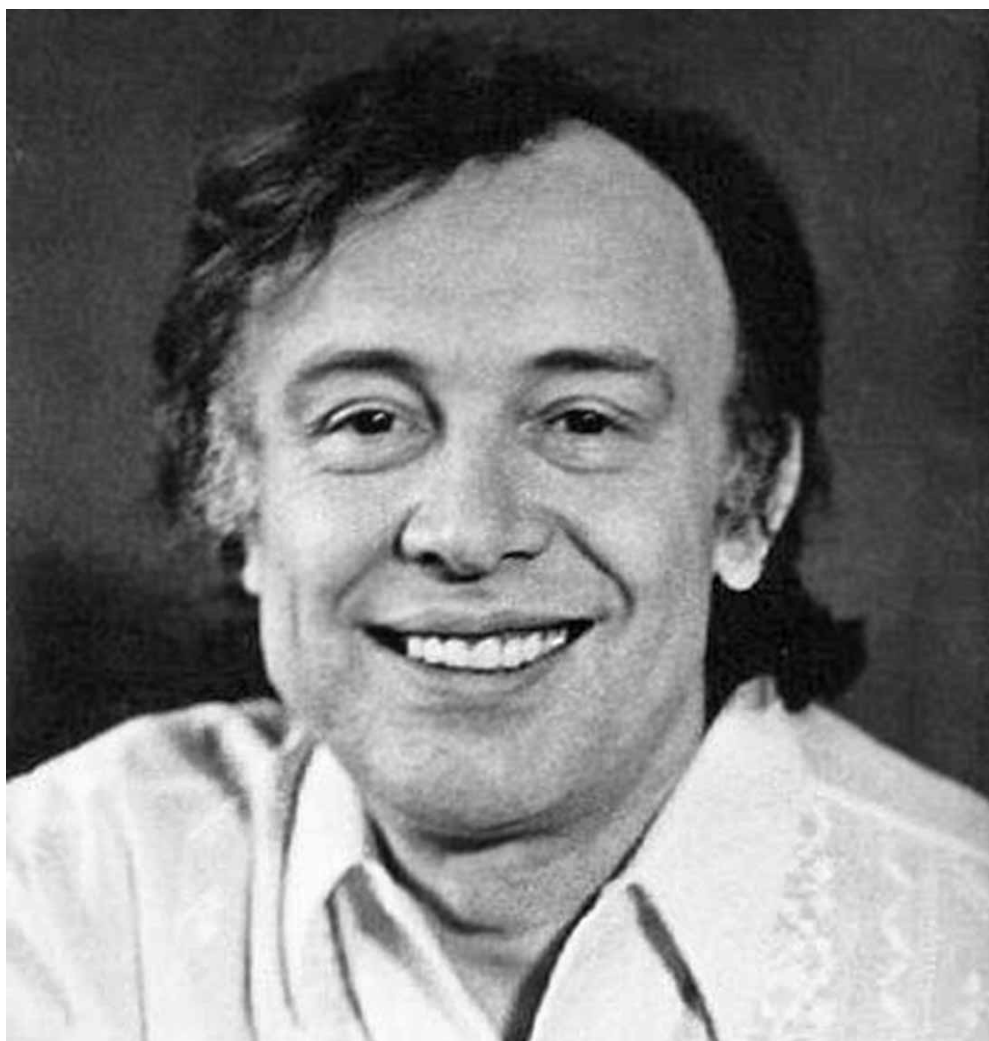
кая большая мишень!» Слова оказались печально пророческими: отец погиб в 1942 году, и сын его больше никогда не видел.

До 1943 года Смоктуновский работал (надо же было помогать матери содержать семью), учился и даже устроился статистом в театр. Однако затем его забрали в военное училище, где он, правда, тоже не задержался: с него сорвали офицерские погоны за то, что он собирал оставшуюся на полях картошку, после чего отправили на фронт — на Курскую дугу. Участвовал он и в форсировании Днепра, и в освобождении Киева.

Был Смоктуновский и в плену, откуда сумел сбежать. Совершенно истощенный, добрался до украинской деревни Дмитровка, где его приютили и помогли выжить. С семьей Шевчуков, спасших ему жизнь во время войны, Смоктуновский общался до самой смерти.

Закончил войну Иннокентий Михайлович в звании старшего сержанта, командира отделения автоматчиков, в немецком городке Гревесмюлен.

За все боевые годы он не получил ни одной царапины, но всегда вспоминал, что война — это очень страшно. А смелость состоит лишь

*С женой
Суламифью
и дочерью
Марией*

в том, чтобы посмотреть в глаза своему страху и преодолеть его.

Вернувшись в Красноярск, он устроился в театральную студию при красноярском театре и даже выходил на сцену в спектаклях «Иван Грозный», «Золушка», «Давным-давно». Но он и сам понимал, что отсутствие образования мешало ему: «Когда я статистом пришел в театр, первым моим чувством был страх перед публикой. В озноб бросало. И без того тихий голос становился едва слышным. Не знал, куда себя деть, что делать с руками и ногами. Ощущение ужасающее!» Кроме того, у него постоянно возникали конфликты с режиссером, поэтому тот, не выдержав, в 1946 году выгнал Смоктуновского из театра.

Вспомним, как после войны относились к тем, кто побывал в плену. Опасаясь за свою свободу, Смоктуновский... сослал себя в ссылку сам,

уехав в Норильск и справедливо рассудив, что севернее сослать его уже будет некуда. Именно в Норильске он сменил фамилию и устроился во Второй заполярный театр драмы и музыкальной комедии. Вот где была настоящая школа! Здесь Смоктуновский подружился с Георгием Жженовым, который тоже служил в этом театре. Поначалу роли ему давали небольшие, а затем, когда заметили его талант, он уже играл главные.

Но север давал себя знать: после нескольких лет в Норильске у Смоктуновского начался сильнейший авитаминоз. Жженов, переживая за друга, посоветовал ему отправиться в Ленинград и даже написал рекомендательное письмо к Аркадию Райкину.

Но Иннокентий Михайлович в Ленинград ехать побоялся — ему там жить было запрещено как бывшему пленному. Из доступных для

жизни городов он выбрал Махачкалу, где устроился на работу в Дагестанский русский драматический театр имени Горького.

Здесь его впервые увидела актриса Римма Маркова, которая много помогала актеру и дружила с ним всю жизнь. Она была так восхищена его игрой, что, вернувшись в Москву, настоятельно рекомендовала его Софье Гиацинтовой. Софья Владимировна написала Смоктуновскому, он ответил, завязалась переписка.

Однако следующим местом его жизни стала не Москва, а... Сталинград. В 1952 году он сменил место работы по двум причинам: в махачкалинском театре почти ничего не платили, к тому же Смоктуновский уже был женат на актрисе Римме Быковой, которой как раз предложили работу в Сталинградском театре. Туда супруги и отправились.

В театре (тоже имени Горького) он сыграл немало ролей. Особенно удавались ему сатирические персонажи из пьес Островского.

Но неуживчивый характер актера проявился и здесь — постоянные ссоры с режиссером не заставили себя ждать. К тому же Смоктуновский потерпел крах и на личном фронте: его жена увлеклась молодым актером, с которым законный муж подрался прямо в театре. Режиссер заявил, что из супругов в театре должен остаться только кто-то один. Ушел Смоктуновский — и от жены, и из театра.

Наступил 1955 год, обстановка в стране несколько смягчилась, и Смоктуновский решил отправиться

в Москву, где жила Гиацинтова. Она, правда, ему ничего не обещала.

Подруга Иннокентия Михайловича Римма Маркова провела его по нескольким московским театрам, однако его никуда не приняли. Жить было негде и не на что. Помогали Марковы — Римма и ее брат Леонид, именно у них он жил и столовался, пока искал работу. Нашлись только «разовые выходы» в театре Ленинского комсомола, за каждый из которых платили семь рублей.

Но тут вмешалась судьба — во время одного из своих «разовых» посещений театра он познакомился с девушкой, которую звали Суламифь. И после этого все вдруг пошло так, как надо. Она была его женой на протяжении сорока лет, стала матерью двух его детей, дала ему дом и возможность заниматься любимым делом.

Она вспоминала об их знакомстве: «Мне было 28 лет, никаких романов серьезных у меня до этого не было. Я не была замужем, но считала себя очень счастливой, поскольку обожала свою работу и постоянное общение с талантливыми актерами. Выражаясь современным языком, была я девушкой вполне самостоятельной. И вот я встретила Иннокентия Михайловича. Был ли это солнечный удар, как описывает чувство влюбленности Бунин? Скорее, нет. Скорее, это было все время разгоравшееся чувство. Предвидела ли я сразу его огромный гениальный дар? Сказать «да» — тоже было бы преувеличением. Я и сегодня не смогла бы точно определить его. С

Роли И. Смоктуновского:
«Моцарт и Сальери» (Моцарт)

моей точки зрения — это дар судьбы, некая тайна. Да и встреча наша и любовь тоже носили на себе отпечаток перста судьбы, ведь более разных судеб, чем у Иннокентия Михайловича и у меня, придумать трудно. Я родилась в Иерусалиме, поскольку моя мать, молодая идеалистка из Литвы, приехала основывать в Палестине коммуны — кибуцы, а затем отправилась «на строительство новой жизни» в СССР... Может быть, святой воздух Иерусалима помог нашей встрече, но глубокая любовь, полнейшее понимание друг друга, мое осознание его гениального предназначения пришли позже».

Он всю жизнь звал ее «Соломкой», и она и была для него тем местом, куда можно «упасть» в случае необходимости...

Суламифь, которая работала художником-костюмером, помогла ему с московской пропиской, она же представила его Ивану Пырьеву и

«Берегись автомобиля» (Ю. Деточкин)

«Гардемарины, вперед!» (Кардинал Флёр)

устроила в Театр-студию киноактера.

Стали появляться первые роли. В одном из спектаклей Смоктуновский играл с Еленой Кузьминой, женой Михаила Ромма. Именно она и порекомендовала мужу начинающего — в который уже раз! — актера. Ромм пригласил Иннокентия Михайловича на эпизодическую роль в своем фильме «Убийство на улице Данте».

На первых своих съемках Смоктуновский очень волновался. Из-за него пришлось делать множество дублей одной и той же сцены. Актеры стали роптать, но режиссер заступился за молодого артиста и по-

*«Звезда пленительного счастья»
(Якутский губернатор Цейдлер)*

«Мертвые души» (Плюшкин)

зволил ему проявить свой талант в этой небольшой роли.

В том же 1956 году Смоктуновский сыграл в картине «Солдаты» Александра Иванова. Именно в этом фильме его увидел главный режиссер БДТ Георгий Товстоногов, который как раз ставил «Идиота» по Достоевскому. И, несмотря на то, что на роль князя Мышкина уже был утвержден другой актер, Георгий Александрович пригласил Смоктуновского.

В БДТ новичка встретили враждебно, и это чуть не стало причиной ухода Иннокентия Михайловича — ему было неприятно работать в такой обстанов-

«Чайковский» (Чайковский)

ке. Но Товстоногов сумел убедить его остаться. Жена тоже поддержала, предложив «затаиться» и просто хорошо сыграть роль, ведь в помощниках — сам Федор Михайлович.

Роль князя Мышкина оказалась знаковой для Смоктуновского, стала «его» ролью, а Достоевский стал «его» автором. Актер сам вспоминал впоследствии: «Не знаю, как бы сложилась моя творческая жизнь и вообще моя жизнь, если б меня не столкнуло с наследием Достоевского».

Вскоре Иннокентию Михайловичу вновь пришлось поработать с Михаилом Роммом. Режиссер пригласил его в свою картину «Девять дней одного года». Этот фильм, по опросу читателей журнала «Советский экран», признан лучшим за 1962 год.

Мечту всех театральных актеров — роль Гамлета — Смоктуновский сыграл... в кино. Картину снимал Григорий Козинцев, которому идея пригласить на главную роль Иннокентия Михайловича пришла случай-

но, когда он увидел актера в одном из фильмов. Даже без проб режиссер уже знал, кто сыграет Гамлета. На экраны фильм вышел в 1964 году и имел успех по всему миру.

Шестидесятые — «звездное» время Смоктуновского. Премии и народная любовь сказались своеобразным образом — актеру предложили сыграть В.И. Ленина. Хотя он и пытался отказаться от такой «честь», ему не удалось.

Смоктуновский сыграл еще одну роль, ставшую для него знаковой. Режиссер Эльдар Рязанов пригласил его на съемки картины «Берегись автомобиля». С ролью Юрия Деточкина поначалу возникли проблемы — как это актер, игравший Ленина, будет играть преступника? Но Рязанову удалось убедить всех, что преступник самый что ни на есть положительный.

В 1966 году Товстоногов решил показать «Идиота» за границей, и Смоктуновский вернулся в театр, который оставил в 1960 году ради кино. Париж и Лондон рукоплескали князю Мышкину в исполнении Иннокентия Михайловича, но у него внезапно обострилась болезнь глаз, и он вынужден был покинуть театр. Не снимался он в это время и в кино.

Вернулся только в 1968 году, зато сразу с двумя ролями: Чайковского — в одноименном фильме Игоря Таланкина, и Порфирия Петровича — в «Преступлении и наказании» режиссера Л. Кулиджанова.

В семидесятые в кино ему доставались в основном эпизодические роли, но и их он исполнял с блеском.

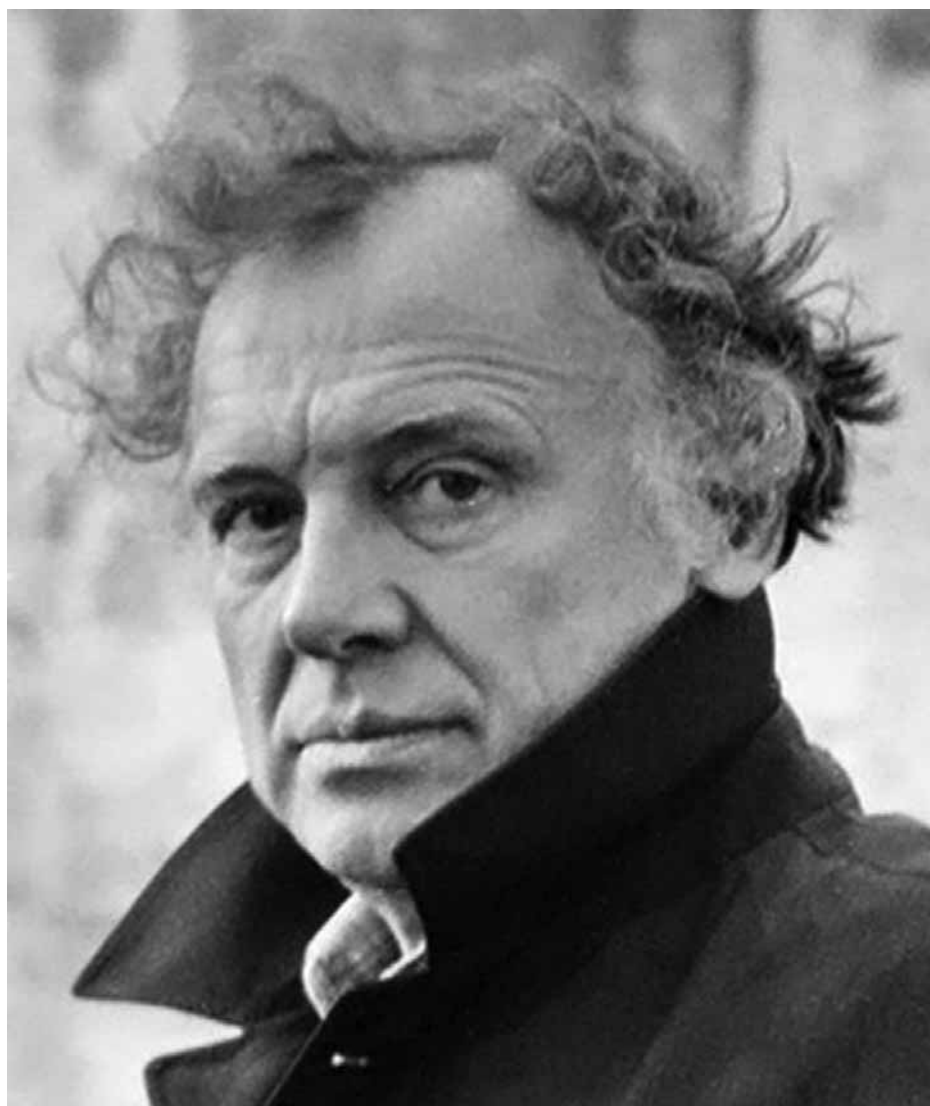
Зато в 1973 возобновилась его театральная карьера: сначала его позвали в Малый театр, но там он долго не задержался, перейдя во МХАТ, где и прослужил до конца жизни. На этой прославленной сцене были сыграны Дорн из «Чайки», Гаев из «Вишневого сада», Серебряков из «Дяди Вани» и Иванов из одноименной пьесы.

В девяностые Смоктуновскому уже не приходилось столь придирчиво относиться к предложениям, как прежде, — нужно было зарабатывать. Сам он хорошо это понимал: «Раньше я строже относился к выбору ролей... А сейчас говорю — говорю это со стыдом — мной руководит другое. Спрашиваю: сколько вы мне заплатите за это безобразие?»

При всей своей скромности и интеллигентности Смоктуновский очень хорошо осознавал свое место в этом мире и степень своего таланта. Он искренне и смущенно соглашался с тем, что да — он гений. Когда Алла Демидова спросила, кого из актеров он может поставить вровень с собой, он тихо — как и всегда — ответил: «Никого».

Олегу Ефремову, с которым они бок о бок проработали во МХАТе много лет, Иннокентий Михайлович говорил: «Олег, я ведь космический актер». И можно было бы посмеяться над таким бахвальством, если бы это не было абсолютной правдой.

Дети Смоктуновских не пошли по актерской стезе. Дочь Мария стала балериной, а затем, когда балетная карьера завершилась, — сотрудни-

цей Музея МХАТа, а сын Филипп занялся переводами научно-фантастической литературы.

Иннокентия Михайловича не стало в 1994 году — после инфаркта он лежал в больнице, но не долечился и вернулся домой, где его и застал очередной сердечный приступ. Ему было 69 лет.

После его смерти режиссер Марина Турчанович при помощи дочери актера Марии поставила спектакль по его военным воспоминаниям — «Меня оставили жить».

И сам он действительно и по сей день остается жить среди нас — в своих поистине космически сыгранных ролях. □

В №7 был опубликован материал «Любимая Мымра», в котором допущена фактическая неточность, за что автор и редакция приносят свои извинения. В очерке указано, что сейчас Алиса Бруновна Фрейндлих не служит ни в одном театре, на самом же деле она остается верна своему любимому БДТ и продолжает успешно там работать.

Ирина Опимах

Приключения «КНИЖКИ МАРЮШКИЗЫ»

Эта книга, книга-праздник, как ее называли многие, уже давно стала библиографической редкостью, своего рода легендой, вершиной русской книжной графики, и все это — благодаря удивительным рисункам **Константина Сомова** (1869–1939), иллюстрировавшего ее блестяще, тонко, изысканно, с большим юмором и иронией — так, как мог сделать только он.

История эта началась в 1907 году. Известный австрийский писатель, переводчик, критик и издатель Франц Блай задумал выпустить уникальное издание — иллюстрированную антологию эротических историй, написанных французскими писателями. Надо сказать, Франц Блай был человеком неординарным — прекрасный переводчик, он познакомил немецкоязычную публику с произведениями Бодлера, Жида, Шарля де Лакло, Уайльда и По. Публиковал он и авторов, писавших на немецком языке, — к примеру, Вальзера и Музиля. Но особенно Блай почитал французскую литературу XVIII века, а потому составил этот сборник, который назвал «Книга маркизы», с большой любовью. В него вошли откровения маркиза де Сада, Казановы и других французских сочинителей, славившихся любовью к жизни во всех ее проявлениях. Блай всегда отличался свободой вкусов и порой балансировал на грани дозволенного, а потому ему нередко приходилось посещать суды, на которых рассматривались те или иные его издательские деяния. Кстати, после 1933 года, прихода к власти фашистов, книги, изданные Блаем, были запрещены, а самому ему пришлось эмигрировать. Он уехал на Мальорку, а позже, когда в Испании началась война, после долгих скитаний попал в Нью-Йорк, где и умер в 1942 году. Австрия не забыла, что сделал этот человек для развития ее культуры, и в 1959 году одну из венских улиц назвали в его честь — Блайштрассе. Но вернемся в 1907 год.

Блаю для осуществления его идеи нужен был художник, который смог бы иллюстрировать его французскую книгу в стиле легкой куртуазной эротичности, и сделать это тонко, не пошло. Короче говоря, нужно было найти нового Обри Бердсли. И решение было найдено — рисунки к книге будет делать русский художник Константин Сомов.

И тут Блай не ошибся. Константин Сомов, один из лидеров объединения «Мир искусства», ученик Репина, сын старшего хранителя Эрмитажа и известного в Петербурге коллекционера живописи, жил в это время — конечно, виртуально — в красочном и изысканном мире французского рококо, где разыгрывались забавные любовные истории, где правили всем и всеми красота бытия и легкость отношений, где куртуазные кавалеры ухаживали за прекрасными дамами и нередко добивались успеха. В мире, пропитанном легким эротизмом. Парки, пруды, скамейки, поцелуи, объятия... «Главная сущность всего — эротизм, поэтому и искусство невозможно без эротической основы», — полагал художник.

Таким настроениям способствовала вся атмосфера тогдашнего богемного, декадентского Петербурга. Эпоха декаданса требовала раскрепощения во всем. Но если многие знакомые Сомова (Гиппиус, Иванов, Мережковский) считали секс средством духовного освобождения, для Сомова «он был просто развлечением, источником телесного удовольствия, не связанным ни с какими высшими ценностями».

*Константин Сомов.
Автопортрет*

В общем, Сомов и Блай оказались на одной волне, а потому художник создал как раз те рисунки, что полностью соответствовали замыслу издателя. Всего их было 31, но цензоры-ханжи разрешили опубликовать лишь 6, да еще 6 виньеток, посчитав остальное оскорблением общественной морали. Скандал, связанный с книгой, только способствовал ее успеху. Она вышла в Мюнхене в 1907 году, а потом переиздавалась несколько раз — до распада Германской империи и начала Первой мировой войны. И тогда, в 1915 году, Сомов, уже хорошо известный в Европе, решил показать свой труд и на родине. Он добавил в книгу новые рисунки и новые тексты — сам трепетно подбирал их, переводил и редактировал (как объяснял художник,

«около тридцати самых забавных отрывков»). В результате сборник увеличился более чем вдвое: в книгу вошли отрывки произведений Вольтера, Кребийона-сына, Парни, фрагменты «Опасных связей», дополнительные эпизоды «Записок» Казановы.

Сомов начал переговоры об издании книги, но тогда у него ничего не получилось — в дело вмешалась цензура, на сей раз российская. Реализовать проект удалось лишь после революции, поскольку поначалу новая, большевистская власть цензуру практически вообще отменила. Книгу (сегодня коллекционеры называют ее «Средняя маркиза») издали в Петрограде в издательстве «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» / R. Golikeet A. Wilborg), тиражом 800 экземпляров. В ней было уже 24 черно-белых и раскрашенных иллюстраций. А через полгода появилось еще одно издание. На титуле указывалось, что книга издана в Венеции, в издательстве ChezCazzoetCognioni. На самом же деле она была напечатана в Петрограде, в том же издательстве «Голике и Вильборг». «Венеция» была выбрана по аналогии с прозвищем Петербурга — «Северная Венеция».

Это издание, всего 50 экземпляров, отличалось особой откровенностью рисунков. Оно вошло в историю полиграфического искусства под названием «Большая Книга маркизы». Сегодня это раритет из раритетов. По меркам того времени — начала XX века — картинки в этой редакции отличались особой фривольностью, недаром Сомов писал

своей приятельнице и тоже художнице Анне Остроумовой-Лебедевой: «Мне жаль, что я не решусь показать

вам многое из оконченных рисунков, они сделаны для издания, которое не будет продаваться открыто и бу-

дет печататься в небольшом количестве экземпляров. Как моему верному и тонкому судье, я их должен Вам показать, но показать их Вам, даме, было бы непростительно».

Но тут Сомов, скорее всего, ошибался. Его рисунки наверняка бы понравились Остроумовой-Лебедевой, поскольку, прежде всего, они были произведениями искусства. Изысканные контуры, тонкая прорисовка, блестящие композиции. Не зря знаменитый искусствовед А.А. Сидоров считал, что «лучший из современных рисовальщиков действительно превзошел сам себя», а выдающийся библиофил Э.Ф. Голлербах писал о книге: «Здесь, как в некоем фокусе, сосредоточился и утонченный ретроспективизм и модный эротизм эстетического мировосприятия, отразился мечтательный культ XVIII века, с его очаровательной фривольностью и напряженной чувственностью. В смысле художественной идеологии в этой книге нет никакого движения вперед, никакого искания, но она бесспорно замечательна сама по себе, "как вещь". Вся проникнутая духом "мелочей прекрасных и воздушных, любви ночей, то нежащих, то душевных", она строго выдержана в одном графическом стиле, в единой изобразительной гармонии. В графическом творчестве Сомова эта книга является высшим достижением. В истории русских иллюстрированных изданий она по праву может занять одно из первых мест».

Сомов к новой власти отнесся равнодушно — ему удавалось до

некоторого времени жить, не ощущая новых порядков, в своей квартире, уставленной изящными статуэтками, украшенной картинами старых мастеров, уникальной мебелью, венецианскими зеркалами и прекрасными люстрами. «Его квартира — своего рода художественная кунсткамера», — рассказывал один из его современников. У него получалось отгородиться от всего внешнего и частенько уходить в мир своих маркиз и маркизов, которых он так любил живописать. Правда, когда его племянник поинтересовался, хотел бы дядюшка перенестись во Францию XVIII века, ответ был неожиданный: «Ни в коем случае! Какой ужас! Там же не было канализации. Представляешь, какая там стояла вонь?»

Он по-прежнему писал своих галантных героев на фоне галантных пейзажей, а еще портреты своих знаменитых современников (Блока, Кузмина, Добужинского и других). До определенного времени ему удавалось как-то отстраняться от новых порядков, но однажды реальность вошла и в его дом, казалось бы, защищенный от ветров перемен. И она, эта реальность, ему не очень понравилась.

В декабре 1923 года Константин Андреевич Сомов уехал в Америку с выставкой русского искусства и в СССР больше не вернулся. Чуть больше года он прожил в Нью-Йорке (тогда он сдружился с великим композитором Сергеем Рахманиновым, написал его портрет.) Но, видно, там ему было не очень хорошо, он нуждался, иначе никогда бы не продал

рисунки к «Книге маркизы», которые всюду возил с собой. Они были ему очень дороги — ведь он посвятил им несколько лет.

Вскоре Сомов перебрался в Париж. Он как всегда много работал, писал замечательные портреты и иллюстрировал книги — «Манон Леско» аббата Антуана Франсуа Прево, «Дафнис и Хлоя» Лонга, «Опасные связи» Шарля де Лакло и другие.

Константин Андреевич Сомов скончался 6 мая 1939 года. Рядом с ним в последние минуты его жизни был его большой друг, Михаил Васильевич Брайкевич, гостивший в доме художника в это время. Как и многие другие друзья Сомова, Брайкевич был очень неординарной личностью. В прошлом городской голова Одессы, вице-председатель Одесского общества изящных искусств, он был учредителем именной стипендии в 5 тысяч рублей для студентов Одесского художественного училища, покровительствовал Одесскому художественному музею (там ныне находится подаренная городу его коллекция из более 100 картин). Эмигрировав (он поселился в Англии), бывший одессит занимался — и успешно — бизнесом, и продолжал любить художников и искусство. Меценат в лучшем смысле этого слова, он помогал Сомову, заботился о нем, покупал его картины. Особенно ему нравились рисунки к «Книге маркизы». Поскольку оригиналов у Сомова уже давно не было, художник раскрасил для Брайкевича вручную 60 оттисков гравюр с иллюстраций к книге. (В одном из

писем Сомов писал: «Почти два месяца я красил картинки (мои оттиски к «Книге маркизы») для Брайкевича, который мне сделал этот заказ. Нарисовал их около 60 штук. Эта работа довольно легкая сравнительно, хотя иногда медленная и кропотливая. Некоторые оттиски вышли очень удачными».) Сегодня коллекция Брайкевича, собранная в Англии, включая эти картины, хранится в оксфордском музее Ashmolean.

Сомов был похоронен на знаменитом парижском кладбище Сен-Женевьев де Буа, рядом со многими другими выдающимися русскими писателями, художниками, поэтами, волею судеб оказавшимися вне родины. Кстати, оплатил бессрочное пользование участком земли для сомовской могилы тот же ценитель рисунков к «Книге маркизы» Михаил Васильевич Брайкевич. «Дружба наша началась в далекие довоенные годы, крепла с годами и ни разу не нарушилась размолвкой» — говорил Михаил Васильевич. Остался он верен этой дружбе и после смерти художника.

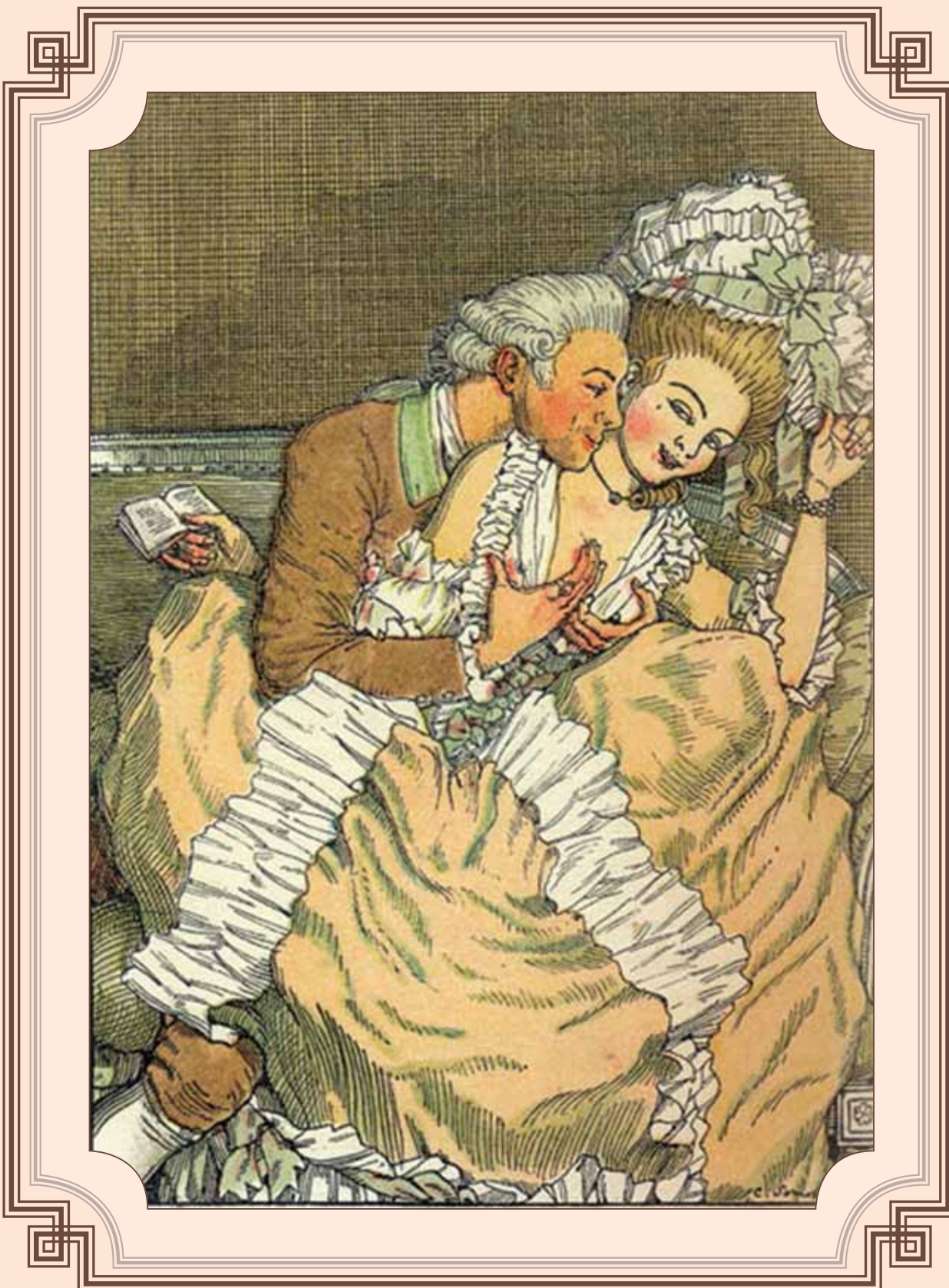
Прошли десятилетия, историки полагали, что оригинальные рисунки к знаменитой «Книге маркизы» для широкой публики утеряны навсегда, но...

В начале 2008 года в своем роскошном особняке умер известный американский коллекционер. У него осталась юная наследница. Девушке, по вполне понятным причинам, захотелось узнать, обладательницей каких сокровищ она теперь стала. Разбирая горы антиквариата, груды старых газет и другие странные, на пер-

вый взгляд никому не нужные вещи, она обнаружила три папки с картинами довольно фривольного содержания. Внимательно разглядывая рисунки, она нашла подпись — К. Somov. Конечно, юная американка никогда не слышала о таком ху-

дожнике — Сомове, но догадалась, что, по-видимому, он русский. И тогда барышня обратилась к консультантам аукционного дома, специализирующегося на русском искусстве. Эксперты были потрясены: у них в руках оказались рисунки знамени-

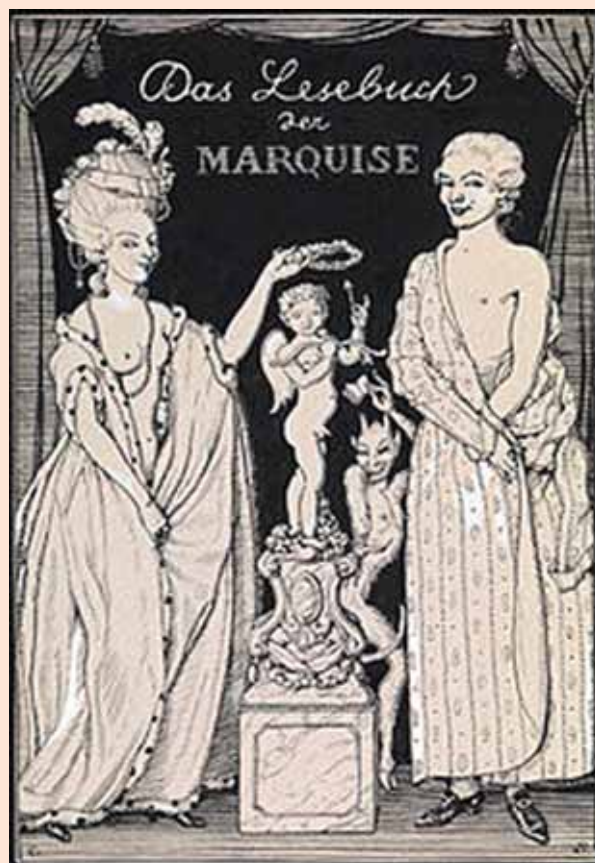
того «мирискусника» Константина Сомова, чьи работы на арт-рынке стоят огромные суммы в миллионы

долларов! (В 2007 году Константин Сомов «установил» рекорд по стоимости русской живописи на лондон-

ском аукционе Christie's — его картина «Радуга» была продана за 3,7 млн фунтов, годом раньше за «Русскую пастораль» дали 2,7 млн фунтов.) Причем рисунки, давно считавшиеся потерянными иллюстрации к знаменитой «Книге маркизы»! 122 листа, почти полный комплект оригиналов! Это легендарное издание, почти миф, мечта библиофила, сегодня стоит десятки тысяч долларов — а тут обнаружены подлинники иллюстраций!

А потом лондонский аукционный дом MacDougall's привез в Москву 40 из 122 листов. Серия иллюстраций Константина Сомова к скандально знаменитой «Книге маркизы» должна была стать сенсацией предстоящих торгов. На российских собирателей возлагались особые надежды, а потому аукционисты привезли в Москву почти треть коллекции. Она была представлена заинтересованной публике в зале Театрального музея имени Бахрушина — там можно было убедиться в высоком качестве и хорошей сохранности рисунков. Однако среди русских коллекционеров и музейщиков не нашлось желающих купить это сокровище. Осенью 2008 года коллекция рисунков Сомова была продана в Лондоне на аукционе русского искусства MacDougall's за весьма достойную сумму — 1 млн 179 тысяч фунтов. К сожалению, имя покупателя не известно.

Итак, в Россию сомовские рисунки не вернулись. Зато была переиздана «Книга маркизы». В 1996 году издательство «Полдень в Москве» выпустило в свет «Книгу маркизы» в переводе и с послесловием Анатолия

Наймана. Тираж этого дорогого, сделанного специально для библиофилов издания — 1000 нумерованных экземпляров. А в 2012 году «Книгу маркизы» выпустило — в более демократичном варианте — издательство «Вита Нова»: с 97 иллюстрациями, в сопровождении серьезной статьи о французской эротической литературе и с биографией Константина Сомова. Так что сегодня и мы с вами можем получить удовольствие, листая страницы этой книги, ставшей легендой полиграфического искусства — прочитать забавные, полные юмора и иронии рассказы и стихи французских писателей и поэтов, и насладиться тонкими, очаровательными иллюстрациями, сделанными замечательным русским художником Константином Сомовым. □

Игорь Цвирко — восходящая звезда Большого театра. Хотя он еще молод, за его плечами уже огромное количество созданных им партий, которые

Игорь Цвирко:

«Самое
главное на сцене —
это **ПРАВДА ЧУВСТВ**»

запомнились зрителям в спектаклях: «Дон Кихот», «Ромео и Джульетта», «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Гамлет» и многие другие. А этой осенью на канале «Культура» готовится новый телевизионный проект «Большой балет», в котором Игорь будет представлять балетную школу Большого театра.

— Игорь, что нового в вашей творческой жизни происходит сегодня?

— Подготовил партию Злого Геня в балете «Лебединое озеро», в редакции Юрия Григоровича. Давно хотелось ее исполнить, мечтал об этом еще во время работы в кордебалете, тогда в «Лебедином озере» я танцевал вальс, испанский танец, потом, будучи уже солистом, исполнил роль Шута.

Сейчас идет репетиционный период балета Юрия Посохова «Герой нашего времени». В октябре 2014 года исполнилось двести лет со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова, и к этой дате приурочена премьера. Предстоят также гастроли труппы Большого театра в Бразилии, публика увидит балеты «Спартак» и «Жизель».

— Можно сказать, вы очень востребованный артист, и станцевали уже огромное количество балетных партий. А есть ли самая любимая?

— Невозможно разделять роли на любимые и нелюбимые. В каждую ты вкладываешь частичку своей

души, отдаешь самого себя. Никогда не думал, что у меня будет такая насыщенная творческая жизнь. Было время, когда я исполнял партию учителя танцев в «Золушке» и синьора Помидора в «Чиполлино». Из последних моих работ: Филипп — «Пламя Парижа», Базиль — «Дон Кихот», Марко Спада в одноименном балете, Ферхад в «Легенде о любви». Другие роли мне тоже очень интересны — это и Гармонист в «Светлом ручье», фея Карабос в «Спящей красави-

це»... Над феей Карабос я постоянно работаю, пытаюсь находить новые и новые грани, и очень хочется, чтобы все у меня получилось. Этот образ сложен — нужно сыграть коварную, злую женщину, передать все нюансы ее сущности.

— Какая ваша первая ведущая роль была в Большом театре?

— Марко Спада в одноименном романтическом балете французского хореографа Пьера Лакотта, премьера состоялась в ноябре 2013 года на Исторической сцене. Это балет 19 века, впервые воссозданный в 1981 году Лакоттом для Рудольфа Нуриева и балета Римской оперы. Для Большого театра Лакотт сделал эксклюзивную редакцию. Не у каждой мировой труппы в репертуаре есть полнометражный трехактный классический балет, требующий виртуозной техники исполнения и актерского мастерства.

— Чем так сложна техника знаменитого Лакотта? Многие называют его «балетным археологом»...

— Балет сложен физически и технически. Огромное количество быстрых вращений, прыжков, сложна в исполнении так называемая «мелкая» французская техника, требующая особенной работы ног. Пьер Лакотт создал свой стиль и свой язык танца.

Это второй балет Лакотта, поставленный в Большом театре. Пер-

«Марко»

вый его спектакль был «Дочь Фараона».

— Хотелось процитировать слова Лакотта: «Россия в моем сердце всегда. Это страна, которую я люблю и где хорошо себя чувствую. Я восхищаюсь русской энергией, интеллектуальностью, русскими композиторами, танцовщиками и просто людьми». А как вам работало с командой Лакотта?

— Отлично! Творчески. Запомнился процесс работы с ассистентами хореографа, с педагогами. Когда хореограф ставит балет, артисты воплощают его идею. В работе я всегда придерживаюсь кодекса — подчиняться главному.

— В последнее время Большой театр часто транслирует балеты в Интернете в прямом эфире. На ваш взгляд, это дает положительные результаты, увеличивает число зрителей, интересующихся балетом?

— Да, конечно. Такие трансляции собирают огромные аудитории зрителей во всех уголках земного шара. К тому же зритель имеет возможность не только наслаждаться спектаклем, но даже заглянуть за кулисы, увидеть, как артисты «разогреваются» перед спектаклем, что происходит в антракте.

Артистов показывают крупным планом, съемка идет со всех ракурсов, поэтому видны мельчайшие детали костюма, грима, прически, все

те детали, нюансы, которые не заметны зрителю, сидящему в театральном зале. Артист должен быть очень внимателен к своему внешнему виду: ведь идет прямая трансляция, и все находится под прицелом камер.

— Вы встречались с великим балетмейстером Юрием Николаевичем Григоровичем?

— Дважды посчастливилось с ним общаться, когда завоевал серебряную медаль на Московском конкурсе артистов балета, и в апреле этого года, когда вышел на Историческую сцену в роли Ферхада в его балете «Легенда о любви».

Партию Ферхада выучил за три дня — так случилось, что наши премьеры заболели, и мне доверили ее исполнить. Перед выходом на сцену

Юрий Николаевич пожелал мне удачи. А после спектакля сказал «спасибо». Это дорогого стоит.

Григорович — Большой Мастер, поставил прекрасные балеты, которые являются визитной карточкой Большого театра. «Спартак», «Легенда о любви», «Щелкунчик»... Хотелось

бы, чтобы люди из разных стран мира могли их увидеть в нашем театре.

— В «Дон Кихоте» вы танцуете главную партию — Базиля, а кого из исполнителей этого замечательного балета можете особенно выделить?

— Галина Степаненко и Юрий Клевцов — народные артисты России, эталонные исполнители главных партий в «Дон Кихоте»!

Галина Олеговна сейчас заведует балетной труппой Большого театра, до 2013 года была ведущей примой-балериной. Образы, созданные ею на сцене, особенные: Эгина — «Спартак», Одилия-Одетта — «Лебединое озеро», Кармен в «Кармен-сюите».

— Балет требует постоянной учебы и тренировок. Кто ваши педагоги в Большом театре?

— Александр Николаевич Ветров, он был премьером Большого театра, с ним очень хорошо работается. Он знает все мои недостатки и достоинства и направляет в нужное русло. Ветров не подавляет индивидуальность артиста.

Я часто бываю вспыльчив, а он меня сразу же «гасит». Обучает меня всему: как нужно правильно вести себя на сцене, делает точные замечания, советует, как сделать что-то лучше. Мне очень хорошо с ним работается.

А еще Александр Викторович Петухов. Мы с ним подготовили много ролей, и я ему за это очень благодарен.

— Понятно, что балет заполняет всю вашу жизнь. Но ведь бывают и свободные минуты, чем вы их заполняете? Есть ли у вас какое-нибудь хобби?

— Я люблю играть в футбол! Увлекаюсь спортом. Несмотря на то, что

нам, артистам балета, это противопоставлено, мы собираемся и иногда играем между собой. Когда только пришел в Большой театр, то участвовал в футбольном турнире. Состязались разные цеха: опера, балет, миманс и служба охраны театра. Мы заняли второе место! Это было почетно и приятно! Стараюсь посещать футбольные матчи, по возможности, конечно. Когда любимая команда проигрывает, я сильно переживаю! Вообще, футбол для меня как отдушина.

— Игорь, хочется пожелать вам удачи в предстоящей премьере и спросить, что, на ваш взгляд, самое важное пытается донести до зрителя артист?

— Самое главное на сцене — это правда чувств. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Он называл
ее своей женой
перед Богом.
Она однажды
призналась:
*«Я согласна
умереть через
два часа,
если один
из них смогу
называться
женой
Нельсона»*.
Им так и
не дано было

Алла Зубкова

Эмма

Корабль королевских военно-морских сил «Вэнгард» входил в сказочно прекрасную бухту Неаполя. Толпа на пристани восторженно приветствовала адмирала Нельсона, недавно одержавшего блистательную победу над французским флотом у берегов Египта.

Всегда сдержанный, немного флегматичный посол Англии в Неаполе сэр Уильям Гамильтон не скрывал своего восхищения перед героем сражения при Ниле. Истый британский патриот, он не находил ничего предосудительного и в том, что его супруга, экспансивная леди Эм-

осуществить
свое самое
заветное
желание.
В нашем
сознании,
однако,
их имена
неразрывно
связаны.
Леди
Гамильтон...
не правда ли,
звучит
как отзвук
на пароль —
Нельсон?

и адмирал

ма, порывисто обняла смущенного адмирала. Естественное проявление того же патриотизма! Это подчеркивал и несколько экстравагантный наряд очаровательной леди Гамильтон. На роскошное платье из белого муслина была наброшена шаль цвета морской вол-

ны, затканная золотыми якорями. В ушах покачивались большие серьги тоже в форме якорей. На изящной головной повязке крупными буквами было выведено: «Нельсон и Победа».

К этой встрече оба наших героя шли своим путем, причем путь жен-

щины, как это случилось во все времена, был гораздо более тернист.

Она родилась в семье кузнеца по имени Генри Лайон в небольшой деревушке Несси в графстве Чешир 28 апреля 1765 года. При крещении ей дали имя Эйми, впрочем, чаще домашние называли ее Эмли. Отец умер, когда девочке было всего шесть недель отроду. Мать перевезла ее к своим родителям в деревушку на границе Англии и Уэльса. Будущая жена посла Гамильтона, в роду которого числилось несколько герцогов и графов, семенила маленьки-

служила у доктора-шарлатана по фамилии Грэхэм в его «Храме Здоровья», исполняя перед зрителями роль богини здоровья Гебы Вестини. Мужская часть аудитории млела от восторга, наблюдая как юная «богиня», сбросив с себя почти все покровы, принимала грязевые ванны. Позднее Эмли подрабатывала моделью в королевской Академии художеств, а также в одном из заведений, где собиралась тогдашняя лондонская богема — актеры, художники, музыканты. Именно там Эмли, скорее всего, и получила пер-

Весь Неаполь, от короля Фердинанда до последнего мальчишки-попрошайки на улице, восхищался Эммой. Высокая, с огромными синими глазами и великолепными каштановыми волосами, она обладала чертами божественной красоты и совершенства. Как-то один из священников даже разрыдался в ее присутствии — иначе как Божьим промыслом ее появление на Земле объяснить он не мог

ми ножками по каменистой чеширской дороге рядом с осликом, предлагая уголь на продажу. В Лондон, куда двенадцатилетняя девочка переехала с матерью, ей также не приходилось сидеть в праздности. Она работала прислугой и нянькой в нескольких семьях. К четырнадцати-пятнадцати годам чудо как похорошевшая Эмли нашла новое применение своим молодым, бьющим через край силам. Какое-то время она

вые навыки пения и танца, которые затем весьма усовершенствовала. Неумеренные комплименты «отвязной» артистической тусовки не могли не сказаться на отношении совсем юной девушки к жизни. В тот период оно было достаточно легкомысленным. Эмли сблизилась с молодым богатым сквайром по имени Гарри Фезерстон, красавцем и бонвиваном. Называя вещи своими именами, попросту становится его со-

*Портрет
Эммы
в образе
вакханки
(художник
Вижге-Лебрэн)*

держанкой, с удовольствием участвует в кутежах молодого сквайра и его друзей, напропалую кокетничая с ними, причем порой довольно рискованно. Во всяком случае, когда она сообщила сквайру о своей беременности, тот выразил сомнения, что ребенок действительно от него, и выгнал ее. (Кстати, позднее он все же признал его.) Эмли оказалась практически на улице. К счастью, она вспомнила про одного из

приятелей сквайра — Чарльзе Гревилле, который всегда проявлял к ней большой интерес.

Гревилл стал первой настоящей любовью Эмли. Впрочем, теперь она сменила свое имя на более аристократичное — Эмма. Так же она назвала и родившуюся дочку, которую, по настоянию Гревилла, в два с небольшим года отдала на воспитание почтенной семейной паре, жившей в Манчестере. С тех пор она видела

*Эмма,
будущая
леди
Гамиль-
тон
(художник
Джордж
Ромни)*

девочку считанное число раз. Материнский инстинкт вообще был развит у Эммы не очень сильно, хотя по природе своей женщина она была на редкость добрая и отзывчивая.

В прошлое ушли вакхические празднества и кутежи, на которых

Эмма задавала тон у Фезерстона. Теперь она полностью была погружена в свою любовь к Гревиллу. Постепенно Эмма превратилась в «настоящую леди» — она усердно работала над исправлением своего северного, достаточно простона-

родного произношения, училась достойно принимать аристократических гостей Гревилла, брала уроки музыки и пения. Любил ли ее Гревилл? Вероятно, да, насколько ему позволяла его суховатая рациональная натура. Человек крайне эгоистичный и расчетливый, он и в мыслях не имел намерений когда-нибудь назвать Эмму своей женой, на что она втайне надеялась. И дальше случилось то, что и должно было рано или поздно случиться. Не имея солидного состояния, Гревилл решил поправить дела женитьбой на богатой наследнице. И как только таковая появилась на его горизонте, перед ним встал вопрос: куда девать Эмму? Выставить ее на улицу он не мог — все-таки джентльмен. И тогда Гревилл принял достаточно неординарное решение. Его дядя сэр Уильям Гамильтон, вдовец, посол Англии в Неаполе, во время своих приездов в Лондон с удовольствием проводил время в обществе Эммы. Собиратель антиквариата и предметов искусства, обладатель тонкого вкуса, сэр Уильям по достоинству оценил красоту и живой ум молодой женщины. Удивился ли он, получив письмо племянника, в котором тот без обиняков предлагал ставшую ему ненужной любовницу? Кто знает... Хотя сэр Уильям был достаточно циничен и неплохо знал человеческую природу.

«В вашем возрасте опрятная и услужливая женщина — приобретение далеко не лишнее, — соблазнял

*Чарльз Фрэнсис Гревилл
(художник Джордж Ромни)*

дядюшку племянник, — более прелестного и милого существа вы не найдете нигде». Сэр Уильям некоторое время колебался, но искушение оказалось слишком сильным. *«Можешь быть уверен, — ответил он ему, — я сделаю все, чтобы утешить Эмму в ее потере, но предвижу, что мне придется часто осушать слезы на ее прелестном личике».*

Эмма прибыла в Неаполь весной 1786 года. О, разумеется, только погостить, как уверял ее Гревилл. Сам он обещал присоединиться к ней через несколько месяцев. Нужно ли говорить, что, несмотря на отчаянные письма Эммы, он там так и не появился. Молодая женщина тяжело переживала предательство любимого человека. Однако гордость

Сэр Уильям Гамильтон

и оскорбленное самолюбие помогли ей справиться с горем. *«Я никогда не стану любовницей сэра Уильяма, — писала она в одном из последних писем Гревиллу, — и если ты наносишь мне такое оскорбление, предупреждаю, я сделаю все, чтобы заставить его жениться на мне».*

Это была не пустая угроза. Разумеется, не сразу, но она добилась своего. Да и мог ли сэр Уильям устоять? Весь Неаполь, от короля Фердинанда до последнего мальчишки-попрошайки на улице, восхищался Эммой. Высокая, с огромными синими глазами и великолепными каштановыми волосами, она обладала чертами лица поистине божественной красоты и совершенства. Кре-

стьяне с острова Ичия, увидев ее, даже опустились на колени — именно так, по их мнению, выглядела дева Мария. Какой-то священник разрыдался в ее присутствии — иначе как Божьим промыслом ее появление на Земле объяснить он не мог. Выдающийся английский художник Джордж Ромни, оставивший нам немало портретов Эммы, считал ее одной из самых красивых женщин всех времен и народов.

Сэр Уильям не жалел денег на лучших в Италии учителей пения, которые помогали ей совершенствовать необычайной красоты колоратурное сопрано. Когда же директор одного из крупных итальянских оперных театров, услышав пение Эммы, предложил ей ангажемент на три сезона, сэр Уильям вежливо поклонился: *«Извините, но я собираюсь ангажировать эту даму на всю жизнь».*

Венчание их состоялось в сентябре 1791 года. Жениху исполнился шестьдесят один год, невесте — двадцать шесть. Эмма была счастлива. Она искренне полюбила старого джентльмена, который всегда относился к ней с удивительной добротой и тактом.

Теперь Эмма стала полноправной хозяйкой Палаццо Сесса — резиденции английского посла в Неаполе, и сблизилась с королевой Марией-Каролиной. Впрочем, причину тут следует искать не только в обаянии Эммы. Неаполь был уязвим с моря, а первой по мощи морской державой являлась Англия. Как же тут не дру-

*Леди Гамильтон в образе Цирцеи
(художник Джордж Ромни)*

жить с женой английского посла, которая, к тому же, благодаря своему сильному и живому уму, оказывала на дипломатические дела не меньшее влияние, чем ее муж?

Французские республиканцы... Они внушали ужас Марии-Каролине, а Эмма их просто ненавидела. Неудивительно, что она восхищалась

людьми, которые были способны противостоять им. Именно поэтому она так сердечно и радушно приветствовала капитана Нельсона, уже отличившегося в войне с французами на море. Нет, это была не та помпезная встреча, с которой мы начали наше повествование. Она состоялась за пять лет до нее в сентябре

*Горацио
Нельсон*

1793 года. Нельсон пять дней гостил в гостеприимном доме Гамильтонов, но радушная хозяйка не затронула тогда сердце капитана. Это тем более странно, что он был вообще очень влюбчивым человеком. До своей женитьбы на Фанни Нисбет, женщине в высшей степени порядочной, но бесцветной, у него было несколько достаточно бурных романов. Да и после женитьбы ка-

питан не отказывал себе в некоторых развлечениях. Несколько слов о внешности Нельсона. Можно смело сказать, что нет ничего общего между реальным Нельсоном и красавцами-актерами, воплощавшими его образ на экране. Нельсон был невысоким (Эмма была выше его сантиметров на 5–6), очень худощавым, словом, человеком внешности отнюдь не героической. Но разве дело

в росте или форме носа? Кстати когда Нельсон со своей эскадрой посетил Ревель, многие русские, видевшие его, утверждали, что он удивительно похож на А.В. Суворова в молодости.

Наверное, вторая встреча Нельсона и Эммы была predetermined самой судьбой. Именно она и распорядилась так, что на сей раз адмирал пробыл в Неаполе не пять дней, а два года. Разумеется, не золотые якоря на шали леди Гамильтон удержали эскадру Нельсона в Неаполитанской бухте. Это диктовалось интересами Англии. Но до конца жизни Нельсон был благодарен судьбе за то, что эти интересы совпали с его самыми сокровенными желаниями. Он нашел

ступала в качестве их защитницы перед адмиралом, и тот нередко отменял наказания. В отличие от матросов, офицеры, напротив, были настроены по отношению к ней ревниво и настороженно, поэтому иногда ее заступничество имело неожиданные результаты. Как-то команда одного судна, нарушившая дисциплину, обратилась к Эмме с просьбой использовать свое влияние, чтобы избавить их от наказания. Капитан, к которому Эмма обратилась, дал ей понять, что выполнит ее просьбу, однако на следующее утро распорядился дать каждому из провинившихся по дюжине ударов за дисциплинарное нарушение и еще

Эмма, с согласия мужа, проводила с Нельсоном массу времени. Она показывала ему достопримечательности Неаполя, пела и танцевала для него, заставляла пить полезное ослиное молоко. Вскоре они поняли, что уже не могут жить друг без друга...

свою единственную женщину и мог находиться рядом с ней.

Эмма, с согласия мужа, проводила с Нельсоном массу времени. Показывала ему достопримечательности Неаполя, пела и танцевала для него, заставляла пить полезное ослиное молоко. Скоро они поняли, что не могут жить друг без друга...

Она была добра к матросам Нельсона, обожавшим ее, частенько вы-

дюжину за то, что они обратились к Эмме. Но это было скорее исключением из правила.

Нельсон абсолютно доверял Эмме. Она стала его советчиком и ангелом-хранителем. Она была его секретарем, переводчиком и представителем при королевском дворе. Единственно, кем она ему не была, это... любовницей. Да-да, вопреки устоявшемуся мнению, любовниками

они стали далеко не сразу. Нельсону потребовалось едва ли не два года, чтобы сломить сопротивление Эммы. Причина? Многие хулители Эммы утверждали, что она пошла на связь с Нельсоном из желания «погреться» в лучах его славы. Чушь! Скандальная слава женщине, носившей фамилию Гамильтон, была не нужна. А на что она реально могла надеяться? Развод в то время был практически невозможен, для этого требовалось разрешение парламента. Конечно, сэр Уильям был уже немолод, но ведь Фанни, жена Нельсона, была не намного старше самой Эммы и на здоровье не жаловалась. Что же могло ждать Эмму впереди, кроме осуждения общества и страданий?

Тем не менее, «грехопадение» совершилось. В феврале 1800 года. Спустя почти год, находясь в море, Нельсон писал Эмме: *«О, мой дорогой друг. То, что произошло 12 февраля, а также события последующих двух месяцев никогда не изгладятся из моей памяти, и я никогда не пожалею о последствиях».*

Между тем «последствия» эти носили вполне конкретный характер. Когда осенью 1800 года сэр Уильям был отозван из Неаполя в Лондон, Эмма была уже беременна. Нельсон сопровождал Гамильтонов в их путешествии через Европу. Знаменитый адмирал в мундире, украшенном орденами и бриллиантами, и все еще чрезвычайно эффектная леди Эмма привлекали всеобщее внимание. Стараясь доказать всем, что их отно-

шения совершенно невинны, Эмма и адмирал несколько переигрывали. За столом она демонстративно ухаживала за Нельсоном — разрезала ему мясо, наливала вино в бокал — ведь адмиралу, потерявшему правую руку, было трудно проделывать все эти манипуляции. В Германии и Австрии хозяева гостиниц во время их трапез открывали двери столовой, и любопытные горожане за известную мзду могли полюбоваться на это необычное зрелище. Эмма и Нельсон не возражали. Зато чопорные английские путешественники морщились, наблюдая такие сцены, называя это «нельсоновским цирком». Никто из окружающих не мог и заподозрить, что Эмма беременна. За последние годы она располнела, приобретя почти рубенсовские формы. Кроме того, Эмма шла, так сказать, в авангарде моды. В то время платья с подчеркнутой линией талии как раз уступили место «классическим» моделям в греческом стиле с очень высокой талией, прямой и широкой юбкой. Корсеты уже не носили, а различные шали, шарфы и накидки в немалой степени могли придать фигуре более стройный вид.

Но это для посторонних. А что же сэр Уильям? Знал ли он о любовной связи между женой и Нельсоном? Конечно же, знал... Человек такого ума и жизненного опыта не мог заблуждаться на этот счет. Старый джентльмен, однако, оказался в сложной ситуации. Он очень любил Эмму и в то же время питал чувство

*Эмма Лайон
в образе
Вакханки
(художник
Джордж
Ромни)*

искренней дружбы и привязанности к Нельсону. Идти на публичный скандал и лишиться двух самых дорогих его сердцу людей? Поэтому сэр Уильям проявлял «дипломатическую» слепоту и глухоту, игнорируя то, чего не хотел замечать.

Такое отношение было воистину спасением для Эммы и Нельсона. Они не в состоянии были скрывать свою любовь, но могли делать вид, что их чувство носит исключительно

платонический характер. Ведь общество, в то время очень жестоко каравшее за грех прелюбодеяния, начинало действовать лишь «по сигналу» потерпевшей стороны. Сэр Уильям такого сигнала не подавал.

На фоне всего этого у Нельсона обострились отношения с женой. Фанни была достаточно выдержанной женщиной, но дифирамбы, которые Нельсон постоянно расточал в адрес Эммы, выводили ее из рав-

новесия. Однажды она сорвалась: *«Я по горло сыта вашей леди Гамильтон, и не желаю слышать ее имя в своем доме!»*

Ко времени разрешения Эммы от бремени Нельсон был вынужден уйти в море. Между ними шла оживленная переписка. Опасаясь, что почтовые чиновники не устоят перед соблазном вскрывать корреспонденцию, любовники придумали собственный, довольно наивный «код». Они условились, что Эмма будет писать от имени вымышленной госпожи Томсон, которая будто бы ожидает ребенка от своего возлюбленного, служащего на корабле Нельсона. Нельсон же в своих ответах маскировался под друга этой самой госпожи Томсон.

Адмирал не на шутку волновался по поводу здоровья любимой женщины. Ведь Эмме было уже тридцать пять, а он полагал, что эти роды у нее первые. Она так и не набралась смелости рассказать ему о первом ребенке. Сэр Уильям никогда не имел и не мог иметь детей, поэтому, во избежание скандала, все происходило под покровом глубокой тайны. Доктора не вызывали. К счастью, мать Эммы, никогда не разлучавшаяся с дочерью (она жила с ней и в Италии) была опытной акушеркой. Всем слугам было сказано, что миледи нездорова. Сэр Уильям заперся в своих комнатах и «ничего не видел и не слышал». Ребенок появился на свет в конце января 1801 года. Девочку назвали в честь отца

Горацией. Извещенный Нельсон был на седьмом небе от радости.

Горации исполнилось всего восемь дней, когда в карете леди Гамильтон ее отвезли к некоей миссис Гибсон. Дом этой почтенной матроны и стал для Горации кровом на следующие несколько лет. У нее была заботливая кормилица, хороший уход, много игрушек. Не было только главного — мамы. Да, Эмма часто навещала ребенка, иногда даже привозила ее в свой дом, но для всех она была лишь ее опекуной. Быть опекуном собственной дочери — именно такую высокую цену Эмме приходилось платить, чтобы избежать публичного скандала.

Оживленная переписка между любовниками продолжалась. Впрочем, не всегда она носила безоблачный характер. Как-то Эмма сообщила Нельсону, что они с сэром Уильямом пригласили на обед принца Уэльского. Наследник короны, будущий король Георг IV имел дурную славу взятого сердцеда и волокиты. Нельсон, всегда ревновавший Эмму, пришел в ужас. *«Я так взволнован, что с трудом могу удержать перо, — писал ей адмирал, не знавший страха в морских баталиях. Ему уже мерещилось, как коварный принц нашептывает его подруге слова любовных признаний и под столом касается ее ножки. — Не садись рядом с ним и не позволяй ему прикасаться к себе. Пусть Господь лишит его зрения, если он будет с похотью взирать на тебя. Я знаю, говорить так — государ-*

ственная измена, и если кто-нибудь увидит это письмо, меня ждет виселица, но...»

Страхи Нельсона оказались напрасными, принц по какой-то причине не смог явиться на обед.

Эмма тоже порой донимала Нельсона ревностью, также, впрочем, совершенно беспочвенной. В одном из писем Нельсон имел неосторожность упомянуть, что на западе Англии дамы носят черные чулки. Зная, какие соблазны поджидают моряков в чужих портах, Эмма потребовала: *«Отныне никаких женщин на борту корабля!»* Нельсон выполнил это распоряжение с присущей ему честностью и добросовестностью. Нога женщины ни разу больше не ступала на палубу его корабля. Даже женам и родственницам его офицеров было запрещено подниматься на борт. Более того, Нельсон обещал без крайней необходимости не покидать свой собственный корабль в чужих портах. *«Я ни у кого не буду обедать (без твоего согласия), — писал он, — но клянусь, что испытываю к тебе такое чувство, что даже, если запереть меня в темную комнату с пятьюдесятью девственницами, я не прикоснусь к ним и пальцем».*

После рождения дочери Нельсон дал понять жене, что их совместная жизнь кончена. Впрочем, он регулярно выплачивал ей половину своего жалованья.

Шло время. Находясь в море, Нельсон все чаще мечтал о доме, где он мог бы жить вместе с Эммой.

Само собой подразумевалось, что с ними вместе будет и сэр Уильям. По просьбе Нельсона Эмма подыскала подходящий дом в местечке Мертон, неподалеку от Лондона. Она сама руководила архитекторами, дизайнерами и рабочими, перестраивавшими дом. Эмма была неутомима. Соседи, чьи владения граничили с адмиральскими, были наслышаны об эксцентричности знаменитой леди Гамильтон. Тем не менее, они, должно быть, не поверили собственным глазам, впервые увидев красивую импозантную даму в переднике и в деревянных сабо на босу ногу. Легкой танцующей походкой Эмма расхаживала около хозяйственных построек. В руках ее был молоток, в зубах зажаты гвозди...

В Мертоне Нельсон провел лучшие месяцы своей жизни. Там же в апреле 1803 года скончался сэр Уильям, смерть которого Эмма и Нельсон искренне оплакивали. Шоком для Эммы стала не только смерть мужа, но и завещание, которое он оставил. Львиную долю своего состояния сэр Уильям оставил не Эмме, а племяннику, уже знакомому нам Чарльзу Гревиллу. Возможно, на старого джентльмена произвели впечатление постоянно повторяемые обвинения племянника в адрес жены. Гревилл, надо сказать, не без основания утверждал, что Эмма сорит деньгами без счета, и способна растратить куда большее состояние, чем то, которым владел сэр Уильям. Возможно также, что такое решение было своего рода

*Эмма Гамильтон
(художник
Джордж Ромни)*

местью Гамильтона жене за, как ни крути, измену супружескому долгу. Тем не менее, сэр Уильям все-таки оставил Эмме средства, которых вполне хватило бы при рачительном ведении хозяйства. Но в том-то и

дело, что экономия была чужда натуре Эммы. Правда, пока у нее был Нельсон...

Адмирал обожал дочь. Он часто навещал Горацию и привозил ее в Мертон. Она тоже очень любила

Нельсона и считала его своим отцом. С Эммой у нее были гораздо более сложные отношения. Она никогда не называла ее мамой — только миледи или леди Гамильтон. Страх Эммы перед сплетнями привел к трагическому результату. До конца своей жизни Горация, которая была официально признана дочерью Нельсона, не верила, что леди Гамильтон ее мать.

Уходя в море весной 1803 года, Нельсон оставил Эмму беременной. Ребенок благополучно появился на свет (Нужно ли говорить, что роды опять проходили в тайне?). Эмма назвала девочку своим именем. Малютка была передана той же миссис Гибсон, но через год скончалась от какой-то инфекции.

Ночью 15 ноября ей показалось, что она слышит гром пушек Тауэра, но не придала этому значения. А на следующее утро ее разбудил шум подъехавшей к дому кареты. Прислуга доложила о прибытии капитана Уитби из Адмиралтейства. Офицер вошел в комнату и молча застыл у дверей. Наконец он с трудом сумел выговорить: *«Мы одержали великую победу»*.

«Меня не интересует ваша победа, — хрипло, не узнавая собственного голоса, произнесла Эмма. — Вы привезли мне письма от него? Дайте их мне».

Глаза капитана наполнились слезами. Эмма сразу все поняла и, громко вскрикнув, упала на подуш-

После смерти Нельсона Эмма наивно полагала, что правительство назначит ей пенсию за «услуги, оказанные Англии» в годы ее пребывания в Неаполе, но все ее апелляции остались без ответа. Не выполнил официальный Лондон и предсмертную просьбу Нельсона позаботиться о двух самых дорогих для него существах. *«Я поручаю заботу о них моей стране»*, — буквально сказал он. Но ничего этого не было сделано, и Эмма окончательно запуталась в долгах

В августе 1805 года Нельсон в последний раз посетил Мертон. Оттуда он и отправился в ставший для него роковым поход.

Всю первую половину ноября Эмма чувствовала себя нездоровой.

Больше десяти часов пролежала она недвижно, не произнесла ни слова, не проронив ни одной слезинки, словно окаменевшая. Это было началом тяжелой и продолжительной болезни.

Она прожила еще десять лет... Десять лет, наполненных страданиями, скорбью, обидами, нуждой. Она выполнила клятву, данную Нельсону — Горация получила хорошее воспитание и образование. После смерти Нельсона у нее оставались кое-какие средства, но они быстро таяли. Эмма, так и не научившись искусству «по одежке протягивать ножки», пыталась сохранить прежний образ жизни. Она наивно верила, что правительство даст ей пенсию за «услу-

ги, оказанные Англии» в годы ее пребывания в Неаполе. Все ее апелляции были оставлены без ответа. Не выполнил официальный Лондон и предсмертную просьбу Нельсона позаботиться о двух самых дорогих для него существах. «Я поручаю заботу о них моей стране», — буквально сказал он. Эмма окончательно запуталась в долгах. Вынужденная переезжать с Горацией с одной квартиры на другую, она, в конце концов, попала в долговую тюрьму. Друзья

*Вивьен Ли
и Лоуренс
Оливье
в к/ф
«Леди
Гамильтон»*

вызвали ее, но чтобы больше не испытывать судьбу, она решила уехать во Францию.

Мать с дочерью поселились в небольшом портовом городке Кале. Нет, вопреки утверждениям некоторых романистов и «киношников», Эмма не закончила свои дни в полной нищете. Они с Горацией жили бедно, но никогда не голодали. Не стала она и алкоголичкой. К сожалению, к распространению этой версии невольно приложила руку Горация, говорившая о пристрастии леди Гамильтон к французским винам и портеру. Да, Эмма любила выпить несколько стаканов сухого вина или портера за обедом. Но это еще не делает человека алкоголиком. Просто Горация говорила о «прискорбной» привычке леди Гамильтон в конце XIX века, когда в викторианском обществе в моде был полный отказ от спиртных напитков.

Скончалась Эмма Гамильтон 25 января 1815 года. Она страдала многими болезнями, но главное — утратила волю к жизни. Последняя легенда о том, что ее похоронили в безымянной могиле для бедняков, также не соответствует истине. Похороны были скромные, но вполне приличные, правда, заплатить за них пришлось английскому консулу в Кале.

Могила Эммы не сохранилась. Во время Второй мировой войны эта часть Кале была разрушена бомбардировками. Но неподалеку от того места, где когда-то жила Эмма, поз-

Горация Нельсон — дочь Эммы Гамильтон и Горацио Нельсона

же установили памятную табличку. Нужен ли Эмме памятник? Зачем, если, глядя на монумент, воздвигнутый в честь Нельсона, во многих уголках мира мы все равно вспоминаем ее имя?

История зафиксировала последние слова умирающего Нельсона, обращенные к судовому врачу: *«Доктор, я ведь не был большим грешником...»*

Конечно, не был. Но разве была такой уж большой грешницей и женщиной, которую он боготворил? □

Ольга Степнова

Бухта

Шляпа была розовая, сарафан розовый и босоножки розовые.

С розовым случился перебор, но Марина Викторовна решила в своем облике ничего не менять. Она даже добавила розовые сережки и розовую помаду.

Лето так лето. Жара так жара.

Пусть все будет легкомысленным, непредсказуемым и немного безвкусным.

Она зашвырнула в чемодан еще один купальник, пластмассовую бижутерию, которую ни разу не надевала, и два парика — рыжий и... очень рыжий.

В рыжих париках ее лицо становилось неузнаваемым.

В рыжих париках, темных очках и широкополых шляпах.

Иногда, правда, Марина Викторовна думала, что неплохо было бы наклеить усы, — уж для полной неузнаваемости! — но тогда бы пришлось идти до конца, надевать костюм, галстук, рубашку, прятать длинные волосы и отказываться от косметики. Она терпеть не могла мужские роли — слишком сильно бурлило в ней женское, прекрасное, молодое начало.

Лето било во все колокола!

Нужно успеть насладиться солнцем, наплескаться в море, належаться на горячем песке, послушаться шума ветра и шороха листвы, погонять на спортивной машине, и, может быть, даже — может быть! — закрутить краткосрочный роман со смуглым юношей девятнадцати лет.

Словом, она спешила получить удовольствия, которые можно получить только летом.

Жизнь коротка, считала Марина Викторовна. Жизнь коротка, и нужно, чтобы каждое лето становилось маленьким приключением.

В аэропорту и самолете все прошло без сучка без задоринки: никто не узнал ее под розовой безвкусной завесой.

Крым встретил Марину мелким дождем и порывистым ветром.

— И это юг? — засмеялась она, усаживаясь на заднее сиденье желтой «Волги», после того как таксист помог ей уложить чемодан в багажник. — И это мой любимый жаркий Крым?!

— Это мой любимый жаркий Крым, — хмыкнул таксист. — Всю зиму жарило так, что цветы на клумбах цвели, а как лето настало, так — на тебе, дождь вторую неделю хлещет. Глобальное сумасшествие природы.

— Отвезите меня в какой-нибудь закуток у моря. Хочу снять на месяц маленькую конуру за разумные деньги, — улыбнулась Марина.

— Так у меня тетка как раз такую конуру сдает! — обрадовался таксист. — До моря — десять шагов. Туалет, правда, на улице, зато из окна берег видно.

— Отлично! — обрадовалась Марина. — Везите меня к своей тетке!

— Кого-то вы мне напоминаете! — Обернувшись, таксист пристально посмотрел на нее, пытаясь разглядеть за широкими полями шляпы.

— Рыжие все на одно лицо, — сухо ответила Марина Викторовна.

И подумала: «Началось!»

Тетка оказалась толстой и милой, а сарай, который она сдавала, вполне пригодным для жилья.

Кровать, тумбочка, шкаф для одежды и вид на море из крошечного окошка — что еще надо для маленького летнего счастья?.. На потолке, правда, пульсировало влагой большое пятно от дождя, но тетя Галя успокоила:

— Дождь небось вот-вот кончится, пятно и просохнет.

Она сбегала в дом за тазом и поставила его в центр комнатухи, под протекающий потолок. Но даже таз не испортил Марине крымского, летнего настроения. Дождь ведь все равно кончится, таз можно будет убрать, а если даже и не убрать — ничего страшного, она же не собирается сутками сидеть в этом сарае, так — сняла, чтобы была крыша над головой. Пусть и дырявая, зато за смешные деньги.

— Живите и наслаждайтесь, — напутствовала ее толстая милая тетя Галя, но, собравшись уходить, вдруг замерла в дверях, близоруко прищурилась и сказала:

— Похожи вы на кого-то...

— Рыжие все на одно лицо, — раздраженно ответила Марина Викторовна.

Она сняла шляпу и темные очки только после того, как хозяйка ушла, плотно прикрыв за собой дверь. Поменяла парик на другой — с более густой челкой, а неуместный в дождь сарафан сменила на серый костюм и серую шляпу.

Может быть, в сером она перестанет быть «на кого-то похожей»?!

Марина выскользнула за дверь своего «люкса с тазом», вышла за калитку и на попутке добралась до города. Там взяла напрокат желтую «спортивку» — питала она слабость к ярким спортивным машинам, — и решила, что раз уж дождь, раз уж хмуро и пасмурно, она поднимет себе настроение в магазинах.

Но... едва Марина Викторовна села за руль, дождь прекратился, тучи рассеялись, и выглянуло наглое, жирное как бабушкин блин, крымское солнце, под которым хотелось забыть обо всем, кроме того, что ты знаменита, красива и относительно молода...

Купив зачем-то в местном бутике еще один сарафан — опять розовый, и еще один купальник — крошечный бикини, Марина рванула на пляж. Она знала тут множество маленьких диких пляжей, где природа брала верх над цивилизацией, но даже туда туристы напозлали как саранча, оккупировав каждый камушек, каждый сантиметр узкого берега.

На этот раз народ еще не успел сориентироваться по поводу резкого прекращения дождя, и на пляже никого не было.

Ни-ко-го. Хоть голой купайся...

Что Марина Викторовна и сделала.

Вода оказалась неожиданно теплой. Волны деликатно играли ее податливым телом, а мысли... мысли плавались от внезапно наступившей жары.

Как хорошо, что она не осталась на лето в душной столице, как хорошо, что рискнула — только через два года рискнула, — выбраться в любимые и дорогие сердцу места.

Накупавшись до легкого шторма в сердце, Марина выбралась на скалистый берег, надела купальник и растянулась на теплых камнях, обсыхая на солнце.

Жара, море и одиночество были ее любимыми спутниками, вот только состыковаться с ними одновременно получалось так редко!

— Правда, тут особенное место?! — спросил вдруг чей-то бархатистый голос.

Она вздрогнула и обернулась.

Юноша оказался точно таким, о котором мечталось — смуглым, высоким и черноглазым. Лет ему было едва ли за двадцать...

— Если смотреть с этого места во-он на ту скалу, то она похожа на профиль древнего старика! — Он присел возле нее, сцепив между коленями сильные руки.

— Вы следили за мной? — Марина глубоко затаилась, вглядываясь в скалу, которая вовсе не напоминала ей древнего старика.

— Ни за кем я не следил, — смутился юноша и в упор посмотрел на нее большими черными глазами. — Это мое место. Моя тайная тихая гавань. Старика зовут Прокоп, он исполняет любые желания. Знаете, почему перестал идти дождь, и выглянуло солнце?

— Вы попросили об этом Прокопа? — усмехнулась Марина.

— Откуда вы знаете?

Для романа юнец не годился. Он был слишком глуп и наивен. Марина Викторовна поднялась и пошла к машине.

— А хочешь, я попрошу Прокопа, чтобы ты влюбилась в меня?! — раздавалось за спиной, и она, замерев на месте и не оборачиваясь, бросила в ответ:

— Твой Прокоп всего лишь кусок камня. И потом... Никто не давал тебе права мне «тыкать».

— Меня зовут Гамлет, — сказал юноша.

Не удержавшись, Марина Викторовна все-таки повернулась, посмотрела ему прямо в глаза и во весь голос рассмеялась. Его зовут Гамлет!

Гамлет, который просит у каменного Прокопа, чтобы дождь кончился, и она, Марина, влюбилась в него!

Хохоча, она побежала к машине, проклиная себя за неосторожность и безрассудство.

Только маньяки бродят на таких диких, безлюдных пляжах. Только маньяки и сумасшедшие.

Машина с пробуксовкой рванула с места, в считанные секунды развив скорость сто двадцать километров в час.

Он нагнал ее на своем стареньком «Жигуле» через пять минут.

Нагнал, поравнялся и крикнул в открытое окно:

— Может, посидим в «Сакуре»? Тут недалеко есть отличное кафе!

Марина засомневалась — а, может, он не маньяк? Может, не сумасшедший? Может, отличный парень со странным именем Гамлет, лелеющий детскую мечту о всемогущем старике, исполняющем любые желания?!

Она немного притормозила и прокричала сквозь бьющий в лицо встречный ветер:

— В принципе, я не против бокала вина!

— Тогда за мной!!! — Он прибавил газу, уходя вперед.

Да, все это смахивало на начало легкомысленного романчика, длина которого, в лучшем случае, — лето.

Марина тоже прибавила скорость. Приключение начинало ей нравиться.

В «Сакуре» они нашли закуток, скрытый от чужих глаз. Впрочем, скрываться оказалось практически не от кого, здесь было немногочисленно.

Они пили молча, она — мартини, он — пиво. Почти не закусывали — зачем?! Алкоголь являлся ступенькой к сближению, и еда, даже самая легкая, была тут ни при чем.

Гамлет буквально пожирал Марину глазами, а она не утруждала себя кокетством. После третьего бокала мартини призналась, что ее настоящее имя — Офелия... Он расхохотался, дерзко взял ее за руку, не менее дерзко поцеловал — разумеется, в губы — и предложил:

— Пойдем, потанцуем.

— Пойдем, — согласилась Марина, и они, обнявшись, полчаса протоптались в середине зала под тягучий изысканный блюз.

Приключение нравилось ей все больше и больше. Нравились эти волосы, губы, глаза, плечи, запах и имя.

В особенности имя.

Будет потом, что вспомнить.

Не рассказать, а именно вспомнить, потому что она никогда никому не рассказывала о своих коротких романчиках с юношами призывного возраста.

— Где ты остановилась? — шепотом спросил Гамлет.

— В сарае, — засмеялась она. — В милом сарае, где, когда идет дождь, протекает крыша. Вас познакомить?

— Конечно. Сарай с дырявой крышей, это экзотика, ради которой я готов пожертвовать номером «люкс» в лучшей гостинице!

Как будто у тебя есть деньги на «люкс», усмехнулась про себя Марина, но вслух этого не сказала, схватила Гамлета за руку и потащила к своей машине.

— Ты сможешь рулить? — протянула она ему ключи от машины.

— Смогу. Кружка пива для меня ерунда.

— Тогда садись за руль, а свою машину брось здесь, заберешь ее завтра.

Она привыкла командовать юнцами, и они всегда подчинялись ей как солдаты генералу. Вот и этот радостно прыгнул за руль, завел движок, и, виртуозно выехав со стоянки, погнал кабриолет вперед, к теткинскому сараю.

Калитка скрипела как проклятая, когда они, хохоча и отталкивая друг друга, неумело и пьяно открывали ее. Проклятый жестяной таз загремел и перевернулся, потому что вспомнить о его существовании после пляжа, мартини и очень интимного танца было немыслимо, а в сарае было темно

как в погребке — маленькое окошко совсем не пропускало скудного света крымской ночи.

Марина Викторовна, шаря по стене, начала искать выключатель.

— Не надо, — остановил ее Гамлет, проводя рукой по рыжему парикю. — Зачем нам свет?

— Действительно, ни к чему, — засмеялась она, плюхаясь на продавленную кровать с жестким ковровым покрывалом.

Он сел напротив, включил мобильник, направил его голубой свет ей в лицо и задал вопрос, которого она ожидала меньше всего:

— А почему у тебя нет веснушек?

— Что?! Что ты имеешь в виду?!

— У всех рыжих всегда есть веснушки, а у тебя нет!

— Я их вывела. Сейчас это не проблема.

— Неправда. Вывести веснушки — большая проблема. Даже если от них удастся избавиться на лице, они остаются на плечах, на руках, на груди...

Марина Викторовна выхватила у него телефон и захлопнула крышку, чтобы голубой свет рентгеном не просвечивал ее тайны и недомолвки.

— Мы пришли сюда, чтобы разбираться в проблемах рыжих? — томно спросила она, обхватив его руками за шею.

— А еще у рыжих почти всегда зеленые глаза, — не унимался юнец, даже не думая набрасываться на нее в страстном порыве. — И они предпочитают носить зеленое и коричневое, а не розовое и серое! Ни одна рыжая не наденет розовый сарафан, розовые сережки и не накрасит губы розовой помадой! Это убьет ее кожу и цвет волос!!

Она резко оттолкнула его от себя. Роман не клеился, юноша все же оказался с приветом, а может, в свои тридцать пять она не такой уж лакомый кусок для юного Гамлета?! Эта мысль усилила раздражение, хмель как рукой сняло.

— Уходи, — сказала Марина. — Мне не нравится, когда беспардонно лезут на мою личную женскую территорию, особенно такие сопляки, как ты...

Он забрал у нее свой телефон, поднялся и вдруг попросил:

— Сними парик! Сними! Я все равно сразу узнал тебя.

— Пошел вон! — закричала Марина Викторовна и швырнула в него подушку.

Он без труда увернулся от мягкого снаряда, и подушка упала на перевернутый таз.

— Я уйду, — тихо проговорил Гамлет, — но утром дам интервью всем газетам, что переспал с самой Мариной Кравец, которая инкогнито находится в нашем городе и которую... убили два года назад в тихом безлюдном местечке под названием «Бухта Дьявола»!

— Что?! — Марина Викторовна почувствовала тошноту. — Ты сумасшедший?! — Она с ногами забралась на кровать и выставила перед собой другую подушку — щит ненадежный, но все-таки...

Вот тебе — лето.

Вот тебе — Крым.

Вот тебе — роман со смуглым юношей.

Эти мысли хлестали ее по щекам, словно оголенные провода.

— Сними парик, — повторил Гамлет. — Неужели ты думаешь, что рыжие волосы, темные очки и шляпа изменят тебя до неузнаваемости?! Ты — Марина Кравец! Тебя убили два года назад! Я сам на катере вывозил из бухты твое изуродованное тело!

Он бросился к ней и сорвал рыжий парик.

Марина Викторовна завизжала — не столько от страха перед ним, сколько от осознания, что под париком у нее безобразная сеточка, прижимающая ее собственные длинные пепельные волосы к голове.

— Что и требовалось доказать, — пробормотал Гамлет, напяливая парик на свою голову. — Что и требовалось доказать...

Прикрывая сеточку руками, Марина сползла с кровати и потянулась к сумочке, где лежал мобильный. Может, успеет вызвать полицию?.. Может...

Гамлет поймал ее руку, когда она почти дотянулась до сумки.

И тут в дверь громко постучали.

— Что-то случилось?! Я слышала крики... — раздался голос хозяйки.

— Помогите, — прошептала Марина. — Помогите, пожалуйста...

— Тебе нужно было нарисовать веснушки, — усмехнулся Гамлет. — Везде, по всему телу — жирные красные веснушки. Тогда, может быть, я не узнал бы тебя. — Он подбежал к окну, открыл его с поразительной легкостью, словно бывал здесь сто раз и сто раз справлялся с неповоротливым шпингалетом, и, не снимая парик, выскочил во двор. В два шага преодолел расстояние до калитки и легким обезьяньим прыжком перескочил через нее. Взревел мотор арендованной Мариной Викторовной машины, и колеса отчетливо забуксовали на старте.

Ключ конвульсивно забился в замке и, наконец, повернулся. В комнату вошла хозяйка.

— Он угнал машину! — закричала Марина, бросаясь к окну. — Он...

Вспыхнула лампочка под потолком, безжалостно осветив плохо беленые стены, влажное пятно на потолке и перевернутый таз.

— Батюшки! — всплеснула руками тетя Галя. — Да вы же... это же... Ой! — заполошно прикрыла она рукой открывшийся рот.

Марина устало стянула с головы сетку, бросила ее на кровать и, усмехнувшись, произнесла:

— Ну, да, я — Марина Кравец. Кинозвезда. Хотелось отдохнуть инкогнито, не раздавая автографов и не страдая от любопытных взглядов.

— Ой, я бы знала, крышу бы починила, — опять всплеснула руками тетя Галя. — Вас кто-то обидел?!

— А, ерунда, — отмахнулась Марина и, сев перед зеркалом, начала ватным тампоном снимать косметику. — Сама виновата. Познакомилась на пляже с каким-то юнцом, а он оказался ненормальным. Шизиком! — постучала она себя по лбу.

— У нас вроде шизиков тут нет, — пролепетала тетя Галя. — Хотя, увидев вас вживую, любой дураком станет! Автограф дадите?!

Марина Викторовна молча расписалась красной губной помадой на белой стене и отточенным движением нарисовала свой профиль.

— Господи, да я ж теперь этот сарай дороже гостиницы сдавать буду! — обрадовалась хозяйка и убежала, прихватив с собой таз.

Наутро она помчалась в аэропорт.

Решение вернуться в Москву было твердым и непоколебимым.

К чему ей скандальные новости о своей знаменитой персоне?! Хватит того, что она обязалась выплатить полную стоимость угнанной юнцом спортивной машины. Хватит того, что сумасшедший юнец видел ее сначала голой на диком пляже, а потом с сеткой на голове под протекающей крышей сарая. Оставалось только надеяться, что у парня не хватило смелости сфотографировать эти незвездные эпизоды ее жизни и продать снимки «желтой» прессе.

Марина не успела купить билет — у кассы кто-то крепко схватил ее за руку. Она дернулась, обернулась и увидела Гамлета...

— Я закричу, — предупредила Марина. — Сниму шляпу, парик, очки и буду вопить, что ублюдок по имени Гамлет надумал похитить актрису Марину Кравец! Вся полиция примчится сюда!

— Кричи, — кивнул он. — Полиции очень понравится вот это. — И протянул на ладони предмет, бережно упакованный в прозрачный пластиковый пакетик.

Увидев то, что лежало в пакетике, Марина почувствовала, как по всему телу пробежали холодные мурашки.

Вот тебе и лето.

Вот тебе и смуглый юноша.

Вот тебе и краткосрочный роман.

Она пошла за ним как овца на заклание, как средневековая колдунья на казнь.

— Удрать хотела? — спросил Гамлет, открывая дверь желтой «спортивной», на которой умчался вчера.

— Не удрать, а уехать домой, — пролепетала Марина.

Они сели в машину, и он нажатием кнопки поднял крышу кабриолета.

Солнце мгновенно раскалило салон. А, может, дикий страх, который испытала Марина Викторовна, прибавил к ощущениям с десятков плюсовых градусов...

— Чего ты хочешь? — еле выдавила она. — Денег? Скажи, сколько, я заплачу тебе.

— За что? — неискренне удивился Гамлет.

— За то, чтобы ты отстал от меня! — заорала Марина. — За то, чтобы забыл, что между нами происходило! За то, чтобы... чтобы...

— За то, чтобы я отдал тебе улику?! — Он потряс перед ее носом прозрачным пакетиком.

— Не улику, а безделушку, которая мне понравилась.

— Тебе понравилось недорогое золотое колечко с надписью «Прекрасной Римме Ромм от любящего ее Витольда»?! Никогда не поверю.

— Да мне плевать, веришь ты или нет! Продай мне кольцо, слышишь?! Продай... — Марина судорожно начала рыться в сумке, прикидывая, что у нее на данный момент самое ценное — бриллиантовые сережки, содержимое кошелька или кредитная карта. Получалось, что кредитная карта.

Она быстро написала на клочке бумаги пин-код и дрожащей рукой протянула Гамлету карту.

— Щедро, — захохотал он, отталкивая ее руку. — Боюсь только, что меня повяжут возле первого же банкомата.

— Но у меня мало наличности! Может, возьмешь бриллианты?! — Марина вцепилась в золотой замочек сережки за ухом, но Гамлет снова остановил ее.

— Мне не нужны деньги. Мне нужны объяснения. — Он взял с заднего сиденья папку, раскрыл ее и начал выкладывать ей на колени вырезки из газетных статей с черно-белыми фотографиями. — Вот этому, вот этому. И вот этому.

— «В бухте Дьявола найден труп неизвестной женщины, — вслух прочитала Марина. — Тело обезображено так, что установить личность погибшей не удалось. Предположительно она упала с высокой скалы. Лицо женщины сильно разбито, череп раздроблен, руки и ноги сломаны, кожные покровы повреждены...» И что?! — отбросив газету, в упор посмотрела она на Гамлета. — Что я должна объяснить тебе в смерти двухлетней давности неизвестной девушки?!

— Это ты погибла тогда в бухте Дьявола! Ты!! — выкрикнул ей в лицо Гамлет. — Ты, Марина Кравец, разбилась два года назад, упав со скалы, но вдруг опять появилась во всей красе на экранах!! Это кольцо я нашел на вершине скалы, с которой ты сорвалась! А ты вдруг съешь мне за него

кредитную карту! Зачем?! Почему?! Только чтобы оно не оказалось в полиции?! Чего ты боишься?! Кто эта — Римма Ромм, которая была вместе с тобой в бухте Дьявола?!

— Я не знаю, — отрешенно проговорила Марина. — Я ничего не знаю. Я не срывалась ни с какой скалы, а кольцо хочу купить у тебя, потому что ты сильно смахиваешь на шизофреника, и неизвестно, какая сумасшедшая мысль придет в твою больную голову. Я просто хочу спасти бедную, неизвестную мне Римму Ромм!!

— Спасти?! — уставился на нее Гамлет. — Римму Ромм не надо спасать. Она погибла два года назад в автокатастрофе. У нее даже есть могилка, возле которой рыдает безутешный Витольд.

— Все умерли, — засмеялась Марина Викторовна. — Вот и отлично. Зачем ты меня преследуешь? Что тебе нужно?!

— Я же сказал, что хочу знать, как ты воскресла из мертвых.

— Ты действительно идиот? В газете написано, что тело не смогли опознать!! Не смогли! Никто не знает, кто разбился два года назад в бухте Дьявола!!

— Я знаю. Я опознал тело. Я!!

— Интересно, как. Я только что сама читала в старой заметке: «Тело обезображено так, что установить личность погибшей не удалось». Тело не смогли опознать! Или тебе старик Прокоп нашептал, что со скалы сорвалась Марина Кравец?!

— Почему ты говоришь о себе в третьем лице?

— Я всего лишь повторяю твои слова! Как ты мог опознать тело, которое не опознали даже криминалисты?!

— Я любил Марину. Не только как актрису, но и как женщину. Я обожал ее! Я... знал про нее все, абсолютно все. Каждую ее складочку, каждую родинку, каждый нюанс ее тела. Я знал ее лучше, чем она знала себя...

— Вот именно, — захохотала Марина. — Лучше, чем она сама себя знала! Фанатичная любовь — это не доказательство. Это серьезный диагноз, с которым нужно идти к врачу, бедный юноша. Так ты продашь мне кольцо? Я не хочу, чтобы в твоей больной голове роились дикие бредни, связанные с моим громким именем. Продашь? — Она опять схватилась за замочек сережки.

— Нет, — ухмыльнулся Гамлет и демонстративно спрятал пакетик с кольцом в нагрудный карман. — Пусть в моей голове роятся дикие бредни, связанные с твоим громким именем. Ведь я люблю тебя. — Он вдруг сделал движение, словно собирался поцеловать ее.

Она отшатнулась.

Гамлет засмеялся, открыл верх машины и бросил ключи зажигания ей на колени.

— Не уезжай в Москву, — попросил он, когда Марина пересела за руль. — Зачем тебе бояться своего безобидного фаната? Не бойся и не уезжай. Там, в бухте Дьявола, на камнях скалы остались следы крови, — задумчиво продолжал Гамлет, не глядя на нее. — Что удивительно, ни дожди, ни ветер, ни солнце не уничтожили их за два года. А сухой кустарник хранит следы борьбы... Ты понимаешь, что это значит?! — наклонился он к ней. — По-ни-маешь?! Там до сих пор остались следы борьбы!

Марина Викторовна рванула с места так, что из-под колес полетели искры...

Вот тебе и лето.

Вот тебе и смуглый юноша.

Зачем она уехала из Москвы?!

Следы крови, которые не смыл дождь, и сломанный кустарник, хранивший следы борьбы...

Этого не может быть. Она спорит на свою кредитную карту, что этого быть не может!!!

Тетя Галя не удивилась ее возвращению. Она вскипятила чайник и накрыла в саду стол — с кренделями, вишневым вареньем и бутербродами с салом.

— Ну, и хорошо, что осталась, — хлопотала хозяйка. — Ну, и слава богу, что не уехала! Чего ты в своей Москве не видала? Духоту? Пробки? Сплетни? Лето в разгаре, отдохнешь еще, сколько твой график позволит. У нас хорошо! Воздух! Природа! И тебя в парике мама родная не узнает. Отдохнешь хоть от пристального внимания поклонников и нацеленных на тебя объективов!

Марина Викторовна не отказалась от чая в саду, и даже съела три бутерброда с салом, чего не позволяла себе лет с двадцати пяти.

— Тетя Галя, — сказала она, без стеснения стягивая парик и оставаясь в безобразной сеточке, — скажите, а вот два года назад тут была такая история: девушка со скалы сорвалась.

— Ой, была! — оживилась тетя Галя. — Ой, сорвалась! Насмерть голову себе о камни разбила. А ты откуда знаешь?

— Да так, люди болтают, — уклонилась от ответа Марина. — Ты мне вот что скажи, тетя Галя, в милиции тогда это дело... замяли?

— Конечно, — кивнула хозяйка. — Списали на несчастный случай и дело закрыли. А чего еще? У нее в крови алкоголь обнаружили. Выводы напрашивались простые: набухалась девчонка и пошла свежим воздухом подышать. А места тут опасные — не для пьяных ног и нетрезвой головы. Сорвалась и каждым ребрышком своим, каждой косточкой все каменные

выступы пересчитала. От лица у нее ничего не осталось... А из личных вещей при ней был купальник, да маникюр с педикюром. Никто ее так и не опознал. И родственников не нашлось. Похоронили вместе с бомжами, как неизвестную.

— Да-а, — протянула Марина Викторовна. — Грустная история. Наверняка та девушка приезжая была. Может быть, до сих пор ее кто-то любит, ищет и ждет.

— Если любит и ждет, то уже объявился бы, — возразила тетя Галя. — А вообще... Что-то с той девицей нечисто было. Бабы местные поговаривали, будто столкнул ее кто-то. Там ведь не то, чтобы очень уж скользко или неудобно ходить, на скале-то той. И потом, лицо уж больно ей разворотило! При падении так не изуродуешься. Поговаривают, бил ее кто-то перед смертью, сильно бил, а уж потом столкнул. Но это только сплетни, и никаких доказательств. А в милиции «глухарей» не любят, поэтому на несчастный случай все списали. А ты, дорогая, почему этой историей так заинтересовалась?!

— Да так, — постаралась как можно беспечнее улыбнуться Марина. — Люблю жуткие истории.

— Ой, так у нас тут пять с половиной лет назад, ну, та-а-акой жуткий случай произошел... — обрадовалась тетя Галя возможности ублажить знаменитую клиентку. — Ну та-акой жуткий! Под экскаватор многодетная семья попала, папа, мама и восемь приемных детей. А экскаваторщиком их родной сын был...

— Извините, — поднялась Марина Викторовна, — у меня что-то голова разболелась.

Она ушла в сарай и, сев у зеркала, с головой погрузилась в свои мрачные, тягостные мысли.

Значит, девушку не опознали... Значит, ее похоронили с бомжами... Значит, у Риммы Ромм есть могила, над которой рыдает Витольд... Значит, дело закрыли, признав случившееся несчастным случаем...

Тогда о каких следах крови говорил Гамлет? О каких кустах, хранящих следы борьбы?! Откуда у него кольцо с разоблачающей гравировкой?! А главное... зачем он утверждает, будто любил Марину Кравец?!!

Сидеть перед зеркалом и бездействовать стало невыносимо.

Марина бросилась к чемодану, чтобы опять создать себе новый, неузнаваемый образ.

Она должна побывать в бухте Дьявола. Должна забраться на ту скалу и убедиться, что кустарник давно зарос новыми побегами, а дождь, солнце и ветер уничтожили следы крови на камнях.

Шляпа была зеленая, брючный костюм зеленый и босоножки тоже зеленые.

Рыжий парик неприятно сдавливал голову, а нарисованные веснушки вызывали зуд на лице, на плечах и на груди.

Она просто сошла с ума, последовав советам Гамлета усовершенствовать свой образ рыжей. Она запаниковала, а этого нельзя было допустить. Ведь тогда, два года назад, не было никакой паники, так почему сейчас, под прессингом какого-то сумасшедшего, надо терять голову?!

Дорога вела прямо к подножию злополучной скалы. Марина Викторовна бросила машину у обочины и пошла вверх сначала по пологой, а потом по очень крутой и неудобной тропинке.

Как-то внезапно стемнело, и яркий день превратился в сумрачный, вязкий вечер. Когда Марина оказалась на маленьком плоском плато, сумерки сгустились настолько, что пришлось включить фонарик в мобильном.

Нет, у нее действительно сдали нервы. Что она надеется найти в такой темноте, на такой высоте, да еще спустя целых два года?!

Внизу, возле узкой полоски берега, плескалось миролюбивое, разогретое дневным солнцем море.

Марина Викторовна встала на четвереньки и, подсвечивая себе телефоном, поползла, обследуя каждый камешек, каждую расщелину, каждый колючий кустарник, попадавшийся ей на пути. Занятие было бессмысленным, но она твердо решила, что непременно должна найти и уничтожить следы того «несчастливого случая».

За спиной вдруг раздался хохот. Марина вздрогнула, и, отпрянув к краю скалы, чуть не свалилась в пропасть.

Конечно, это был Гамлет.

Он возник на плато, словно призрак в белой рубашке, и от хохота корчился как паяц. Если бы у Марины Викторовны вместо мобильного был пистолет, она, не задумываясь, разрядила бы всю обойму.

В этот хохочущий рот.

В эти белые зубы.

В этот высокий лоб, тонкий нос и бездонные черные глаза.

— Сволочь! — выдохнула Марина, отползая от края пропасти. — Ты следил за мной?

— Нет. Я ждал тебя здесь. — Он присел рядом с ней на корточки, заглянул в лицо и погладил по искусственным волосам. — Рыжая! В зеленом! И веснушки нарисовала. Молодец! Не могу понять, от тебя пахнет крымской свежестью и чистыми помыслами или душной столицей и преступлением? — Он, пригнувшись, потянул носом воздух. — Неужели, ты и правда поверила, что кустарник до сих пор сломан, а на камнях остались следы крови?!

Марина вскочила и побежала вниз. Нет, она не бежала, она катилась с этой скалы, не разбирая дороги, не видя тропинки, сдирая в кровь руки, ноги и даже лицо. Но когда влетела в машину, он уже сидел там.

— Что тебе надо?! — обессилено упала она на руль. — Я же предлагала тебе деньги... А хочешь... хочешь, я куплю тебе квартиру в Москве?! Я хорошо зарабатываю, я могу купить тебе трехкомнатную квартиру в центре!

— Мне не нужна квартира. Я хочу знать правду. Признайся, что ты не Марина Кравец, а Римма Ромм. Признайся, что два года назад ты убила Марину и заняла ее место на экране и в жизни. Посмотри сюда. — Он достал из кармана маленькую цветную фотографию. — Посмотри, эта девушка очень похожа на знаменитую актрису. У нее только чересчур светлые волосы, а у Марины они были пепельными. И глаза... Глаза у девушки карие, а у Марины были синие. Вся страна знала, какие у нее были прекрасные глаза! Вся страна любила эти глаза! А теперь покажи свои! — Гамлет жестко схватил Марину за подбородок и развернул ее лицо к себе. — Понятно, — сказал он. — Ты носишь синие линзы. Теперь это не проблема — изменить цвет глаз.

— Это мои глаза, — заплакала Марина Викторовна. — Это мои глаза, мое лицо, мое тело и мой актерский талант! Никакая Римма Ромм не смогла бы сыграть Анну Каренину так, как сыграла ее я! Разве мои последние роли не доказательство, что я — это я?!!

— Римма очень талантлива. Очень! Она играла в школьных спектаклях, потом окончила театральное училище и некоторое время работала в местном драмтеатре. Она мечтала о большом кино, но это была несбыточная мечта. Родители пили, нуждаясь в постоянном внимании, а жених, тот самый Витольд, очень ее любил и не хотел отпускать от себя. Ни денег, ни возможности уехать в Москву у Риммы не было. И тогда она решила занять чужое место. Не пробиваться, не начинать все сначала, с первых шагов, а просто стать сразу знаменитой и всеми любимой Мариной Кравец. Она пронюхала, что Марина каждое лето инкогнито приезжает в Крым отдыхать. Узнала, что Кравец снимает недорогую лачужку на берегу моря и наслаждается морем, солнцем и одиночеством. Никто никогда бы не догадался, что звезда такого масштаба, как Марина Кравец, может отдыхать таким образом. Даже журналисты об этом не знали. Но у Риммы было много талантов, в том числе и талант детектива. Да, у нее был бо-ольшой талант детектива, нюх ищейки и способности великой авантюристки!!

Для начала она решила похоронить себя. Актриска местного театра подстроила так, что ее ближайшая подруга попала в автокатастрофу с документами Риммы Ромм и в ее одежде. Авария была страшная, машина сгорела, тело хоронили в закрытом гробу. У Риммы появилась могила.

Теперь ей предстояло убить Марину Кравец так, чтобы никто не опознал ее, и занять место великой актрисы.

— Это сказки, — перебила его Марина. — Кто ты такой, чтобы рассказывать мне небылицы?!

— Я очень любил Марину, — мрачно ответил Гамлет. — Так любил, что вся моя жизнь имела смысл только потому, что она живет, дышит, снимается в кино и бесподобно играет... Я любил ее улыбку, ее мимику, ее жесты... Она была моим кумиром, моим идеалом. Я коллекционировал все ее фильмы, все статьи о ней, все фотографии. Я знал о ней больше, чем она сама! Когда стало известно, что со скалы сорвалась неизвестная женщина, я первым приехал на место происшествия! Я догадался, что это она... Я понял, что ее кто-то убил, и начал копать эту историю. Вышел через свидетелей на Римму, но, главное, нашел на скале кольцо с разоблачающей гравировкой. Наверное, оно сорвалось с пальца в пылу борьбы.

— Копать он начал, копатель, — усмехнулась Марина. — Кольцо он нашел! Слушай, я хочу выпить. Я, Марина Кравец, которую ты так беззаветно любишь, хочу выпить три бокала мартини.

— У Марины на щиколотке левой ноги была родинка в виде звездочки, — тяжело вздохнул Гамлет.

Марина Викторовна вскинула левую ногу ему на колено, и, задрав брючину, продемонстрировала на щиколотке маленькую темную звездочку.

— В каком салоне делала татуировку? — усмехнулся он.

Марина резко опустила ногу и завела машину.

— А знаешь, какие есть два главных доказательства, что ты не Марина, а Римма?

— Какие? — рассеянно спросила она, нажимая на газ.

— Первое доказательство то, что ты хочешь выкупить у меня кольцо. Второе — то, что ты прибежала в бухту Дьявола и не поленилась залезть на скалу, чтобы отыскать следы преступления двухлетней давности!

— Об этих доказательствах известно только тебе, — усмехнулась Марина. — Ты же не побежишь с ними в полицию? И потом, кто там тебе поверит, мальчишка!

— Поверят, — засмеялся Гамлет. — Ты даже не представляешь, как мне там поверят! Куда ты меня везешь?!

— Убивать, — спокойно проговорила она и прибавила газу.

Стрелка на спидометре скакнула со ста на сто двадцать.

Гамлет громко захохотал, широко открыв молодую, белозубую пасть.

— Тогда гони в «Сакуру»! — крикнул он. — Это самое лучшее место, чтобы прикончить меня!

В «Сакуре» опять было немногочленно.

Они заняли свой прежний столик в закутке, скрытый от посторонних глаз широкой колонной.

Принесли мартини, пиво и четыре бисквита, посыпанных кокосовой стружкой.

— Я не заказывала бисквиты, — поморщилась Марина Викторовна.

— Зато я заказывал! — Улыбнувшись, Гамлет, взял с блюда одно пирожное и поднес к ее губам. — Ешь!

— Я ненавижу кокос! — Марина отшатнулась и выбила бисквит из его рук.

— Конечно, ненавидишь, — прошептал, наклонившись к ней, Гамлет. — Я видел медицинскую карту Риммы Ромм, у нее аллергия на все кокосовое! Даже на заменители вкуса.

Марина Викторовна залпом выпила мартини.

Один бокал, второй, третий...

Тепло разлилось по всему телу, и страх ушел. От паники и следа не осталось. Она засмеялась своим серебряным смехом, который так любили ее поклонники:

— Он видел медицинскую карту Риммы Ромм! Ха-ха-ха!!! Да кто ты такой, чтобы тебе ее показывали?! Кто! Ты! Такой?!! — и выплеснула кружку пива ему в лицо.

Как бы она хотела, чтобы это было не пиво, а соляная кислота!

Его рубашка намочка, волосы слиплись, а лицо стало жалким.

Этого оказалось достаточно, чтобы почувствовать себя победительницей.

Марина схватила с блюда пирожное и тоже швырнула ему в лицо.

— У меня ни на что нет аллергии! Нет! Я просто ненавижу кокос! Ненавижу! Он напоминает мне древесные безвкусные опилки! Меня от него тошнит! — Она выплюнула эти слова ему в лицо и ушла с гордо поднятой головой.

— У тебя веснушки размазались, — пробормотал Гамлет ей в спину, но она уже не слышала его.

Тетя Галя спала мертвым сном.

Марина Викторовна долго стучала в дверь ее дома, а потом взяла, да и залезла в окно.

— Тетя Галя, проснитесь! — потрясла она за плечо хозяйку.

Тетка завопила от страха, но, открыв глаза, быстро пришла в себя и начала тараторить, как она рада, что сама Мариночка залезла в окно и до смерти ее напугала.

Марина слушала болтовню, чувствуя себя опустошенной и... рыжей.

— Теть Галь, я спросить хотела... — с трудом начала она разговор.

— Спрашивай! — обрадовалась хозяйка. — Что знаю, все расскажу! Чаю с салом хочешь? — метнулась она на кухню.

— Нет, — остановила ее Марина. — Давайте так посидим, в темноте.

Тетя Галя послушно села на кровать, сцепив на коленях пухлые ручки.

— Теть Галь, у вас сумасшедшие в округе есть?

— Чокнутые, что ль? — уточнила хозяйка.

— Ну, да... Не в себе как бы. С виду вроде нормальные, но со странностями.

— Да у нас тут все со странностями, — растерялась хозяйка. — Как плюс сорок вжарят, так у всех «крыша» едет, и у местных, и у приезжих...

— Значит, нет сумасшедших. — Марина разочарованно вздохнула и встала.

— Нет, ну, чтобы совсем дураков — с медицинской точки зрения, — таких нет. Может, все же, чаю с салом?!

Марина Викторовна легко выпрыгнула через окно во двор и уже с улицы крикнула:

— А вы не знаете никого по имени Гамлет?

— У нас в округе только один Гамлет, — высунулась в окно тетя Галя. — Опер из убойного отдела.

— Опер из убойного отдела, — пробормотала Марина. — Опер из убой... Господи... — Она побрела к сараю, содрав с головы парик и смеясь на ходу:

— Опер из убойного отдела! Опер! Ну, и дура же я... Ну, и дура...

Ночью опять пошел дождь.

Неправильный, неожиданный крымский дождь, который делал жару невыносимо душной и влажной.

Крыша протекла в новом месте — прямо над кроватью Марины Викторовны. Она лежала под водопадом воды, и плакала, и рыдала, и тряслась в ознобе, и тайно радовалась, что пошел дождь, что крыша течет, и что ее истерика имеет вполне объяснимые климатические причины.

— Опер, — рыдала в подушку Марина. — Он просто опер! Вот почему он оказался первым на месте происшествия! Вот почему у него кольцо с гравировкой! Вот почему он видел медицинскую карту Риммы Ромм и знает о ее аллергии! Вот почему! Моей карьере конец. Я погибла! Погибла!!

Местное РОВД оказалось маленьким зданием, похожим на детский сад.

Гамлет сидел в крошечном кабинете, сосредоточенно набивая что-то на компьютере.

Марина Викторовна ворвалась в душное прокуренное помещение и схватила его за руку.

— Пойдем, — задыхаясь, сказала она. — Пойдем, я все тебе расскажу, только без протокола и всех этих официальных штучек.

Гамлет встал и послушно пошел за ней.

Слава богу, на нем была не белая рубашка, а черная майка.

Черная майка, черные джинсы и кобура на поясе.

«Я погибла! — стучало в висках у Марины. — Я погибла, потому что он мне никогда не поверит!»

— Почему ты не арестовал меня в аэропорту? — спросила она, когда он сел рядом с ней в машину.

— У меня нет никаких доказательств, — покачал головой Гамлет.

— Кольцо! — напомнила она.

— Это не доказательство. Кольцо могло быть потеряно в бухте когда угодно. Это не доказательство. Единственным доказательством может быть твое чистосердечное признание.

— Признание... — эхом повторила Марина Викторовна. — Скажи, ты действительно любил Марину Кравец?

— Безумно. Любил издалека, как недосыгаемую на небе звезду. Это чистая правда. Я даже вызнал номер ее мобильного, но ни разу не посмел позвонить, потому что понимал — таких поклонников, как я, полстраны, а то и полмира... Я терпеть не могу быть одним из многих, поэтому любил ее тайно, издалека.

— Тогда ты должен поверить мне! Поехали! — Она нажала на газ. Движок откликнулся ревом, а колеса душераздирающим визгом.

— Куда мы едем? — без особого интереса спросил оперуполномоченный.

— В бухту Дьявола! Мы пойдем с тобой на ту самую скалу, с которой... Гамлет равнодушно пожал плечами и отчего-то проверил на поясе кобуру.

Плато было раскалено полуденным солнцем как сковородка.

Марина Викторовна достала из сумочки сигареты, села на камень и закурила.

— Ты сегодня без маскарада, — заметил Гамлет, усаживаясь напротив и сканируя взглядом ее лицо, прическу, фигуру. — Ты очень, очень похожа на Марину. Даже жесты, даже мимика, даже голос и интонации... Ты действительно талантливая актриса, Римма, но до Кравец тебе далеко.

— Слушай меня и не перебивай, — оборвала его Марина Викторовна. — Все, что я скажу, — правда! Мне очень трудно рассказывать это, ведь, как ни крути, а я совершила убийство. Жестокое, ужасное убийство. Никому теперь не докажешь, что я защищалась, что просто спасала свою жизнь, но я попытаюсь... — Она затушила сигарету о камень, встала и подошла к краю обрыва. Ей вдруг показалось, что, если она будет стоять на краю пропасти, ее слова будут казаться более правдивыми и весомыми. Ей показалось, что именно так нужно выстроить кадр, чтобы он держал внимание и будоражил душу.

Внизу волны ласково бились о берег. Природа помогала ей, как могла — светом, солнцем, ветром, бескрайней гладью воды и даже тучками на горизонте.

— Я в тот вечер немного выпила, — заговорила Марина, глядя на линию горизонта. — Не в баре, не в ресторане, так, купила в супермаркете бутылочку розового мартини и потягивала себе за рулем. Это был один из тех редких дней отдыха, когда я не стала надевать парик и гримироваться. Отчего-то никто не узнавал меня, и мне стало даже обидно. Гаишники не останавливали, чтобы взять автограф, прохожие не оборачивались и не кричали вслед: «Смотрите, да это же сама Марина Кравец за рулем!» Никто не пытался меня сфотографировать, хотя я ехала намеренно медленно и демонстративно пила за рулем спиртное.

Скука была смертная.

Жара и скука.

Наверное, поэтому я остановилась, увидев на шоссе одинокую голосующую девушку.

— Я вас узнала, — улыбнулась она, садясь в машину. — Вы...

— Я такая же отдыхающая, как вы, — перебила я ее. — Кстати, вам не кажется, что мы очень похожи?

Девчонка была блондинкой, с выжженными перекисью волосами. Мне неприятно было сравнивать себя с ней, но мы, действительно, были очень похожи — черты лица, рост, телосложение, даже голос. Единственное отличие — возраст. Она выглядела намного моложе меня.

Жара и скука сделали свое дело. Я разговорилась с попутчицей, которой, кстати, не понадобились ни мой автограф, ни определенное направление, куда бы следовало ее отвезти.

— Хотите, покажу вам бухту Дьявола, там очень красиво, — предложила девица.

Мне было все равно, куда ехать и что смотреть, поэтому я согласилась.

Она показала дорогу к высокой скале. Мы бросили машину внизу и полезли вверх по тропинке, по очереди отхлебывая из бутылки мартини.

Мне стало весело, скуку как рукой сняло, и жара уже не так докучала.

Девушка показывала дорогу, и все время рассказывала какие-то глупые анекдоты. Я шла за ней как последняя дура, забыв, кто я, не зная, кто она.

На скале, и правда, было очень красиво, вот как сейчас. Внизу море, впереди горизонт, а под ногами — горячие камни. Мы разделись и остались в купальниках. Мартини к тому времени уже закончился. Анекдоты у девчонки тоже. Она вдруг стала угрюмой и неразговорчивой.

Я начала травить какие-то байки про смешные случаи на съемках, во время рассказа повернулась к девчонке спиной и... неожиданно получила сильный удар по голове. Я устояла на ногах, у меня крепкая голова — сколько раз я, отказываясь от дублерш, ударялась этой головой на съемках во время исполнения трюков, сколько раз меня били по темени, если того требовал сюжет...

Я обернулась. Девчонка стояла с перекошенным от злости лицом и с камнем в руке.

Я закричала и отпрыгнула от нее. А что еще было делать в такой ситуации? Расшаркиваться и выяснять причину агрессии?!

Я тоже схватила камень. Небольшой, но очень острый.

Девчонка набросилась на меня. Она с остервенением била меня и бормотала что-то о том, что я непременно должна умереть. Я защищалась! Как?! Да как тигрица! Умереть под градом ударов какой-то завистливой дряни я не хотела! Девчонка оказалась гораздо слабее меня, хотя мы были одного роста. Но я боролась за свою жизнь! Свою славу! Свою карьеру! Поэтому силы мои утроились, нет, удесятились... Кажется, это называется иступление. Или состояние аффекта? Не знаю, не скажу, чтобы себя не помнила, но очнулась я только тогда, когда острым камнем искромсала ей лицо до неузнаваемости.

У меня было ощущение, что режиссер вот-вот крикнет «Снято!», и можно будет идти смывать грим. У меня было ощущение, что я блестяще отыграла какой-то эпизод. Но режиссер ничего не кричал, софиты не гасли, а вместо грима лицо разъедал пот. Девчонка не дышала. Пульс не прощупывался. Я поняла, что совершила убийство, и никому, никому теперь не докажешь, что я защищала свою жизнь! Это означало конец работе, конец ролям, конец деньгам, конец славе, конец свободе, конец всему...

Я осмотрела труп. На пальце у девчонки блестело золотое колечко. Я сняла его, и правильно сделала, потому что внутри было выгравировано ее имя — Римма Ромм.

В том, что делать с телом, я ни минуты не сомневалась. Подтащила его к обрыву, и... Она летела как кукла, ударяясь о каждый выступ, о каждый камень. При таком раскладе у меня оставались все шансы «выйти сухой из воды». Вряд ли тело в таком виде опознают, а если его не опознают, кто свяжет убийство с моим именем?!

Я взяла пустую бутылку из-под мартини с отпечатками наших пальцев и бросила со скалы в море. Туда же полетели камни, которыми мы наносили друг другу удары. Оставались ее шмотки — джинсы и кофточка. Я сожгла их на обочине, отъехав от бухты Дьявола километров на двадцать... Развела костер и сожгла. Все было сделано чисто, вот только кольцо я где-то потеряла... Искать его в наступающих сумерках не было смысла. Ну, что ты молчишь?! Это я, я убила Римму Ромм! Я убила ее, а не она меня, слышишь?! Я — Марина Кравец! Та, которую ты тайно и безнадежно любишь! Неужели твое сердце не подсказывает тебе?! У меня синий цвет глаз, а родинка на щиколотке — самая настоящая!

— Ты врешь! — Гамлет встал и шагнул к ней. — Ты правдоподобно и очень искусно врешь!! Марина не могла стать убийцей! Даже защищая

свою жизнь! Она не могла хладнокровно и размеренно разбивать жертве лицо острым камнем! Не могла! Она не могла сбросить со скалы тело, а потом с преступным спокойствием уничтожать улики! Она умерла бы сама, но не стала бы этого делать!! — Гамлет сделал еще один шаг и выхватил пистолет. — Ты врешь! Врешь! — Он поднял руку и прицелился ей в лоб. — Врешь!! Ты не Марина! У тебя в глазах синие линзы, а на щиколотке татуировка!! У тебя аллергия на кокос!! Римма Ромм еще в школе умела сочинять душещипательные истории, в которых правду трудно было отличить от вымысла! Трудно, слышишь?! Я же говорил, что у тебя много талантов! Ты — Римма! Это говорят мои мозги, мое сердце, моя интуиция и мой здравый смысл!! — Его палец дрогнул на курке, всего лишь дрогнул, выстрела не последовало, но нервы у Марины не выдержали.

Она сделала шаг назад, позабыв, что позади пропасть.

...Небо кувыркалось то вверх, то вниз, солнце яркими бликами сверкало в глазах, синее море плескалось то сверху, то снизу. Было не больно и вовсе не страшно оттого, что впереди смерть... Было смешно, что она, всего-навсего, оступилась...

— Я уже не знаю, кто я! — из последних сил закричала она. — Не знаю! Ты почти убедил меня, что я Римма-а-а-а—а-а...

Жизнь заканчивалась тогда, когда лето находилось в разгаре, а солнце в зените. Это было обидно.

Последнее, что почувствовала то ли Римма, то ли Марина, — это жар в своих ранах.

ЛЕТО, КРЫМ, ГОД СПУСТЯ...

Больше всего тетя Галя любила сплетни и семечки.

Сильнее, чем она, сплетни и семечки любила только соседка Нюрка, но она могла выходить на лавочку только по четвергам, потому что в четверг у Нюрки забирали внуков.

Сегодня как раз был четверг, и Нюрка во всеоружии — с карманами, забитыми семечками, — вышла посидеть на лавочке.

Сначала обсудили семью американского президента, потом перемыли кости эстрадным звездам, потом добрались до местного населения. Население было не то, чтобы многочисленным, поэтому новости быстро закончились, но тут на горизонте появилась любимая тема для обсуждения.

В конце улицы показалась инвалидная коляска, которую катил молодой, смуглый красавец. В коляске сидела бледная женщина с отрешенным лицом. Ее ноги прикрывал клетчатый плед, а руки, несмотря на жару, скрывали длинные черные перчатки.

У женщины были густые пепельные волосы, собранные в узел на затылке, и пронзительно-синие глаза.

Парень бережно катил коляску по улице, объезжая неровности и стараясь не выходить из тени.

— Вот бедняжка, — в тысячный раз принялась обсуждать любимую тему тетя Галя. — Такая актриса была! Такая красавица! Видно, не зря бухту Дьявольской кличут. Сколько народу там поубивалось! А живой только она осталась.

— Чем так жить, лучше насмерть разбиться, — вздохнула Нюрка. — Ее же по кусочкам сшивали, по косточкам собирали! Ни одного живого места не осталось!

— Да-а... А все равно, как красавицей была, так и осталась. Лицо-то не пострадало совсем!

— Берегла, видно, когда летела.

— Берегла. А Гамлет-то наш, кто бы мог подумать! Работу в полиции бросил, устроился начальником службы безопасности в банке, чтобы побольше зарабатывать, и женился на ней! Ну, кто бы мог подумать! Ведь все девки в городе по нему сохли!

— А знаешь, что бабы говорят? — Нюрка нагнулась к уху тети Гали, потому что коляска как раз проезжала мимо них.

— Что? — прильнула к Нюрке тетя Галя.

— Да будто Гамлет наш специально актрису в пропасть спихнул, чтобы она, кроме него, никому не нужна была. Он уж такой влюбленный в Марину был! У него вся комната в общежитии ее портретами увешана!

— Да ты что?! — пораженно воскликнула тетя Галя, хотя слышала эту новость не первый раз. — Наш Гамлет?! Спихнул?! Чтобы никому не досталась?! Ох, ты, господи, а я-то думаю, чего он вокруг коляски так увивается!

— А еще болтают, будто не Марина Кравец это вовсе, а Римма Ромм из местного драмтеатра. Уж больно похожа она на Кравец была. А Кравец будто карьеру бросила и с любовником-миллиардером на острова укатила. Вот.

— Да нет, я ж Маринку знаю, она у меня сарай снимала! Кравец это! Стопроцентная знаменитая актриса Кравец! Только вот не помнит она ничего после падения, и меня не помнит.

— И, слава богу, что не помнит. Разве ж такой ужас можно помнить?

— Я, что ли, ужас?!

— Да не ты, а скала эта!

— А, может, и помнит она все, да делает вид, что забыла... Зачем ей теперь прошлая жизнь?

— Может, и так. А к Гамлету она хорошо относится. Вроде бы даже любит.

— А кого ей еще любить-то в коляске? Врачей из клиники? Некого ей любить, кроме него.

Он катил ее бережно — объезжая неровности на дороге и стараясь не выходить из тени.

— Дорогая, тебе купить что-нибудь вкусное?

— Да.

— Мороженое?

— Лучше пирожное.

— Хорошо.

Он побежал к киоску, пристроив коляску в тени.

— Только чтобы без кокосовой стружки!! — капризно и повелительно крикнула она ему в спину.

— Я помню, любимая!

Он вернулся обратно через минуту с двумя огромными шоколадными бисквитами со сливочным кремом.

Она взяла оба и начала есть, поочередно откусывая от каждого.

— Господи, как хорошо, когда не надо заботиться о фигуре! — Ее глаза засветились счастьем.

— Куда сегодня поедем гулять? — Он склонился над ней, заботливо поправляя плед.

— Как всегда, — улыбнулась она. — На дикий пляж!

— Что будем просить у Прокопа?! — засмеялся он.

— Как обычно, самого главного — здоровья и долгих лет жизни! Вперед, мой Гамлет! Вперед, мой любимый!

Толкая коляску перед собой, он помчался к морю, объезжая неровности и стараясь не выбегать из тени.

Лето продолжалось, и жизнь, как ни странно, тоже. □

Мамин-Сибиряк

Были времена, когда юбилейные даты Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка широко отмечались в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, где собиралась литературная элита того времени. Были времена, когда с успехом экранизировались его романы, как, например, роман «Приваловские миллионы». Талантливые режиссеры и лучшие актеры воплощали созданные Маминим-Сибиряком образы и получали за это Государственную премию РСФСР, а зрители захлебывались от восторга.

Были времена, когда в «каждом интеллигентном доме» на книжной полке обязательно стояло полное собрание сочинений этого писателя, а дети зачитывались его «Аленушкиными сказками».

Было, все было...

Забывтый классик

Картина «Приваловские миллионы», снятая Ярополком Лапшиным в 1973 году, уже киноклассика — со дня его выхода на экран прошло почти сорок лет. Но вот что удивительно: фильм отнюдь

не потерял ни своей актуальности, ни своей художественной ценности. Только вот мало кто помнит, по мотивам какого романа снят этот фильм. И почти никто не держит дома книг Мамина-Сибиряка. А ведь Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка современники сравнивали с крупнейшим французским писателем-натуралистом Эмилем Золя.

По своей сути творчество Мамина-Сибиряка — явление, глубоко укорененное в русской культуре и в русской общественной жизни. Роман «Приваловские миллионы» (1883) не только натуралистично рассказывает о становлении буржуазии в России XIX столетия, но и создает ряд ярких образов «сибирских характеров».

На склоне лет, размышляя о своем месте в русской литературе, Д.Н. Мамин-Сибиряк ставил себе в заслугу, что он показал читателю Урал своего времени, с его особенной красотой, неисчислимыми богатствами, вложил в свои произведения любовь к обездоленному люду, преклонение перед его мудростью и творческими силами.

Современники писателя отдавали должное его яркому самобытному дарованию. А.П. Чехов отмечал, что герои рассказов Мамина-Сибиряка — это сильные, цепкие, устойчивые люди, а слова у него — живые, настоящие, услышанные в народе, а не вычитанные из словарей, как это случается у иных литераторов. М. Горький признавал, что книги Мамина-Сибиряка помогли ему глубже полюбить русский народ и русский язык. С. Елпатьевский, врач и писатель, близкий Чехову, лечивший Толстого, писал, что Мамин-Сибиряк выявил то новое, что забрезжило на Урале после отмены крепостного права и появления капитализма, — духовную и бытовую эволюцию, пережитую Уралом вместе со всей Россией, возникновение новых типов и нового уклада жизни...

Мамин-Сибиряк (настоящая фамилия Мамин) родился 6 ноября 1852 года в Висимо-Шайтанском заводском поселке Верхотурского уезда Пермской губернии, в 140 км от Нижнего Тагила. Этот поселок, находившийся в глубине Уральских гор, был

основан еще Петром I, а богатый купец Демидов построил здесь завод, изготавливавший железо.

Отцом будущего писателя был заводской священник Наркис Матвеевич Мамин. В семье было четверо детей. Жили скромно: отец по-

лучал маленькое жалованье, немногим больше заводского рабочего. Много лет он бесплатно учил детей в заводской школе.

«Без работы я не видал ни отца, ни матери. Их день всегда был полон трудом», — вспоминал Дмитрий Наркисович.

В Висимо-Шайтанске было всего 236 дворов и проживало около двух тысяч человек. Здесь будущий писатель получил первые незабываемые впечатления от суровой и прекрасной природы Урала и своеобразного быта крепостных заводских крестьян, пригнанных на заводы из разных концов России. Их яркие, самобытные характеры, меткое, образное слово жадно впиты-

го, это Тагильский край — один из самых богатых и крупных уральских округов, принадлежавший на посессионном праве потомкам знаменитых «фундаторов» первых заводов Демидовых, занимал площадь, равную небольшому европейскому государству. Здесь, на территории в 638 000 десятин, располагались 9 металлургических заводов, несколько медных и железных рудников, десятки золотых и платиновых приисков, 7 заводских поселков, 16 сел и деревень.

Уехав из Висима «в ученье» пятнадцатилетним мальчиком, позже, уже юношей, Дмитрий неоднократно приезжал туда на каникулы. Несколько раз бывал там, будучи уже писателем и постоянно живя в Екатерин-

Современники писателя отдавали должное его яркому и самобытному дарованию. А.П. Чехов отмечал, что герои рассказов Мамин-Сибиряка — это сильные, цепкие, устойчивые люди, а слова у него — живые, настоящие, услышанные в народе, а не вычитанные из словарей, как это случается у иных литераторов

вала восприимчивая и благодарная детская память.

«Я вскормлен висимским хлебом и вспоен висимской водой», — с полным основанием мог сказать про себя Дмитрий Наркисович.

Действительно, он до последних дней оставался верным и любящим сыном родного Урала, которому посвятил свои самые лучшие, близкие сердцу произведения. И, прежде все-

бурге. Здесь он оставил немало друзей и знакомых. Всегда, даже став писателем петербургским, интересовался их судьбами, а некоторым помогал и материально.

После школы Мамин-Сибиряк учился в Пермской духовной семинарии, но полный курс не окончил. В 1872 году он поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию на ветеринарное отделение, а

затем перешел на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Проучившись год, вынужденно оставил учебу из-за материальных трудностей и резкого ухудшения здоровья (начался плеврит).

Так что образование у будущего знаменитого писателя было разносторонним, но не законченным. И немудрено. Увлечение общественным движением 1870-х годов и участие

в политических спорах, слезка полиции, воздействие «гуманитарных» идей Чернышевского и Герцена, и «естественнонаучных» — Дарвина и Тимирязева, жизнь в холоде и впроголодь, серьезная учеба и самообразование — одним словом, обычная жизнь бедного молодого человека из провинции, вздумавшего получить образование в столице, которая редко проходила благополучно.

Летом 1877 года он вернулся к родителям, которые с 1866 года жили на Салдинских заводах. Там Мамин-Сибиряк встретился с Марией Якимовной Алексеевой, ставшей ему женой, верным другом и помощницей на начальном, самом трудном этапе его литературной деятельности. Он начал давать уроки отстающим гимназистам и вскоре приобрел славу лучшего репетитора в городе. По ночам писал. Избирался гласным городской Думы. Много ездил по Уралу и Приуралью, знакомился с народной жизнью, изучал труды по истории и хозяйству края.

На Салдинских заводах Мамин-Сибиряк попал в новую для него среду заводской и земской интеллигенции. Наблюдения за нравами и бытом заводского общества, в том числе и его высшей, «элитной» части, дополнявшиеся рассказами Марии Якимовны, не прошли бесследно для будущего писателя.

Когда умер отец, вся тяжесть забот о семье легла на Дмитрия. Чтобы дать образование братьям и сестре и суметь заработать, он отправился в Нижний Тагил. Остановился у знакомых и собирался позже перевезти из Салды всю семью, но, к сожалению, пробыл там недолго — всего около месяца. Причина быстрого отъезда из Тагила заключалась не только в трудностях с получением подходящего места службы. По всей вероятности, он опасался преследования за критические корреспонденции, посланные в газеты Петербурга и Екатеринбурга. В них разоблачалась неприглядная роль владельца Та-

гильских заводов и заводской администрации при проведении реформы 1861 года, в частности, при составлении уставных грамот, обезземеливших тагильских мастеровых.

Возмущенное дерзостью анонимного автора газетных заметок, Нижнетагильское заводоуправление пыталось его разыскать, и Дмитрию Наркисовичу пришлось срочно покинуть Тагил, чтобы не навлечь кары на себя и свою семью.

В 1881–1882 годах на страницах одной из ведущих московских газет «Русские ведомости» появились его очерки, в которых особое внимание уделялось Нижнему Тагилу. В этих очерках Мамин-Сибиряк дал замечательное описание своеобразного облика Нижнетагильского «города-завода», который «широкой картиной развернулся у самого подножия Урала, как самое близкое и любимое его каменному сердцу дитя». Рассказывалось в них и об архитектурных и исторических памятниках, заводском музее и, конечно же, о знаменитых в истории русского горного дела заводах и их владельцах Демидовых. Говоря о будущем Тагила, писатель предсказал ему судьбу «русского Бирмингема», мирового центра металлургии.

В Нижнем Тагиле, как в Висиме, и Салде, у Дмитрия Наркисовича был широкий круг друзей и знакомых среди заводской интеллигенции и простых людей — рабочих, старателей, мелких промышленников, торговцев, рыбаков и охотников — его спутников по лесным походам. В этом наглядно проявились особенности

личности писателя: его общительность, любознательность, редкий дар располагать к себе самых разных людей. По словам друзей, он умел с ходу схватывать все главное в услышанном и увиденном и так же быстро писать, придавая мимолетным впечатлениям яркую, образную форму.

В более чем тридцати произведениях «тагильского цикла», написанных в основном в екатеринбургский период его жизни (1878–1890 гг.), нашли отражение самые разнообразные сюжеты истории тагильских за-

«раскушенные» критикой. И хотя произведение написано в русле западноевропейского семейно-социального и русского романа рубежа веков, оно принесло Мамину-Сибиряку репутацию писателя-«уральца», глубокого знатока «областной» жизни. Только издание следующих романов — «Горного гнезда» и «Дикого счастья» (первоначальное название «Жилка»), на которые критики наконец-то обратили свое внимание, — позволило писателю выйти на российский уровень и уйти от нищеты и репетиторства.

Образование будущего писателя было разносторонним, но не законченным. И немудрено: увлечение общественным движением 1870-х годов и участие в политических спорах, слежка полиции, воздействие «гуманитарных» идей Чернышевского и Герцена, жизнь в холоде и впроголодь — одним словом, жизнь обычного молодого человека из провинции, вздумавшего получить образование в столице, — редко проходила благополучно

водов. Эти произведения создали литературное имя Д.Н. Мамину-Сибиряку, сотрудничавшему в известных журналах той эпохи — «Дело», «Вестник Европы», «Русская Мысль» и, наконец, в щедринских «Отечественных записках».

«Родина — наша вторая мать, — писал Мамин-Сибиряк брату, — а такая родина, как Урал, тем паче».

В 1883 году были опубликованы «Приваловские миллионы», не сразу

Когда Мамин-Сибиряк написал пьесу «Золотопромышленники» («На золотом дне»), в Екатеринбурге ее сняли из-за того, что многие «отцы города» узнали себя в персонажах, но позже пьеса была поставлена в театре Ф. Корша в Москве. Тогда же писатель был принят в члены Общества любителей российской словесности.

В конце 1880-х годов у него возник грандиозный план создания

*Дмитрий
Наркисович
Мамин-
Сибиряк
с дочерью
Аленушкой*

целой серии романов, посвященных как настоящему, так и прошлому Урала. В них должны были отразиться самые выдающиеся события уральской истории: русская колонизация, строительство первых металлургических заводов, хищническое разграбление природных богатств края, положение и борьба трудового населения, нравы и быт

заводского общества, влияние реформ 1860–1870-х годов на судьбы промышленности и заводского населения.

Этот замысел полностью не осуществился, но именно с ним были связаны интенсивные научные занятия Дмитрия Наркисовича во второй половине 80-х — начале 90-х годов. Он встречался с уральскими краеве-

дами и историками, работал с архивными и статистическими материалами, как член Уральского общества любителей естествознания участвовал в археологических и фольклорных экспедициях. Так родилась еще одна — историческая — ипостась писателя Мамина-Сибиряка.

По мере того как писатель и историк Д.Н. Мамин-Сибиряк все дальше продвигался по пути осмысления событий, его все больше интересовали глобальные социальные и экономические процессы, их влияние на жизнь родного уральского края и его населения. Таким процессом во второй половине XIX века было развитие капиталистических отноше-

ние денег, богатства на души людей, подрывающее благосостояние трудового люда... Видел и не мог с этим примириться. И при этом горячо верил в будущее Урала, и не только верил, но и как мог — прежде всего, своим умным и добрым талантом — помогал.

Прекрасно сказал об этом хорошо знавший писателя и глубоко понимавший его редкий талант Алексей Максимович Горький:

«Когда писатель чувствует свою родную связь с народом, — писал он Дмитрию Наркисовичу в 1912 году, — это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно

Всего писатель написал более полутора ста рассказов, сказок, очерков и повестей для детей. Многие из них стали классикой мировой литературы, некоторые отмечены премиями, в том числе и международными. Как говорил сам Мамин-Сибиряк: «Детская книга — это вечно солнечный луч, который вызывает рост брошенных на благодатную почву семян»

ний, все глубже проникавших в экономику пореформенной России.

Отношение писателя к капитализму было неоднозначным. Он понимал неизбежность наступления капиталистической эры, открывавшей широкие возможности для развития науки, просвещения, технического прогресса. Но видел он и другое: беспощадное, опустошающее влия-

показали Вашими книгами, открывшими целую область жизни, неизвестную нам. Земле родной есть за что благодарить Вас, друг и учитель наш».

В 1890 году Мамин-Сибиряк развелся с первой женой, сошелся с актрисой Екатеринбургского драматического театра Марией Абрамовой и переехал в Санкт-Петербург.

Через год Абрамова умерла при родах, оставив больную хореей («Пляска святого Витта») дочь Аленушку на руках потрясенного этой смертью отца. Не без труда он добился прав на отцовство, и, в итоге, Елена Дмитриевна Мамина была признана законной дочерью Мамина-Сибиряка. Правда, прожила она, как и ее мать, недолгую жизнь: в 1914 году скончалась от туберкулеза.

Своей дочери Дмитрий Наркисович посвятил цикл своих произведений для детей, который он так и назвал: «Аленушкины сказки». Всего писатель написал более полутора тома рассказов, сказок, очерков и повестей для детей. Многие из них стали классикой мировой литературы, некоторые отмечены премиями, в том числе и международными. Широко известны его рассказы «Примыш», «Вертел», «Серая шейка», «Зимовье для Студеной», «По Уралу», чудные легенды из быта башкир, казахов, киргизов — «Лебедь Хантыгая», «Майя» и другие.

«Детская книга, — говорил писатель, — это весенний солнечный луч, который заставляет пробуждаться дремлющие силы детской души и вызывает рост брошенных на эту благодатную почву семян».

4 августа 1911 года Дмитрий Наркисович перенес кровоизлияние в мозг, результатом которого стал паралич руки и ноги, к тому же вновь заболел плевритом.

26 октября 1912 года в Петербурге отмечалось сорокалетие его

творческой деятельности, но Мамин уже плохо воспринимал пришедших поздравить его — через неделю, 15 ноября 1912 года, он скончался. Многие газеты поместили некрологи.

Большевистская газета «Правда» посвятила Мамину-Сибиряку специальную статью, в которой отмечала большое революционное значение его произведений:

«Умер яркий, талантливый, сердечный писатель, под пером которого оживали страницы прошлого Урала, целая эпоха шествия капитала, хищного, алчного, не знавшего удержу ни в чем... Его влекла чистая душа ребенка, и в этой области он дал целый ряд прекрасных очерков и рассказов».

Д.Н. Мамин-Сибиряк был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, через два года рядом похоронили скоропостижно скончавшуюся дочь писателя «Аленушку» — Елену Дмитриевну Мамину. В 1915 году на могиле установили гранитный памятник с бронзовым барельефом.

А в 1956 году прах и памятники писателя, его дочери и супруги М.М. Абрамовой были перенесены на Литераторские мостки Волковского кладбища. На могильном памятнике Мамина-Сибиряка высечены слова:

«Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец — вот где настоящая жизнь и настоящее счастье». □

Валентин Устинов

ЯСТРЕБИНОЕ ЗАХАРОВО

Дикий крик ястребиный.
Я резко очнулся.
Над глазами сиял между ветел прогал.
Дальний лес за речною излучиной
гнулся
и к дворянской усадьбе аллеей
сбегал.
Загудело пространство — и вдруг
распрямилось.
Старый дом за рекою колонны подъял.
Засияла округа — как божия милость.
И сирени затеяли розовый бал.

Золотой колоколец далекого смеха.
Двери хлопнули, будто затеяв пальбу.
И курчавый малец по перилам поехал,
чтоб, скатившись, упасть в молодую
траву.

Где вы, ястребы неба?
Я знаю: над полем
от сурепки медовым и всласть
золотым
вам не надо искать сокровенную
долю,

просто надо быть жизнью —
 сиреневой в дым.

Я не помню твой голос,
стремительный Пушкин.
Помню утро твоё и сиреневый бал.
Помню: «Саша!» — призыв
 с недалёкой опушки
твоей бабушки — Машеньки
 Ганнибал.

Ах, какие в Захарово ветры и дали!
Пушкин к липе припал, на скамейку
 присел.
Все мы славе и доблести время отдали.
Ястреб в солнечном ветре
 бессмертно висел.

Все потом, все грядет:
и любовь, и свершенья,
и сраженья, и гибели яростный
 стон...

А пока — только ястреба в небе
 круженье.
Только наш удивительный
 сон.

В этот день я проспал посредине
 вселенной
миг рожденья, миг смерти
и вечность меж них.
Словно жил меж травы —
бесконечной и тленной.
И трава нашептала написанный
 стих.

МОИ РОДНЫЕ БОЛОТА

Веет в полдень ветер — смятенно
 и горько.
Я вошел, как в острог, в синезубчатый
 лес.
И родимый до боли силуэт Вольной
 Горки
за полями, стогами, кустами исчез.
Заструились ручьи — поперек
 и вдогонку.
Трясогузка тропу колотила хвостом.
Над озерами вихри вершили
 возгонку —
из горячего пара творили фантом.
Жизнь моя, это ты остроглазою птицей
(вся стремительна, зла, то черна,
 то бела)

промелькнула крылатою тенью
 по лицам
и в родные болота меня завела.
Трясогузка с тропы с жестким
 клекотом взмыла —
словно коршун: холодный
 безжалостный взгляд.
Здесь я вырос и вызрел —
 меж хлябями ила —
может, миг, может вечность назад.
Никогда не забыть вересковое поле,
стоны топей, блуждающий
 призрак огня...
Никогда не забыть мне
 дурман гоноболи.
Никогда-никогда не забуду я боли

тех любовью, что строили
 в жизни меня.
 Словно радость и стыд —
 в безобразных болотах
 за Мстою
 по закатной дорожке кикимора
 мимо плыла.
 Я не стою любви предзакатной,
 не стою.
 Но она ведь была.
 Всем заблудшим скажу я: любите,
 терпите.

Ваша жизнь — как полуночный
 сказ про любовь.
 И любой — как стоящий
 на росстани витязь.
 Посреди мироздания, в змеином
 болоте — любой.
 Ночь совой закружилась
 с бесшумным облетом.
 Но село замерцало вдали, как маяк.
 Шел я, шел — как по жизни —
 по топким болотам.
 И надежды звезда выводила меня.

Не сокрушай. Не сокрушайся.
 Терпи в беде. Терпи в любви.
 И плакать всуе не старайся.
 И блики счастья не лови.

Не плоти верь, огнем плененной.
 Не упоению в тиши.
 Верь в горний зов — тобой рожденной
 И очарованной души.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ЧАЕПИТИЕ

Прекрасно, что ты есть,
 моя любимая женщина.
 Прекрасно, что ты есть —
 такая как есть.
 С грозами, с ливнями, с солнцем
 повенчана —

отныне и присно, вовеки и днесь.
 Я тебе с нежной улыбкой прощаю
 все, что себе на талант сочинил.
 Выпить бы нам по-семейному чаю.
 Вот я о чем покаянно мечтаю
 меж опаляющих душу горнил.

Напои меня стихами до предела,
 до безумья.
 Может быть, однажды утром
 я проснусь — и не умру я.
 А проснусь — веселым чудом,
 ничего не знавшим в жизни.

А навстречу счастьем алым мне
 в лицо калина брызнет.
 Ничего еще не зная — ни любви
 и ни горя —
 удивлюсь: «Смотри, какая тень
 лежит на косогоре!» □

Елена Колчак

Заставь дурака Богу молиться

Иронический детектив

12

Поедем, красотка, кататься!

Стенька Разин

— А Санечка-то переживал, куда ты делась!

Шутки бывают и долгоиграющие, но это редкость. Шуточка про якобы нежные чувства Главного Редакционного Справочника Санечки Сергиенко к моей скромной персоне была из одноразовых. Второй раз уже не смешно, третий — подташнивает, в четвертый — начинает раздражать. Поэтому я состроила самую унылую из всех возможных физиономий. Шутник огорченно поднял брови и развел руками — мол, осознал, больше не буду.

Юное дарование, «сосватавшее» мне Санечку, зовут Польша. То есть, конечно, Паша, но как прикажете называть человека, способного трещать по-французски со скоростью матричного принтера? Кроме юношеской восторженности Польша обладает массой бесполезных в обыденной жизни знаний — например, о способах приготовления устриц, — высокими идеа-

Окончание. Начало в №8, 2015.

лами, непременно при высоких идеалах обидчивостью и, к счастью, неистребимым чувством юмора. Обидевшись, он молчаливо, но красноречиво дуется, затем вспоминает подходящий к случаю анекдот и через полминуты уже хохочет вместе со всеми над нелепостью ситуации.

Глаза Поля отнюдь не спорят с голубизной неба, но, тем не менее, сияют чистотой и наивностью. Для репортера — им, бедным, из одной производственной необходимости врать приходится почти непрерывно — свойство немаловажное.

Из неоспоримых достоинств, помимо чистых глаз и чувства юмора, у Поля наличествует великолепный экстерьер: на фоне почти йоговской худобы — ярко выраженные бицепсы, трицепсы и чего там еще положено. Для поддержания формы юное дарование прикладывает немалые усилия. Я свидетель, ибо в спортзал мы с Полем ходим в один и тот же.

Иногда нам случается покидать «храм здоровья» вместе. Случилось, как на грех, и в этот раз.

Посреди пустой в этот час стоянки красовался Ильинский драндулет — нечто рыжее, непрезентабельное, абсолютно невзрачное, то, что называется «без особых примет». Внешность, впрочем, обманлива. Ездит эта штука тише мыши — не в смысле скорости, а в смысле акустических эффектов: ничто нигде не стукнет, не звякнет, не загудит, только шины по асфальту — ш-ш-ш...

Хозяин пребывал в некотором отдалении от драндулета, удобно устроившись на отрезке цепи, изображавшем изгородь. Из чистого озорства я продефилировала мимо, даже не поздоровавшись, только ручкой легонько помахала. Да, вот такие мы, Маргариты, непредсказуемые, идем, увлеченные светской беседой, и никого вокруг не замечаем.

Поль спешил по своим делам, но я ему даже «чао» не успела сказать, как Никита, только что сидевший, что твой кот ученый на цепи, мгновенно оказался возле нас:

— Нехорошо, мадам! Карета ждет.

У Поля тренировочный азарт еще играл в мышцах шампанскими пузырьками, а уж защитить даму, с которой обращаются совершенно неподобающим образом, — это всегда святое. Короче, предложение незнакомца показалось благородному рыцарю совершенно несообразным. Но Ильин-то, Ильин! Забыл, что он оперативник? Одним словом, мужчины «вежливо обменялись мнениями» по поводу сложившейся ситуации, а меня при этом как бы и рядом не стояло.

Через пять минут, когда недоразумение разъяснилось, я обзрела результаты и пообещала Полю завтра же зашить его куртку так, что ничего не будет заметно.

— У вас все сотрудники такие... энергичные? — вежливо поинтересовался Никита, когда мы, наконец, не только уселись, но даже куда-то там выехали.

— Почти, — кратко, чтобы не очень привирать, ответила я.

Всю дорогу Никита веселил меня анекдотами «из жизни уголовного розыска». Особенно запомнилась история о мужике, перепутавшем спяну этажи и набившем морду супруге, «чтоб любовников к себе не водила», где юмор заключался в том, что этаж-то был чужой, а вот супруга действительно его собственная.

Доехав до какой-то незнакомой мне автостоянки и поставив драндулет куда-то в VIP-угол, мы отправились, гм, «гулять». После получасового путешествия среди заборов и зеленых насаждений, во время которого Ильин продолжал демонстрировать извлеченную откуда-то галантность, заранее щелкал зажигалкой, угощал, точнее, пытался угощать мороженым в каждой подвернувшейся на пути палатке, мы, наконец, добрались до кафе, внешний вид которого мне показался смутно знакомым.

Интуиция не обманула. Через полчаса, после бокала токайского и изрядного куска мяса с фасолью, до меня дошло — мы в десяти минутах ходьбы от моего дома. Точно, обращала я внимание на уютную террасу этого кафе, хотя и не заходила никогда: глядя на широкую улыбку хозяина, как-то сразу становилось ясно, что девушке без сопровождающего здесь появляться не стоит. Съедят.

Примерно через час луна перестала цепляться за ветки окружающих террасу деревьев и озарила, как полагается, небосклон, а интеллектуально-светская беседа начала капать у меня из ушей.

— У тебя, кстати, нет предположений, чьи пальчики могут быть на ключе? — нежно улыбаясь, поинтересовался мой любезный спутник.

Вот! Так с нами и надо: из теплой ванны да на холодные камни. Однако Маргарита Львовна не рассердилась, столь же нежно, как и визави, улыбнулась и томно проговорила:

— А что, уже готовы результаты? Предположения, конечно, есть...

— Поделись, солнышко! Не под протокол говоришь... — усмехнулся Ильин.

— Да, пожалуйста! — почему-то разозлилась я. — По моим соображениям, на ключике либо Лариса Михайловна, либо неизвестное нам лицо.

— Знаешь, за что я тебя до сих пор терплю? — еще нежнее спросил проклятый Ильин.

— Сильно любишь, надо полагать, так что деваться некуда, только терпеть! — огрызнулась я.

— Ну, это само собой, — согласился Никита. — А вообще-то нюх у тебя феноменальный. Призовой. Только в цирке показывать. Пошли! Тебе спать пора, а то нюх пропадет.

— Так чьи пальчики-то?

— В который раз поражаюсь, — засмеялся Никита. — С такой интуицией быть настолько в себе неуверенной — невероятно! Ларисины, конечно. Пойдем-пойдем.

13

Короче, Склифосовский!

Дункан Мак-Лауд

— Так чего опасается ваша подруга? — вздохнул «специалист».

— Да если бы мы знали! Ни она, ни я в финансовой документации ни бум-бум.

Все мои знакомые бухгалтеры — люди весьма замкнутые, на специальные вопросы отвечать категорически не любят. Может, профессия отпечаток накладывает, может, корпоративная лояльность срabатывает, а может, просто мне так «везет». Но что выросло, то выросло, совершенно некого спросить, какими манипуляциями бухгалтер может заниматься за спиной несведущего хозяина? Ответ универсальный (произносится с должной долей возмущения в голосе): да вы, девушка, с ума сошли!.. А вообще вопрос беспредметный, все зависит от обстоятельств.

И все. Тупик. Попросить Ильина? Занимался же он экономическими преступлениями. Занимался-то занимался, но, во-первых, недолго, во-вторых, он же оперативник, а не финансовый спец. И вообще... Не хочу.

А раз не хочу — значит, не буду, обойдусь собственными ресурсами.

Прошлым летом жизнь свела меня с одним из известных в городе адвокатов. И не просто свела — мне удалось немного помочь ему в... м-м... личных делах. Так что он остался мне «весьма признателен». Ну вот, я набралась наглости и попросила порекомендовать меня какому-нибудь бухгалтеру, аудитору, черту с рогами — любому финансовому спецу, который непрофессионала, то есть меня, с самыми идиотскими вопросами не поднял бы на смех, а попытался понять.

Было опасение, что по прошествии года господин адвокат мог «забыть» о существовании Маргариты Львовны. Но попытка не пытка. В самом худшем случае, я рисковала оказаться на том же месте, с которого начинала. Зато узнала бы кое-что новое о человеческой природе вообще и разновидностях признательности в частности.

Звали адвоката Вячеслав Платонович, и память у него оказалась на удивление приличной.

— Рита! Да конечно, помню, о чем вы говорите! Для вас — все, что в моих силах! — радостно воскликнул он, едва я успела представиться и робко заикнуться о небольшой просьбе. Даже мембрана в трубке зазвенела, так он рад был меня слышать. Выслушав просьбу, он задумался не больше чем на минуту. — Есть такой человек. Если вы толком не знаете, о чем спрашивать, он как раз тот, кто вам нужен. Редкий специалист. Про бухгалтерию знает все и немного больше.

— Наверное, дорого берет, — робко поинтересовалась я. У редких специалистов и гонорары, как правило, редкие.

— Рита, вы меня обижаете! — возмутился таким предположением Вячеслав Платонович. — Я вам на всю жизнь должен, так что даже и не думайте.

Через час я беседовала с «редким специалистом». Звали «специалиста» Игорь Глебович, лет ему было... не то тридцать, не то шестьдесят. Да, вот именно так. Почти юношески гладкая смуглая кожа и обильная седина. Уже не перец с солью, а скорее соль с перцем. Глаза, правда, заставляли думать, что ему все-таки шестьдесят, а не тридцать. Я постаралась рассказать ему нашу историю — американский контракт и все такое, исключив всякий намек на труп.

— По-моему, вы чего-то не договариваете, — прищурился Игорь Глебович. — Впрочем, вам виднее, возможно, это и не имеет значения. Так чего ваша подруга опасается? Что ее обкрадывают?

— М-м... Скорее нет, чем да. Мне трудно объяснить, не исключено, что все это наши фантазии.

— Может быть, удобнее было бы побеседовать втроем? Вместе с вашей подругой?

— Пожалуй, пока лучше так. Надеюсь даже, этого будет достаточно. У Ланки сейчас и так дел выше головы, а дама, в чьей кристальной честности мы сомневаемся, — ее бухгалтер. Очень трудно работать рядом с человеком, о котором пытаешься выяснить какие-то гадости, правда? И вообще, она считает, что у меня лучше получится.

— Да, Вячеслав Платонович говорил, что у вас очень... как это?.. оригинальный ум, — рассмеялся Игорь Глебович.

— Вот-вот. Оригинальный. Но бухгалтерия мне не по зубам, я даже не знаю, как сформулировать вопрос. Можно, я попробую привести аналогию?

— Это часто очень хороший способ понять, в чем дело. Если не увлекаться, конечно, — кивнул он.

— Постараюсь. Мне представляется так. Вот я работаю на компьютере, к которому имеет доступ еще кто-то. Ну, то есть не совсем доступ, просто

бывает рядом. Паролями я пользуюсь крайне редко, то есть залезть в машину несложно. И вот я чувствую: что-то не так. Нет, этот «кто-то» не пользуется моими материалами, тем более не свинчивает с компьютера детали...

— После свинчивания деталей компьютер обыкновенно перестает работать, — развеселился «специалист».

— Точно. Даже в Интернет за мой счет этот сосед не лазает. Все проще. Пока меня нет, он на моей машине работает — предположим, своей у него нет, или она не такая мощная. Компьютеру, если действовать аккуратно, от этого ни холодно, ни жарко. Но... общаясь с компьютером, довольно просто определить, пользуется ли им кто-то кроме тебя.

— Понятно, — остановил меня Игорь Глебович. — Вы подозреваете, что бухгалтер вашей подруги... Лана Витальевна, правильно? Бухгалтер скрытно пользуется реквизитами и счетами ее фирмы, так? Для своих целей.

— Наверное, да. Потому что с доходами или там с налогами, или еще с чем у Ланки все в порядке. Но...

— Но вы опасаетесь, что там что-то нечисто, и при заключении контракта это может всплыть и нарушить все ваши грандиозные планы, да?

— Ну... в общем, да.

— И все-таки вы что-то не договариваете. — Игорь Глебович вздохнул, и как-то сразу стало ясно, что лет ему и впрямь достаточно много. — Ответить на ваш вопрос просто — конечно, описанная схема вполне возможна. Но, понимаете, это же совершенно ничего не значащий ответ. Вам же надо не теоретически, вам надо «прекратить и до нуля ликвидировать», так? Поэтому, как ни крути, нужны подробности. Условия контракта, насколько он затрагивает дела студии...

На первом же вопросе, уточняющем обстоятельства дела, я поплыла. Совсем. Оставалось, разве что, обворожительно хлопать глазками, пополняя ряды и так уже слишком многочисленных идиотов. Ну, что тут поделать? Я дозвонилась до Ланки, представила собеседников друг другу и тактично уткнулась в блокнот.

Могла бы, впрочем, и не утыкаться, могла бы развесить уши на спинке дивана, могла бы даже расстелить их на столе — это ничего не меняло. По-моему, собеседники разговаривали на суахили. Или на гуарани. Хотя гуарани, кажется, — какие-то деньги. В общем, содержание беседы было явно не по моим мозгам.

Через четверть часа Игорь Глебович повесил трубку и повернулся ко мне:

— Удивительно, насколько женщины склонны недооценивать себя. По моему скромному разумению, информация о том, что Лана Витальевна ничего не понимает в бухгалтерии, сильно преувеличена. — Он слегка склонил свою красивую голову набок и улыбнулся: — Говорят, скром-

ность — главное украшение женщины, но это глупо, вам не кажется? Или, по меньшей мере, несправедливо.

— Зато очень удобно для половины человечества, — высказала я свое давнее убеждение.

— Да. Возможно, вы правы, — согласился Игорь Глебович. — Но не думайте о мужчинах так уж безжалостно. Среди нас, знаете ли, иногда попадаются вполне приличные экземпляры. — Он опять улыбнулся. — Сейчас вы проводите меня до студии, я посмотрю документацию, архив, позвоню кое-куда, ну да, это моя кухня. И завтра-послезавтра смогу уже вполне аргументировано ответить на ваши подозрения.

Господи, страшно подумать, какой гонорар заплатит ему Вячеслав Платонович! Воистину, среди мужчин и вправду встречаются удивительные экземпляры.

14

***В молодости я был красивым
блондином высокого роста...***

*Не то Борис Абрамович,
не то Роман Абрамович*

Игорь Глебович просидел в студии остаток пятницы и большую часть субботы. Свой вердикт он вынес спустя примерно сутки после первой нашей встречи. Я не поняла из вердикта практически ничего, Ланка, по-моему, — половину.

— Вот три фирмы, с которыми у вашей студии, наблюдалось... м-м... активное взаимодействие, хотя вы, Лана Витальевна, об этих фирмах даже не слышали, — мрачно подытожил «редкий специалист». — С достаточно высокой долей вероятности могу предположить, что изрядная часть денег перекачивалась из бюджета — районного, городского или областного. Но все это, дорогие мои, совершенно недоказуемо. Мне очень жаль, что я не смог помочь. Единственное, что может порадовать, — лично у вас ничего не украли, и, кроме того, я готов гарантировать, что «левые» операции свернуты, так что вашему американскому контракту даже теоретически ничего не угрожает.

— Да? — хором, но, в общем, довольно уныло обрадовались «дорогие». Если бы этот бухгалтерский клубок выкатился к нашим ногам недели две назад — да, неплохо. По крайней мере, для Ланки. Но две недели назад

никакие подозрения ни Ланкину, ни, тем более, мою душеньку не тревожили. И сейчас консультация нам понадобилась отнюдь не из опасений, что контракт может сорваться. Вопрос «при чем тут Лариса Михайловна» вырос из результатов идентификации пальчиков на ключике. А ответ получился совсем не тот, что ожидался. Ну да, действительно, «при чем», и что дальше? История, выглядевшая если не ясной, то, по крайней мере, вполне простой, запутывалась прямо на глазах у изумленной публики.

— Лан, когда ты вообще его в последний раз видела? Ну, не мог он переместиться раньше?

Ланка, конечно, сразу поняла, что я про ключ, и ответный взгляд был исполнен явного неодобрения. Ужасное хамство — разговаривать в присутствии третьего лица о вещах, ему не известных. Впрочем, Игорь Глебович отреагировал, как полагается воспитанному человеку, то есть никак. Не слышал он, понимаете ли, ни моего вопроса, ни ее ответа.

— Мог, наверное. Я же не проверяю каждый день, где что лежит.

Ага!

— Игорь Глебович! А можно определить, когда всю эту «левизну» свернули?

Он ответил, не раздумывая, но каждое слово тянул вдвое дольше, чем требовалось:

— Сворачивали в несколько этапов. Поэтому только на уровне предположения, хотя и довольно весомого. Сами по себе финансовые операции прекращены неделю, две, три, максимум, месяц назад. Я сказал бы, недели две — всего вероятнее.

— А скажите, насколько сложно, ну, использовать какую-нибудь фирму для... подобных манипуляций?

— Вы знаете, Рита, — хмыкнул Игорь Глебович, — что о вашей способности трансформировать безнадежные тексты в нечто вполне приятное ходят почти легенды? Скажите, вам это легко? Здесь то же самое. Если знать — как, совершенно ничего сложного. Правда, чтобы знать, надо быть профессионалом.

— Не о том речь, Игорь Глебович, — махнула я рукой. — Что профессионалом — это понятно. Но любую ли фирму можно таким образом использовать? Грубо говоря, если одни ножницы сломались, легко ли им подобрать замену?

— Нет, — бросил «редкий специалист».

— То есть, если любимые ножницы ломаются — это ощутимая потеря?

— Конечно. Суммы проходили, по городским масштабам, весьма приличные. Правда, я не могу судить о чужих планах, но... Если бы я проводил такие манипуляции, я очень постарался бы, чтобы ножницы остались целы. — Он вдруг усмехнулся: — Кстати, а почему именно ножницы?

Я кивнула в сторону стола. Ножницы, правду сказать, просто оказались первым предметом, попавшим в поле моего зрения. Ну да, леший с ними, с ножницами. Получается, если мы искали человека, которому сильно мешала перспектива грядущего сотрудничества с американцами, — так мы его, то есть ее, считай, нашли. Лариса Михайловна, выходит, была прямо-таки кровно заинтересована в том, чтобы студийная документация оставалась в ее полном распоряжении, недоступная постороннему глазу, а значит, в том, чтобы никаких американцев тут и близко не стояло. Это вам не какая-нибудь зависть, тут деньги — стимул вечный и едва не самый сильный.

Прелестно! И пусть мне теперь скажут, каким боком сюда затесалась неудавшаяся модель, злая на весь белый свет и нацеленная на перспективное замужество. И, кстати, как бы исхитриться и выяснить у очаровательной Натали, кто же все-таки был избранником Светы? Или хотя бы о ком, «упакованном», она предпочла ничего не говорить?

И ужасно хочется, чтобы Кешка еще какой-нибудь информации в Лидусином дворе накопил. Погода хорошая, детишек гуляет много, да не может быть, чтобы никто так и не видел, как девушка Света покидала гостеприимный Лидусин дом. Не на автобусе же она до ДК добиралась, не тот персонаж. Да и не царское это дело — на автобусах ездить. И... не могла ли она в промежутке с кем-то встретиться? Или все-таки уже в студии?

— Эй, Ритуля, ты где? — Ланка щелкала пальцами перед самым моим носом.

— А... Извини, задумалась.

— Задумалась она! Игорь Глебович нас приглашает поужинать.

— В качестве компенсации за скромные результаты частного расследования, — пояснил гость. — И вы отдохнете, и мне веселее. Посидим тихонечко где-нибудь на набережной...

Та-ак. По-моему, Лана Витальевна заполучила очередного поклонника. Или я ничего не понимаю в жизни вообще, и в мужиках в частности.

15

Возвращаться — плохая примета

Терминатор-2783

На следующее утро я проснулась от громкого трезвона телефонного аппарата. С трудом поднявшись, подошла к журнальному столику и сняла трубку.

— Чего так долго не подходишь? — раздался возмущенный голос Ланки.

— А что стряслось-то?

— Не знаю. Может, и ничего. Даже наверняка ничего. Только... Слушай, ты можешь позвонить Казанцеву? Ну там, о каком-нибудь интервью договориться, а? Я тебе номер продиктую...

— В воскресенье? — изумилась я. — Об интервью договариваются по служебным телефонам. Я, конечно, могу, но это будет ненатурально, как фиолетовый апельсин. Сама не можешь позвонить?

— Не стоит, — прозвучало после паузы.

Что там у них стряслось? Ланка что-то узнала о бывшем ненаглядном? Или ненаглядный себя «не так» повел? Или что?

— Вы поссорились, что ли?

— Нет. — На этот раз пауза была длиннее. — Он просто исчез. Мобильный отключен, на домашний номер мне лучше не звонить... Рит, я боюсь...

— Понятно. Только, по-моему, напрасно. Он все-таки не я, не ты и не дядя Вася-слесарь. Если бы что случилось, уже в новостях сообщили бы. Смотрела наши новости?

Она мотнула головой:

— Нет.

Я щелкнула телевизионным пультом, пробежалась по программам... Вот. «Воскресная студия».

— Включи телевизор, и хватит психовать. Сидит твой голубчик за круглым столом и с умным видом разговаривает об умных вещах. Сама убедись.

Вообще-то «Воскресная студия» снимается где-то в четверг-пятницу. Но этого я Ланке говорить не стала — если бы с «голубчиком» что-то случилось, передачу наверняка заменили бы.

— Не понимаю, чего ты так паникуешь?

В трубке послышался вздох, хотелось думать, что облегченный. А мне вдруг пришла в голову мысль, что, раз уж Ланка на связи, неплохо бы кое-что уточнить у нее.

— Лан, ты вроде говорила, что вы с Казанцевым в тот день с трех часов были вместе. Или не с трех?

В трубке повисло плотное и глухое молчание.

— Эй, Ланочка, ау! Похоже, в непрошибаемом алиби твоего ненаглядного имеется некоторая брешь, да? Так расскажи уже, вместе подумаем...

Трубка, наконец, ожила.

— Ладно. Только этого не может быть... Понимаешь, часов в пять нам захотелось моченых арбузов...

— Нам? — уточнила я, подумав, что размер «дыры» в алиби зависит в первую очередь от того, кому именно пришла в голову эта идея. Если Большому Человеку — то это, возможно, повод отлучиться...

— Ну, вообще-то мне, — сообщила Ланка, — хотя Максим их тоже любит. В общем, захотелось. Правда, по стаканчику мы принять уже успели, но от меня до Крытого рынка можно доехать дворами, решили, что обойдется.

— Ну и?

— Ну и, — передразнила меня Ланка. — Он привез четыре арбузика, мы их с удовольствием съели. Все.

— Долго ездил?

— Минут двадцать, не больше.

— И как раз в пять часов... — печально констатировала я. — Хотя по времени только-только до Крытого рынка доехать и вернуться. Эх!.. Слушай, ему перед этим никто не звонил?

— Не знаю, Рит. Не знаю! Ты же мой дом представляешь. Я и на кухню выходила, и во двор за зеленью.

— А когда вернулся, ничего... м-м... такого, ну, необычного не заметила?

— Да то-то и оно, что нет.

— Ну и не паникуй. Похоже, это вообще ничего не означает. Время-то тик-в-тик. Не с куста же он эти арбузы сорвал, правда? И... Вот что, подруга, раз уж так пошло, скажи мне еще одну вещь, облегчи душеньку — знал он Свету?

— Знал, даже мне рассказывал, — призналась подруга с тяжким, как три слона, вздохом. — Есть, мол, кассирша в «Элеганте» — невероятный экстерьер и столь же невероятный идиотизм. Из одного совместного ужина ухитряется самые далеко идущие выводы сделать. Как видишь, не только знал, но и ужинать водил. Хотя бы однажды. Только... Ты будешь смеяться, но мне в тот момент и в голову не приходило, что дура-кассирша из «Элеганта» — это та самая идиотка, которая у меня фотографировалась и скандалы закатывала.

16

**Для симпатичного человека каждый готов
сделать что-нибудь приятное.**

Сергей Мавроди

В моих скромных апартаментах гости мужского пола случаются раз эдак в пять чаще, нежели женского, причем большинство считает своим долгом оставить в упомянутых апартаментах какой-нибудь материальный след. Я, собственно, и сама в состоянии починить проводку, передвинуть шкаф или даже прочистить канализацию — но, когда подобная операция

производится кем-то противоположного пола, это гораздо приятнее. И остается приятным еще на протяжении длительного времени — ощущаешь себя хрупкой беспомощной женщиной, о которой позаботились.

Материальные следы, оставленные гостями, не менее разнообразны, чем сами гости. Майор Ильин укрепил мне дверь и установил новые замки взамен тех, что открывались, по его словам, «любым гвоздем». Другой, не менее очаровательный персонаж подарил кактус и «хрустальный» шар — очень помогает сосредоточиться в интеллектуально сложных ситуациях. Благодаря участию еще одного гостя вся моя сантехника работает идеально. А мой любимый диван на кухне? На первый взгляд, обычный кухонный «уголок». А вот отнюдь. Во-первых, сиденья пошире — со стандартного «уголка», ежели сиделки затягиваются за полночь, гости начинают попросту соскальзывать. Во-вторых, он куда мягче типового. А, главное, — отодвигаем стол, и «легким движением руки» стандартный «уголок» превращается во вполне комфортное ложе. К тому же, когда мозги не желают додумываться до чего-то, до чего додуматься обязаны, — достаточно четверть часа посидеть в любимом «уголке» — и решение является «ниоткуда».

Иногда, впрочем, даже он не спасает. После Ланкиного звонка я просидела на нем не меньше двадцати минут, но сделала один-единственный вывод: нужен независимый эксперт. И позвонила Полю.

— Поленька, радость моя, тебе по городу больше, чем мне, ездить приходится. Скажи как репортер — где сейчас можно купить моченые арбузы?

— Сейчас? Боюсь, что нигде. Посмотри на часы — около семи, рынки уже закрываются. Разве что у бабулек каких по районам, но это вряд ли. Рядом с моим домом, например, таких нет.

— Ох, извини, я, балда, некорректно спрашиваю. Сейчас — это не сию минуту, а в текущем сезоне, ну, в смысле вчера, сегодня, завтра.

— Тогда на рынке, — моментально сообщил «независимый эксперт» и пояснил: — Только арбузов сейчас мало, не сезон, поэтому точно не скажу. Надо на всех рынках посмотреть, на тех, что покрупнее. Городской, Губернский, Крытый, да сама, наверное, знаешь.

— Угу. А больше нигде? В каком-нибудь супермаркете, а?

— Да ты что? — фыркнул он. — В супермаркете ты купишь оливки, маринованные огурчики, но и то не наши, а венгерские или болгарские, корейскую морковь и, может, что-нибудь аргентинское. А наши родные моченые арбузы... Откуда? Да у тебя же под боком один из крупнейших универсамов, зайди да проверь.

— Значит, только на рынке? — подытожила я.

— Ну... Можно еще у знакомых. Но это искать надо.

— Понятно. Еще вопрос можно?

— Да хоть десять, — радостно отозвался «добрый мальчик».

— Нет, десять пока не нужно, только один, и отстану. Представь, что ты находишься на задворках кинотеатра «Старт».

— Представил, — бодро ответил Поль.

— На машине.

— Тоже представил.

— Сколько тебе потребуется времени, чтобы добраться до Крытого рынка?

Он — знала я, кого в независимые эксперты приглашать! — не задумался ни на мгновение:

— Смотря, какое время суток. В шесть утра или ночью — минут пять. Днем, возможно, и все пятнадцать.

— Около пяти часов дня, а?

— Плохое время. Самое плохое, — повторил Поль. — Пробки. Минут десять, а то и двадцать. До Городского, Губернского или Большого Оптового — дольше, соответственно, раза в три, в пять. Это, конечно, если тебя никто не запер, ну, поперек дороги не встал.

— Класс! Спасибо, солнышко, ты мне очень помог!

— Да всегда пожалуйста! — жизнерадостно проговорил «независимый эксперт». — Может, в гости зайдешь? У нас весело.

Я поблагодарила за приглашение и отключилась.

Не меньше десяти минут в одну сторону, говорите? Значит, недолгое отсутствие Ланкиного возлюбленного к девушке Свете отношения не имеет. Времени у возлюбленного было только-только, чтобы добраться до рынка, купить арбузы и вернуться. А Ланка, небось, психует именно из-за этого «пробела в биографии» — а вдруг?.. Но какие уж тут «вдруг» с нашими дорогами. В чем, в чем, а в этом Полю можно довериться.

И все же плохо, что медики так расплывчато срок обозначают. Умерла в семь-восемь, а отраву могла выпить и в четыре, и непосредственно перед смертью.

Идеальный подозреваемый — Лидуся. Правда, непонятно, за каким дьяволом Света от нее в студию потащилась. Зато все остальное сходится: и мотив, и возможность.

Лишь одно смущает — способен ли человек на такой идиотизм? Вот так, запросто, отравить гостью за собственным столом и считать, что никто ничего не заподозрит.

Хотя... Если ты вдруг кого-то убил, надо вести себя именно так: тупо, глупо, топорно. Беспроигрышный вариант. Все, естественно, решат, что не бывает таких идиотов, и ты весь в шоколаде. А у Лидуси — инстинкт, черт бы ее подрал. По моему впечатлению, она говорила правду, только

правду, и ничего, кроме правды. Но это мое впечатление. Как ни крути, Лидуся могла Свету убить. И вопрос «зачем?» тут даже не возникает. Мотив размером со слона. И возможность такая же.

Разобравшись с Лидусей, я вцепилась в ее мужа. Мысленно, конечно. Виктор — мужик простой, как грабли. Зачем ему убивать? Ну, пусть любовница, пусть даже беременная, — и что? Он ведь не губернатор какой-нибудь, настолько дорожающий своим реноме, чтобы пойти даже на убийство. И в студию ему было не попасть.

Нет, это не аргумент. В студию Света могла отправиться по совершенно простой и естественной причине. И отравить ее мог кто угодно, лишь бы по времени получалось. Любой, кто виделся с ней с четырех до шести в ту пятницу. Например, милая подружка Натали. Помню-помню, у нее в пять курсы, но, во-первых, это Натали говорит, что в пять курсы, а, во-вторых, в какое время Света к Лидусе явилась? Ушла-то без пяти пять, а вот когда пришла?

Ланкин ненаглядный Казанцев? Был со Светой знаком, даже жаловался на липучесть. Мотив — пальчики оближешь. Семейка его жены — та еще, однако денежная и со связями. Малейшая тень подозрения на что-то неприличное — и лети, Максим Ильич, и из бизнеса, и из политики. И студию «очистить» от посторонних он мог, и ключики добыть. Вот только воспользоваться этим, если Ланка не врет, у него времени не было. За полчаса невозможно доехать от Ланкиного дома до Дома культуры и вернуться. А в промежутке еще надо успеть убить... Нет, в студию он не успевал. Правда, мог встретиться со Светой по дороге на рынок, выпить по стопочке, и — гуд бай, май лав, гуд бай. Нельзя Казанцева со счетов скидывать.

Лариса Михайловна. Ну, тут просто праздник души, именины сердца. И возможности, и мотивы — только выбирай. Даже если «жених» и не поглядывал налево, тем не менее, остается шикарный мотив — «сокрытие порочащих сведений». Что, если Лариса Михайловна сидела в студии, подчищая следы своих — не очень-то законных — манипуляций, а девушка Света явилась права качать и увидела то, чего видеть никто не должен был? Конечно, Лариса Михайловна не очень-то похожа на убийцу. Но, с другой стороны, кто бывает похож? Тут все зависит от того, что ей, как бухгалтеру, грозило в случае выведения на чистую воду. Если уголовное, ОБЭП, да «в особо крупных», — тут и убьешь, пожалуй.

Секретарша Оленька... Ну, это вообще абсолютная глупость. Но, с другой стороны, все обстоятельства — не что иное, как верх кретинизма, значит, и объяснения должны быть столь же идиотскими. Так?

Например, причина смерти Светы — убеждение Натали в том, что ей идет черное. Ведь оно ей действительно идет. А где можно наиболее эф-

фектно покрасоваться в черном, как не на похоронах ближайшей подружки? О-ля-ля!

Может, я вообще не с той стороны подхожу к этому трупу, и надо чем глупее, тем лучше? Увы, ничего более бессмысленного, чем убийство по причине пристрастия к черному цвету, я так и не придумала. Хотя могла бы.

17

***Радуйтесь чужим успехам,
старайтесь не скрипеть зубами.***
Всемирная Федерация стоматологов

Вот уже год, как мой главный редактор почему-то вбил себе в голову, что Рита Волкова — Главный Специалист по вопросам потребительского рынка, если не в масштабах всего нашего города, то, по меньшей мере, в рамках нашей, отдельно взятой «Городской газеты». Так что положение обязывает меня поддерживать хорошие отношения с некоторыми организациями — потенциальными источниками информации.

С точки зрения «любимого» рынка, таковых три — местное подразделение Госстандарта, торгинспекция и контора по защите прав потребителей. Не скажу, что акты проверок — это самое увлекательное чтение в моей жизни, однако и среди этой канцелярщины попадаются любопытные, а то и прямо полезные факты. Поэтому с «источниками» я, как могу, дружу и всячески их ублажаю, только что сказки на ночь не рассказываю.

Поскольку свой рыночный раздел я сдаю обычно по вторникам, в понедельник приходится посещать упомянутые организации — когда одну, когда две, когда и все три — на предмет «согласования» готовых текстов.

К счастью, в этот понедельник моего драгоценного присутствия требовали лишь две точки из трех.

Выйдя из подъезда торгинспекции, я остановилась у края тротуара, задумчиво обозревая улицу в поисках перехода на другую сторону. Законопослушность требовала дойти до светофора, лень, непомерно разросшаяся по причине непрекращающейся жары, спровоцировала нарушить и пойти прямо тут.

Вялую борьбу с собой прервал скрежет тормозов. Впритирку ко мне остановилась серебристая «тойота» с затемненными стеклами. Правая дверца гостеприимно распахнулась, и я, увидев за рулем Виктора, села

в машину. Он был, как всегда, несколько угрюм и крайне немногословен. Любопытно, почему Виктор вообще остановился? Знакомые мы сугубо дальние, виделись раз пять-десять в жизни. Правда, однажды, когда он явился в разгар устроенного Лидусей «девичника», я, пытаясь предотвратить домашний скандал, размяла ему плечи, и после пятнадцатиминутного сеанса разъяренный лев превратился в расслабленного и благостного котенка. Но это же не повод для близкого знакомства?

Мне как-то не пришло в голову элементарное, как гвоздь, объяснение: очень естественно для мужика за рулем, увидев знакомую, хоть и дальнюю, остановиться и предложить подвезти. Проще пареной репы. Но простые объяснения вечно молчащему Виктору идут не больше, чем балетная пачка Шварценеггеру. Хотя, очень может быть, я ничего не понимаю в мужчинах.

— Куда тебя подвезти? Если не очень далеко, поехали, — угрюмо предложил он.

— Мне в Дом колхозника. Если тебе по дороге, я с удовольствием. Жарко очень.

— Мне именно туда, Лидку надо забрать из Трудовой инспекции.

Виктор вел машину молча, не проявляя никакого желания побеседовать. А я так не могу! Человек оказал мне услугу, не могу же я сидеть и молчать, как будто за рулем робот?!

— Ты Светочку из «Элеганта» давно знаешь? — родила я самый, на мой взгляд, нейтральный вопрос.

— И тебе уже успела пожаловаться? — буркнул Виктор. — Брось, она просто дура.

Если бы я в этот момент сидела на каком-нибудь стуле — точно свалилась бы, но в автомобиле, тем более, на переднем сиденье, свалиться затруднительно, поэтому я лишь поперхнулась. Это что же получается — Виктор не знает о Светиной смерти? И мне надо бы его просветить? И понаблюдать за реакцией? Хотя какая там реакция у такой статуи... А может быть, «она» — «дура», которая «уже успела пожаловаться» — вовсе не Света, а Лидуся?

Сомнения разрешились сами собой. Мы приехали. Пришлось поблагодарить и покинуть машину. И опять же, было бы вполне естественно задержаться на пять минут ради небольшой беседы о девушке, с которой, если верить сторонним информаторам, Виктор был знаком достаточно близко. Но простые действия, поступки, слова и так далее, повторю еще раз, Виктору совершенно не идут, а сложные не шли на ум мне. Я попрощалась, и он тут же отъехал.

А я, глядя вслед тронувшейся с места «тойоте», задумалась. Ну ладно, встретить кого-то случайно — не вопрос, город у нас все же маленький, ближние и дальние знакомые попадают на встречу с утомительным по-

стоянством. Но чтобы этому знакомому еще и надо было туда же, куда и тебе, — не многовато ли?

Именно эти идиотские потуги на гениальность заставили меня двинуться вслед за «тойотой». В противном случае, я вошла бы в здание десятью минутами раньше, и все было бы куда проще. Но — увы. Нельзя придумать занятия глупее, чем пешеходу следить за автомобилем, но я попыталась проделать именно это, и, что самое удивительное, успешно.

«Тойота» не стала набирать скорость, вместо этого свернула раз, другой и оказалась во дворе. Вывесок с этой стороны было ощутимо меньше, зато подъездов — раза в три больше. Она остановилась у второго. Табличек, щитов и тому подобных информационных стендов над этим подъездом расположилось десятка полтора. В том числе, «Автозапчасти», «Ремонт сотовых телефонов», «Нотариус» и «Стоматология». Проверять, в какую из контор направился Виктор, мне показалось чрезмерным усердием — да в какую угодно. А уж предполагать, где может оказаться Лидуся, — занятие и вовсе бесперспективное.

Я вернулась к своим делам. Но едва коснулась стеклянной двери, намереваясь, наконец-то, войти внутрь, как меня остановил возглас:

— Рита!

Я обернулась и подождала, в какой уже раз удивляясь, как Ланка, при своих рубенсовских формах и габаритах, ухитряется двигаться с такой скоростью и, одновременно, настолько плавно.

— Ты чего тут делаешь?

Дурацкий вопрос заслуживает такого же дурацкого ответа.

— Никого не трогаю, починаю примус, — пожалала я плечами. — А ты?

Ланка расхохоталась и небрежно похлопала по внушительному кофру — профессиональной принадлежности фотомастера:

— Обычная халтура, зато денежная. И где же тот примус, что ты починаешь?

Я сбросила с плеча рюкзак и симметричным жестом похлопала по нему. Через три минуты мы оказались уже в некотором отдалении от входа — в самом деле, нельзя же все время общаться по телефону, тем более, когда тематика общения такая... м-м... необыкновенная.

— Как твои американцы? Три дня осталось, если я не перепутала?

— Не перепутала. Что американцы! Там уже все в одну сторону, фарш поздно назад прокручивать.

— Ну, и чего тогда? Живем спокойно, пусть Никита делает свою работу, а мы будем заниматься своими делами, так?

«Так», разумеется, не получилось. Да я, признаться, на это и не рассчитывала. Ланкино стремление «знать», конечно, уступает моему личному

любопытству, которое вообще выросло уже до размеров поистине патологических, однако не вовсе отсутствует. Тем более что у Ланы Витальевны не любопытство, а личный интерес.

— Ты что-то узнала?

— Да нет, просто какой теперь смысл дергаться, если все на мази? — Я все же попыталась Ланкину любознательность если не усыпить, то хоть слегка пригасить.

Ланка молчала минуты три, потом вздохнула, покачала головой и произнесла:

— Я всю неделю думала, как лучше. Но я хочу знать — просто знать, чтоб идиоткой себя не чувствовать. А американцы... Ну что, американцы? Даже если вдруг сорвется — и черт с ними! Жизнь продолжается. Другие явятся, или без них обойдемся. Плевать!

Вот в этом вся Ланка: ставит все деньги на одну-единственную лошадь и заявляет, что ей, в общем, все равно, пусть эта кляча хоть последней финиширует. После чего кобыла, натурально, приходит-таки первой.

— Ой, смотри!

Я посмотрела туда, куда она показывала. Может, мне голову напекло и мерещится всякое, но, честное слово, в дальний от нас подъезд входила Натали собственной персоной. Сейчас она ничем не походила на выпускницу Смольного: сумка-мешок с длиннющей бахромой, джинсики с «решеткой» по бокам — для сквозняков, по жару самое милое дело, сетчатая маечка, вместо косы — вольная грива, едва схваченная тремя-четырьмя яркими заколками. Да еще серьги цыганские, кольцами. На какое-то мгновение мне даже показалось, что я обозналась. Но в следующий момент поняла: даже если предположить, что обозналась я, у Ланки-то глаз профессиональный, а ведь именно она воскликнула «смотри!» Поэтому следует считать, что я видела именно Натали. Хотя уж ей-то в Доме колхозника делать совершенно нечего.

— Забавно. Прямо «Место встречи изменить нельзя». Для полного комплекта не хватает еще твоей Оленьки, Ларисы Михайловны, ну, и сама знаешь, кого.

— Не знаю, как насчет остальных, но Оленька должна, как пришитая, сидеть в студии. Я уже уволить ее пригрозила, если она и дальше будет такие же кульбиты выкидывать. Чувства чувствами, но работа страдает.

Ланка достала телефон, потыкала в кнопочки. Студия не отвечала. На фоне угрозы немедленно уволить Оленьку «если что», это выглядело особенно весело.

— Ладно тебе, как пришитая. В туалет-то она может выйти?

— Да, наверное, — задумчиво согласилась Лана Витальевна.

Кто ходит в гости по утрам — тот поступает мудро.

Дж. Буш-младший

В Госстандарте меня обыкновенно поят чаем или кофе и вдобавок пытаются еще чем-нибудь угостить, что затягивает визит минут на сорок, а то и на целый час. В «защите потребителей» все происходит куда официальнее, и, как правило, на визит вежливости хватает десяти-пятнадцати минут.

В этот раз, однако, кроме формальной проверки готового текста пришлось почти час обсуждать невероятного размера отчет о проделанной за истекший — не помню, какой именно — период работе: сколько обращений, сколько денег сэкономили гражданам и вообще какие они тут замечательные. Да кто бы спорил! Конечно, замечательные. И ситуации у них случаются — пальчики оближешь! Забавные, интересные, а главное — поучительные.

Выйдя в коридор, я направилась к выходу, противоположному главному, так к автобусной остановке ближе — ведь куда приятнее передвигаться по пустым прохладным коридорам, нежели по пыльной жаре. Однако возле нужной мне «шахты» красовались два угрюмых полицейских сержанта. Впрочем, сержанты — это наугад. Я со своим иерархическим крестинизмом отличаю разве что рядового от генерала, и то лишь потому, что на генеральской форме финтифлюшек больше.

— Проход закрыт, проходите на соседнюю лестницу.

Вот еще новости! Это мне через половину этажа тащиться? А потом, уже по жаре, столько же возвращаться? Бомбу, что ли, подбросили?

— А что случилось?

— Что надо, то и случилось. Проходите, проходите, не скапливайтесь.

Я отправилась восвояси, пытаюсь представить, может ли человек «скопиться», если он один как перст?

В первый момент уличный зной — по контрасту с прохладой внутри здания — показался даже приятным. Со второго момента я начала чувствовать себя курицей в гриле — каким боком ни повернись, отовсюду печет. Попробуй поразмышлять в таких условиях!

Вместо того чтобы двинуться к автобусной остановке, я пробралась поближе к правому входу. Нет, ребята, это не бомба. Из полиции — всего один автомобиль, из МЧС — ни одного. Никакого оцепления, но у самых дверей — небольшая толпа, должно быть, внутрь все-таки не пускают.

Однако если люди стоят, значит, и меня не прогонят, где двадцать человек, там и двадцать один.

На шаг в сторону от общего муравейника стояли две женщины. Одна, пухленькая не то дамочка, не то бабулечка, с нежно-розовым личиком и цикламеновым начесом на голове, нервно подергивала наброшенную на плечи вязаную кофту. В такую-то жару? Наверное, вахтерша, они вечно от сквозняков кутаются. На ее собеседнице красовался почти белый передник. Буфетчица! Отлично.

«Буфетчица» нервно курила и всем своим видом выражала недовольство:

— Сами не знают, чего им надо! Ну, зачем буфет-то закрыли?! Середина дня, самая торговля, тьфу!

Я подошла поближе к «сладкой парочке» и с самым безразличным видом поинтересовалась:

— Что-то случилось?

— Дура какая-то с лестницы сиганула! А мы теперь стой, дожидайся, пока они все там обнюхают! Где я теперь план возьму? Они за меня сделают?

— Окстись, Лилька! Как у тебя язык поворачивается такое говорить? — одернула ее «вахтерша». — Тут беда такая, а ты... — Она сердито махнула на собеседницу маленькой ручкой и повернулась ко мне: — Девушка с лестницы упала, с верхней площадки.

— Насмерть? — довольно глупо спросила я.

— Этажи-то шестиметровые, пол бетонный, где уж тут... Молоденькая совсем, ох, беда!

— И что, действительно сама? — не удержалась я от вопроса.

— Типун тебе на язык! Кто ж по доброй воле вниз-то прыгнет? Небось на перилах посидеть хотела, а они возьми и обломись. Ждала кого, ноги-то не казенные, а у нас ни стульчика в коридоре, ни скамеечки никакой, замаешься стоямши. А может, внизу кого увидала, нагнулась поглядеть, да вместе с перилами и рухнула.

Было очень сомнительно, чтобы кто-то из «местных» догадался опираться на перила, готовые вылететь из креплений от одного взгляда. Но я все же спросила:

— Тут работала, да?

— Да кто ж ее знает, у нас народу тыща! Приходят, уходят, все бегом, ладно, один поздоровается. Час назад мимо меня прошла, я еще подумала — экие они нынче бесстыжие, скоро вовсе без штанов пойдут. И вот надо же...

— Почему «без штанов»? — удивленно переспросила я.

— Дак дырки прям до самого пояса, что ж это, штаны, что ли? Половину попы видать!

И тут через плечо словоохотливой бабулечки я увидела знакомую фигуру. Первая мысль была — быстренько слинять куда-нибудь в сторону. Как же! Если уж я его заметила, так он меня точно разглядел. Только два шага сделать и успела.

— А ты что тут делаешь? — совсем не грозно, а скорее устало спросил Ильин.

— Работаю, — несколько погрешила я против истины, поскольку «работа» моя завершилась минут десять назад, и, по всему, я должна была сейчас уже париться в автобусе. Любопытство сгубило кошку!

— Что-то я не слышал, чтобы редакция «Городской газеты» куда-то переезжала, — довольно ехидно заметил он.

Я почему-то разозлилась и огрызнулась:

— Меня в помещении редакции на цепи не держат. Мне там вообще особо делать нечего, основная часть работы...

— Да? — перебил меня Никита. — И какая же часть работы у тебя конкретно тут? — кивнул он в сторону толпы на крыльце.

— Отдел защиты прав потребителей, хотя это не твое дело!

— А-а... — протянул Ильин, как-то сразу потеряв интерес к моей персоне.

— Ник... А... кто там? — робко спросила я, хотя была уверена в ответе. Оставалась одна маленькая крошечка вероятности, что я ошибаюсь. А вдруг?

— Натали! — зло бросил всегда вежливый майор. — Только я хотел ее потряхнуть посильнее... — Очевидно, разлетевшееся вдребезги «а вдруг» сияло на моем лбу ярким светом, потому что он спросил: — Ты ее видела, что ли? Когда?

— С час назад, она в подъезд входила. Еще подумала, куда это ей здесь понадобилось?

— А никуда! Верхний этаж, правое крыло, две с половиной конторы в том углу размещается. Ни в одну она не заходила.

— Когда ж вы все успели? И ты тоже, как чертик из табакерки...

— А... — отмахнулся явно сердитый Никита. — Я тут неподалеку был. А это, — показал он на полицейскую машину, — местные, из райотдела.

— Ты чего такой сердитый?

— Да ну, черт бы их всех тут подрал! Никто ничего не видел, никуда девушка не заходила. И ведь не обманывают: в офисах не по одному человеку сидит, если бы кто соврал, желающие поправить уж нашлись бы.

— А может, она и вправду ни в одну из контор не заходила? — предположила я.

— Скорее всего, так и было. Только теперь, даже если кто-то что-то и заметил, безнадежно. Одна стояла, не одна, видели ее или еще кого

лишнего на этаже... Клещами не вытащишь, упрутся рогом — нас уже спрашивали, никто ничего не знает, — и все тут.

— А вахтерша?

— А что вахтерша? — безнадежно отмахнулся майор. — Если кто-то тут встречу назначил, так не надо большого ума, чтоб через главный вход войти. Там такая толпа, что вахтер вообще никого не видит. Зачем сидит — непонятно.

— Сама она не могла свалиться?

— То-то и оно, что могла, знаешь ведь, какие здесь перила, чуть тронь, и айда. Эксперты работают, посмотрим. Но явных следов нет, наверняка на несчастный случай спишут, владельцам здания особое определение вынесут на предмет необходимости ремонта.

— Что значит, явных следов нет?

— Слушай, Риточка, уймись, а? То и значит, что за руки ее не хватили, сама она вроде бы тоже ни за что уцепиться не успела, под ногтями чисто. Но это потом еще посмотрят, только я особо не рассчитываю. Там одна секция вообще на честном слове держалась, так куском и вылетела. Если девушка стояла вплотную к перилам, достаточно небольшого толчка, и все.

— Но ведь... — начала, было, я, но Никита что-то записывал и меня, кажется, не слышал.

Я вежливо замолчала и собралась уходить, но он меня вдруг остановил:

— Ритуль, ты уж извини, что нарычал. Видишь, как все складывается. Не обижайся, ладно?

Асфальт под моими ногами заходил ходуном. Ничего себе!

— Ты чего это? Меня обидеть сложно.

— Да знаю, знаю, а у кого получится, тот полчаса не проживет. Только ты все равно не обижайся! — Ильин улыбнулся. Ох, негодяй, ох, смерть моя, мало того, что глаза омутами, так еще и улыбается так, что все отдай, и то мало будет. Однако черта с два я ему об этом скажу!

— И знаешь что? — как-то неуверенно проговорила «моя смерть».

— Батюшки! Ты никак снова хочешь меня на ужин пригласить?

— Да нет... — Никита покачал головой, явно думая о чем-то, сильно далеко от романтического ужина. — Ой, извини. То есть, конечно, хочу... только не сегодня, видишь? — Вот и разговаривай с ним после этого! — Я про другое сказать хотел. Глебов машину нашел.

— Какую машину? — рухнула я с романтических высот.

— На которой Света от Лидусино дома уехала.

— Да ты что!

— Я-то как раз ничего. Это твой Иннокентий. Спроси, он тебе сам про свои подвиги поведает. Света из дома вышла, по телефону поговорила и, вся такая независимая, у фонтанчика на лавочке уселась. А некий вьюнош, потрясенный ее неземной красотой, решил с ней познакомиться. Однако пока с духом собирался, у нее телефон в сумочке зазвонил. Она минуту поговорила и пошла к дороге. Остановилась машина, Света села и уехала.

— Ну...

— Баранки гну! Обычный «левак», девушка проголосовала, он остановился. Повезло, свидетель номер почти целиком запомнил, так что нашли мы эту машину без проблем. К нашему делу ни сном ни духом, можешь мне поверить.

— Хоть куда отвез-то? — поллюбопытствовала я, хотя подозрения уже ворочались в душе — прямо как стадо бронтозавров.

— А догадайся! — усмехнулся вредный майор.

— К Крытому рынку! — выпалила я.

— Ну-у... с тобой прямо неинтересно, — обиженно заявил Ильин, однако бездонные его глаза уставились на меня с откровенным любопытством. Видимо, догадавшись, что сейчас не время и не место вникать в логику озарений непредсказуемой Маргариты Львовны, он лишь подтвердил мое предположение: — Именно к Крытому рынку.

— Постой... Если она звонила со своего телефона...

— Со своего, со своего.

— Входящие, исходящие, а? Можно ведь посмотреть, кому она звонила, кто ей. Ты уже посмотрел, да? Ну?

— Опять «ну», — укоризненно вздохнул он. — Журналистка, стиль твой хвалят, а разговариваешь, как... Ну! Сама все знаешь, а спрашиваешь. Почти ровно в пять она звонила Натали...

— Знаю, та на курсах была, и разговаривать не стала. А следующий звонок, входящий?

— Это тебе с твоей Ланой Витальевной лучше знать. По крайней мере, я так думаю. Видишь ли, номер — один из тысячи номеров, подключенных скопом, оптом, как хочешь, называй.

— Служебные?

— Точно! И проверять, кто там есть кто, нам ни в жизнь не позволят. Разве что у тебя или у Ланы спросить... — Он довольно долго смотрел на меня, точно ожидал какого-то ответа. — Ладно, работать пора. И тебе, наверное, тоже, ты ведь по вторникам сдаешься?

В другой момент я не преминула бы на этот счет съязвить, но Ильин выглядел таким замученным, да и вел себя более чем непривычно, поэтому я его пожалела.

Собака бывает кусачей только от жизни собачьей.

Полиграф Полиграфыч

Довольно странно для журналиста, ведущего «рыночную» рубрику, но я не выношу продуктовые рынки, точнее, крупные продуктовые рынки с километровыми рядами открытых прилавков. Крошечный пятачок возле дома, уставленный лотками и киосками, вызывает во мне самые, что ни на есть, теплые чувства. Я всегда беру картошку, или рыбу, или молоко у одних и тех же продавцов, испытывая при этом легкое неудобство перед их коллегами. Покупатель я не слишком крупный — что по объемам покупок, что по собственным габаритам, — но «мои» продавцы меня почему-то любят. Улыбаются, здороваются и даже беседуют со мной — кто о сквозняках и радикулите, кто о детях в школе, а кто и просто о погоде. Если человек желает переброситься парой слов — почему нет? И человеку приятно, и я, глядишь, что-то новое узнаю.

А вот большие рынки — это беда. В ушах звенит, голова кружится, да и подташнивает тоже. Традиционная осенняя ярмарка на центральной площади нашего города способна довести меня до обморока. Мне все время кажется, что в этих рядах, заваленных продуктами «от сохи» — мясом, рыбой, фруктами-овощами, как-то особенно гадко пахнет. Именно кажется, потому что, когда по телевизору или в кино случается видеть панораму очередного «вкусного» рынка, эффект тот же. Хотя видеозапись запахов, конечно, не передает. Наверное, дело в масштабах.

Наш Крытый рынок (равно как Городской, Губернский и несколько других, безымянных) — из того же ряда.

Ясно, почему на поиски бабуси с мочеными арбузами я отправила Глебова. Во-первых, из эмоциональных соображений. Во-вторых, для скорости. Понедельник — это не тот день, когда я готова заниматься сторонними делами. Если во вторник сдаваться — значит, днем раньше сиди и дописывай все, чего не хватает.

В общем, на Крытый рынок отправился Кешка.

Когда я попыталась обеспечить малолетнего сыщика фотографиями, в основном, из редакционного архива, он страшно обиделся и заявил, что вполне в состоянии надергать нужных снимков с сайтов городской и областной администраций. К тому же распечатает их в одном формате, да еще и в цвете.

Результаты Кеша приволок уже к вечеру, когда я как раз уговаривала себя приняться за очередной этап работы. Результаты впечатляли. Мочеными арбузами торговала и впрямь бабуля — одна на весь Крытый рынок. Она выбрала Максима Ильича как покупателя «четырех арбузиков» из полудюжины однотипных снимков. С некоторым сомнением, правда, но на этих официальных портретах господ чиновников я и сама готова перепутать.

Арбузная бабуля, на наше счастье, сидела не внутри рыночного здания — чтобы не отстегивать «бешеных денег» за место, а снаружи, вплотную к одной из огибающих рынок улиц. Это, безусловно, радовало. Я была на двести процентов уверена, что на рынок Света поехала именно ради встречи с господином Казанцевым — иначе, зачем бы? — и шансы найти свидетелей теперь выглядели более чем многообещающими.

Устыдившись Кешкиными успехами, я устроила аврал, просидев за компьютером до четырех утра. Зато во вторник, вместо привычного «после обеда», сдалась уже с утра и к полудню была готова отправиться в любую из четырех сторон света. Рынок от моей редакции — почти точно на северо-восток.

Для компании мы захватили с собой еще и Ильина, раз уж он все равно знает про Казанцева.

Откуда знает? Элементарно, Ватсон! Лично я ничего никому, тем более Никите, не говорила — «крыша» у меня, конечно, едет непрерывно, но не до такой же степени! Столь же глупо думать, что проболталась Ланка — вон сколько усилий мне пришлось затратить, чтобы заставить ее выдать нужную информацию. Еще смешнее предполагать, что каким-то образом «опубликовался» сам Максим Ильич. Кто-то из его команды? Возможно, но, простите, с какой стати майор начал выходить на эту самую команду? Невероятно.

Значит — что? Значит, все же мы с Ланкой были... м-м... неаккуратны. Нечего секретные вопросы обсуждать по телефону!

Домыслы? В общем, да. Паранойя? Возможно. Но ведь как-то Ильин узнал про Ланкиного аманта. «Жучок» в телефоне — единственный вариант. Я и вопросов задавать не стала, просто приняла к сведению и Ланку предупредила. Хотя ей к этому моменту вся секретность и лояльность была уже до тумбочки, она, Ланка, а не секретность, «хотела знать». Тем лучше.

И раз уж, повторяю, майор все равно в курсе некоторых событий, почему бы и не взять его с собой на обследование рынка. Профессионал все-таки, не помешает.

Он-то и поймал первую «рыбку» — дамочку, через два прилавка от «арбузной» бабули торговавшую укропом, солеными огурцами и маринованным чесноком.

**Ты стой, стой,
красавица моя!**

Лот

— Да, видела, вот эту, да, десять дней назад, в пятницу, точно в пятницу, Милка свой день рождения отмечала, поэтому запомнила...

«Рыбку» украшали рыженькие кудряшки, разумное количество косметики и белые зубки, мелковатые, но идеально ровненькие. Мы с Иннокентием прислушивались к беседе из соседнего ряда — «рыбка» изо всех сил старалась произвести хорошее впечатление на Никиту Игоревича. Если бы она сменила цвет помады (ярко-вишневый при рыжих-то волосах — чересчур экстравагантно) и перестала коверкать падежи, у нее, пожалуй, были бы шансы.

Свету «рыбка» запомнила, а вот Казанцева, увы, нет. То есть, не то чтобы совсем нет. По ее воспоминаниям, длинноногая яркая девица беседовала несколько минут с элегантною мужчиной. Я, как на грех, не удосужилась поинтересоваться у Ланки костюмом аманта, пришлось уповать лишь на фотографии. Ильин после безуспешных попыток заставить девушку внимательнее рассмотреть фотографии спросил, наконец, о «прочих приметах»:

— Какая-то характерная деталь? Или покупки? У этого мужчины вообще в руках что-нибудь было?

После секундного размышления она вспомнила:

— Точно! Я еще подумала, как одно с другим не вяжется. Ему бы осетрину покупать, виноград, ну, корейские салатки, в крайнем случае. А у него были моченые арбузы, представляете? Четыре штуки, в пакете, он еще пакет так в сторону держал, чтобы на себя не капать.

Необычная для такого рынка пара — элегантною мужик и «рекламная» девица — беседовала на повышенных тонах. О чем они говорили, продавщица, в общем, не слышала, точнее, внимания не обратила, у нее свои покупатели, тут не до чужих сцен. Девица, кажется, качала права и делала это столь высокомерно, что наша «рыбка» даже зачислила ее в супруги.

Глебов тем временем сбегал к знакомой бабуле и уточнил: четырех арбузов в этот вечер не покупал больше никто. Но это, знаете ли, не опознание, приличный адвокат в пять минут камня на камне от такого не оставит. Кроме того, в самом факте их встречи мы были уже практически убеждены — после показаний того «левака».

Напротив «рыбкиного» прилавка торчало мини-кафе с многозначительным названием «Мираж». Света скандалила с Казанцевым почти у его порога. Но зашли они внутрь, то есть под «зонтики», или так разбежались — продавщица не заметила. А в самом кафе ни мужика с арбузами, ни длинноногую девицу никто не видел. Зато стоявший за одним из прилавков продавец Гиви запомнил Свету очень хорошо, поскольку тщательно за ней наблюдал — ждал, пока она со «своим» разберется, чтобы уж сразу познакомиться, раз «ее» мужик такой идиот. Из пяти фотографий выбрал ее мгновенно, и Казанцева из шести — тоже. И арбузы запомнил, четыре штуки.

Основания для надежд у Гиви были более чем изрядные — девушка явно давала кавалеру полную отставку, сообщая, что замуж выходит, «за чистого и благородного человека, не то, что ты, и не смей больше ко мне подходить, и не звони». Заявление про «замуж» Гиви воспринял сугубо философски, справедливо полагая, что, если жених отпускает свою невесту гулять без сопровождения, значит, сам дурак. Но, увы! «Невеста», выговорив все, что хотела, развернулась и быстро пошла в сторону проспекта. Мужик с арбузами пожал плечами, сел в серебристую «тойоту» и уехал в противоположную сторону. Гиви попытался назначить свидание и мне, но я сумела отвертеться от него, купив несколько пакетиков с приправами и обещав еще «заглянуть».

В общем, круг замкнулся. У Максима Ильича не было, судя по событиям, ни причины, ни возможности отравить назойливую любовницу. Замуж Света собиралась не за него. Судя по Лидусиному рассказу, и не за Виктора. Вообще, весь «тот» вечер она, похоже, занималась тем, что всем докладывала о своем грядущем счастливом и успешном замужестве. Хотя на свадьбу не приглашала. Даже Натали.

Мы уселись в торчащем прямо на дороге «Мираже». Хотя «уселись» — это что-то такое основательное, солидное, на самом деле, мы приткнулись за угловым столиком, причем единственный стул занял Никита, мы же с Кешкой, как люди менее притязательные, устроились на каменном парапете, что очерчивал границы «Миража». В гробовом молчании употребили по стакану сока и по стакану минералки — Ильин заявил, что он за рулем, а Глебов не признает алкоголь в принципе, в любых напитках и концентрациях.

Через десять минут Никита отодвинул стакан, установил на столе локти и строго оглядел меня с Иннокентием.

— Глупо с моей стороны рассчитывать на ваше послушание, но, надеюсь, хоть какой-то разум у вас есть? Ребятишки, сделайте одолжение, не лезьте больше ни во что, оставьте это профессионалам. Достаточно Натали.

— А что Натали? — возмутилась я.

— Риточка, осторожная ты моя, ты что, всерьез полагаешь, что девушка погибла случайно? Готов держать пари на полугодовую зарплату, она попыталась кого-то шантажировать, и вот результат.

— Господин майор, мы разве похожи на шантажистов? — с самым невинным видом спросил Иннокентий.

— Вы оба, радости мои, очень похожи на людей, которые тыкают палкой в муравейник, чтобы поглядеть, что из этого выйдет, — устало вздохнул господин майор. — Не хочу никого обидеть, настоящий муравейник вы, конечно, не тронете, любители природы, а вот мимо человеческого пройти не в состоянии. Так я вас очень прошу — остановитесь или, по крайней мере, без меня ничего не предпринимайте, а? Мне что, взять отпуск и начать вас пасти?

Мы с Глебовым одновременно фыркнули. Интересно, как Ильин это себе представляет? Он один, нас двое, и оба хитрые и шустрые... Хотя, вообще-то, Ильин прав. Может, Кешка по малолетству размеров опасности не чувствует — и то вряд ли, он осторожнее меня раз в двадцать, — а у меня так уже мороз по позвоночнику. Ясно, что Натали кому-то чем-то пригрозила — хотя кому и чем, трудно представить, не так уж много она знала, видимо, хотела за молчание денежек кусочек получить, квартиру поменять...

— Ну, так что?

Мы с Глебовым пожали плечами — опять синхронно.

— Никитушка, ты преувеличиваешь нашу с этим оглоедом любознательность, ей-богу.

— Да? — с явным сомнением спросил Никита и недоверчиво хмыкнул. — Ладно, я поехал, мне работать пора.

Когда его «тойота» исчезла за поворотом, мы с Кешей вдруг увидели автобус, маршрут которого пролегает мимо Дома колхозника, причем автобус почти пустой. Знак судьбы, не иначе. Мы сразу решили вернуться на нем к месту происшествия, потому что не все, что выглядит, как несчастный случай, таковым является.

На правом входе можно было попасться на глаза «знакомой» вахтерше, мне не хотелось рисковать. Пробившись сквозь толпу у журнальных лотков главного подъезда, мы прошли вторым этажом до правой лестницы и поднялись на самый верх. Вынесенную часть перил уже заварили тремя громадными железными трубами. Меловой контур и кровавое пятно внизу тоже отмыли, но, когда Иннокентий спустился вниз, то махнул мне рукой — мол, кое-что осталось, давай. Я с удовольствием выплюнула жвачку, которую жевала последние пять минут, и уронила ее вниз. Терпеть не могу жвачку! Но, скажите, что еще, брошенное с такой высоты, не отскочит в сторону, не откатится, а останется на месте?

Глебов присел, достал из кармана маленькую пружинную рулетку и стал мерить.

— Это что ты тут делаешь?!

Хорошо, что вниз пошел Кешка, вахтерша-таки, как я и опасалась, бдила. Я стала потихоньку спускаться вниз, на случай, если понадобится вызвать ребенка из лап суровой сторожихи.

Но моя помощь не понадобилась. Шустрый Иннокентий в ту же секунду, как раздался гневный вопль, нажал кнопку, рулетка мгновенно смоталась — не зря он предпочитает пружинные, — и коробочка исчезла в кармане. Сам Кешка даже не сделал попытки встать, только голову чуть повернул:

— Здравствуйте! Шнурок развязался. — Мне показалось, что он даже улыбнулся. Этот бандит, когда надо, умеет выглядеть сущим ангелочком — воспитанник пажеского корпуса, да и только.

— А здесь ты как оказался?

— К сестре заходил. — Глебов закончил демонстративную возню со шнурками, выпрямился и даже подпрыгнул, «проверяя» кроссовки. — Она тут работает.

— Где это — тут? — продолжала допытываться вахтерша.

— Фирма «Интеграл ПЛЮС», знаете? — не задумавшись ни на мгновение, с той же готовностью ответил Кешка и опять улыбнулся.

— Как зовут? — не унималась вахтерша.

— Игорь, а сестру Марина, — послушно сообщил он, невинно улыбаясь и хлопая своими невероятными ресницами.

— А чего это ты на этой лестнице? — нахмурилась бабуля.

— Тут к автобусу ближе, — сказал Кешка, совершенно не проявляя стремления сбегать или хотя бы нагрубить. Просто стоял и отвечал на вопросы — такой весь воспитанный мальчик из хорошей семьи.

— А почему я не видела, как ты заходил?

— Я с главного входа шел. Хотел книжки на лотках посмотреть, но там такое барахло, ужас! Я пойду, ладно? Мне пора.

— Иди, сынок, иди, смотри только, на дороге осторожнее, — растаяла бабуля.

Ну, ясно, мне тут лучше не ходить. Я прогулялась по второму этажу, спустилась к другому входу и, остановившись под козырьком, стала медленно обзирать окрестности в поисках своего гениального «напарника».

«Напарник» сидел на парапете примыкающего к Дому колхозника скверика, рядом стояли два стаканчика — надо же, опередил меня всего на пять минут, а уже напитки раздобыл! Впрочем, в пяти метрах дальше виднелась спина красного «водолаза». Ходят у нас по городу такие реклам-

ные мальчишки и девочки от «Нескафе»: на боку обойма стаканов, за спиной — «акваланг», то бишь, термосы. Налетай, народ честной, халява!

— Наш пострел везде поспел! — восхитилась я. — Я уж думала, тебя спасать придется.

— Вот еще! — фыркнул «пострел».

— Ага, вот еще! А если бы она завопила, «что за «интеграл плюс-минус»?»

— Обижаешь, Маргарита Львовна! Уж компьютерные-то фирмы городские я как-никак знаю.

— Что, вплоть до персонала? Может, нет там никакой Марины?

— Ну, какая-нибудь девица там наверняка есть, почему бы не Марина, не всех же вахтерша знает.

— А если в этой фирме ее племянница работает?

— А если бы у меня выросли рога, я стал бы троллейбусом, — невозмутимо буркнул Кешка. — Не мешай! — Длинным прутиком он рисовал под ногами картинку, прямо из учебника физики для восьмого класса, раздел «Механика». — Сто восемьдесят семь сантиметров от жвачки до пятна, даже если кровь из-под головы текла в сторону входа, что-то далеко. От мела там почти ничего не осталось, но тоже примерно так получается: центр тяжести сдвинулся от вертикали где-то на метр тридцать, метр сорок. Многовато... Хотя черт его знает! Ну-ка, встань.

Я поднялась с парапета и шагнула назад. Кешка склонил голову набок и смерил меня взглядом:

— Так, ну, центр тяжести понятно, где...

— Но-но, попрошу без хамства! — возмутилась я, пытаюсь усесться так, чтобы юбка оставалась юбкой, а не превращалась в набедренную повязку.

— Какое хамство, леди? — Кешка изобразил самый невинный из всех своих взглядов. — Уж у тебя-то с фигурой все в порядке... но это же не значит, что центр тяжести отсутствует или сдвинут куда-то в другое место. В голову, например? Мозги, они да, тяжелые... — Глебов гнусно хихикнул: — У голого скелета центр тяжести будет малость повыше, у живого человека, ну, сама понимаешь, на каком уровне. В твоём случае — это где-то метр пятнадцать от пола, так? Она выше тебя была?

— Повыше, да. Сантиметров на десять.

— Вот я и говорю, что далековато она упала. Даже если я не совсем точно померил, сантиметров десять, как минимум, лишних выходит.

— Глебов, может, домой все-таки поедем? — взмолилась я. — Дома душ, вентилятор и чай из холодильника. Со льдом! А тут жарко, мозги плавятся и ни фига не соображают.

— Это у тебя-то они не соображают? Ну-ну. Кому другому лапшу вешай, мне не надо. А насчет поехать домой, в этом есть резон, действительно, жарко.

Подарки вроде давешнего автобуса судьба преподносит не часто. Так что я уже приготовилась к тому, чтобы час трястись в душном автобусе или, на крайний случай, в маршрутке, если повезет, но Иннокентий, выразительно фыркнув и красноречиво дернув тощим плечом, велел приступать к ловле такси. Или «левака». А когда я попыталась намекнуть, что у меня не очень густо с наличными, изобразил взрыв возмущения:

— Маргарита Львовна! Я же тебе чуть не полгода назад уже объяснял. Я у себя в доме мужик один, так?

Что верно, то верно. Кешкины родители вот уже какой год заколачивают длинный доллар не то в Египте, не то в Бразилии, не то в Канаде. В общем, где-то далеко. И связь с любимым отпрыском и тетушкой Амалией Карловной поддерживают исключительно почтой или, в крайнем случае, по телефону. Так что, мужик Иннокентий в собственном доме и впрямь единственный.

21

***Если весь мир против тебя,
значит, у него мания величия.***

Геннадий Андреевич

Дома я сразу вспомнила о своих подозрениях. Ткнула пальцем в сторону телефона и утащила Кешку на балкон. Не сказать, чтобы это было слишком умно. Если я предполагала, что душка Ильин меня «слушает», так на балконе это сделать ничуть не сложнее, чем в любом другом месте.

— Кешенька, ты у нас маг и волшебник, можешь проверить мой телефон — или даже не только телефон, не знаю — на предмет посторонних деталей, а?

Глебов понял меня мгновенно, однако крайне изумился:

— Ты чего, Маргарита Львовна? Откуда вдруг такая шпиономания?

Я доложила ему свои резоны: мол, откуда-то Ильин узнал ведь про Казанцева, иначе, что за намеки? Вполне мог «жучка» поставить. Иннокентий тяжело вздохнул и постучал себя по лбу:

— Ну, ты даешь! Никогда бы не подумал! Тебя же развели, как последнего лоха, поймали на пустой крючок. Ну, почти пустой...

— То есть как это?

— Маргарита Львовна! — простонал Кешка. — Все, что у Ильина было, это номер телефона, по которому Света звонила, остальное ты сама ему сообщила. Пусть даже не нарочно. И не делай большие глаза, неужели ты думаешь, что он и в самом деле не знал, чей это номер? С официальным подтверждением, конечно, были бы проблемы, а сама по себе информация не бог весть какая недоступная. Дальше он сложил два и два: ясно, что ты покрываешь Лану Витальевну, а она еще кого-то. И кто же этот «кто-то»? Наверняка какие-то слухи в фотографических кругах ходят. Вывод очевидный, хотя и бездоказательный. Чистые предположения! Вот Никита Игоревич о своих предположениях тебе и намекнул.

— И что?

— И все. Дальше ему достаточно было посмотреть на твою физиономию, чтобы убедиться в собственной правоте. Ты же врать не умеешь совершенно. То есть, извини, умеешь, когда у тебя есть время подготовиться. А если неожиданно, то у тебя все мысли и соображения на лице нарисованы. Да ладно, не переживай, ничего нового ты ему не сообщила.

— Ты думаешь, наши телефоны чистые?

— Плохо же ты майора знаешь! Не станет он тебя подслушивать. Но если хочешь, я проверю, конечно. Исключительно для твоего душевного спокойствия. Подожди немного, технику кое-какую притащу.

И усвистал. Благо, живем мы рядом, наши дома стоят вплотную. Однако, не зря говорят, что хуже нет — ждать и догонять. И «немного» — понятие сугубо субъективное. Я попыталась потратить время ожидания на какую-нибудь полезную деятельность, при этом уронила две табуретки, основательно приложилась лбом о дверцу навесного кухонного шкафчика и, наконец, попытавшись сварить кофе, опрокинула сахарницу. Ну и ладно! Через пять минут мне уже стало казаться, что труп в студии мне попросту приснился, что же до Натали, то она вообще не имеет ко мне отношения, мало ли в городе происходит несчастных случаев, что ж теперь, над каждым голову ломать? И тут зазвонил телефон.

В трубке я с удивлением услышала голос Игоря Глебовича. «Крупный специалист», по его словам, полчаса назад вспомнил некий «пустяк», решил Лане Витальевне о нем сообщить, позвонил в студию, но Лана Витальевна пробормотала что-то вроде «это ужасно неудобно» и велела рассказать все мне. Видимо, своими «жучковыми» подозрениями я основательно ее напугала. Меня-то саму Кешины рассуждения почти успокоили, но именно, что «почти». Паранойя — штука упрямая. Нет уж, лучше подождать, пока Иннокентий даст полную гарантию.

Чувствуя себя полной идиоткой, я с преувеличенным почтением извинилась и крайне настоятельно попросила перезвонить через полчаса. Что

там себе подумал про двух ненормальных теток Игорь Глебович, боюсь даже предполагать. К моменту его следующего звонка Кешка успел вернуться, заглянуть в телефон, потыкать какими-то штуками по разным другим углам, фыркнуть «я же говорил, что у тебя мания» и снова исчезнуть — поскольку Амалии Карловне от него потребовалась какая-то помощь. Я же начала потихоньку закипать от нетерпения.

Пустяк, забытый Игорем Глебовичем, заключался в следующем. Докладывая нам с Ланкой об использовании в посторонних целях студийных реквизитов, он почти ничего не сказал о сроках «сворачивания» левой деятельности. Совсем недавно — и все. Попросту счел это неважным. Он и позвонил-то лишь потому, что подумал: вдруг Лана Витальевна решит надавить на своего бухгалтера — тогда знание хотя бы некоторых точных деталей может оказаться весьма полезным в смысле психологического воздействия. В нашем случае конкретная деталь была, к сожалению, всего одна: последние подчистки бухгалтерских файлов производились около шести вечера в ту самую пятницу. Для Игоря Глебовича «та самая» пятница была самой обычной, он просто назвал день и время.

В свете сложившихся обстоятельств забытый пустяк вырос до размеров, как минимум, пирамиды Хеопса, а то и целого Эвереста, ибо железно доказывал, что около шести часов вечера в пятницу Лариса Михайловна была в студии. При этом на ключе от черного хода ее пальчики, а вахтерша ее не видела — то есть, человек прокрался на рабочее место потихоньку.

Примерно в то же время или немногим позже, если вахтерша не врет, в студию явилась девушка Света. А вскоре, во всяком случае, не позднее девяти, Света уже не подавала признаков жизни.

Так почему? И по какой причине? И какой из этого следует вывод?

22

***Yesterday love was such an easy game to play,
now I need a place to hide away.***

Саддам Хусейн

За полчаса до полуночи мы с Ланкой все еще сидели в студии и в который уже раз слушали одну и ту же диктофонную запись. Качество, правда, оставляло желать лучшего, зато количество — то есть, насыщенность содержания информации — с избытком компенсировало все хрипы, свисты

и шорохи. Правда, что с этим самым содержанием делать, было совершенно непонятно.

Позвонила я Ланке сразу после беседы с Игорем Глебовичем. Она была в студии, Лариса Михайловна — тоже.

— Не выпускай ее! — потребовала я.

— Как это? — не поняла Лана Витальевна. — Связать, что ли? Или запереть в туалете?

— Если понадобится, и то, и другое. Надо, чтобы она оставалась на месте до моего приезда, хочу ей несколько вопросов задать. Для собственного удовлетворения. До того, как в нее Ильин вцепится.

И я отправилась в студию.

Обстановка там выглядела полной идиллией: Лана Витальевна копалась в куче каких-то снимков, Лариса Михайловна раскладывала на четыре или пять стопок официального вида бумажки, хотя мне показалось, что этот процесс ее не слишком увлекает.

— Быстро ты добралась... — Ланкино приветствие звучало абсолютно естественно, хотя бурной радости по поводу моего визита она и не продемонстрировала.

Да какая уж тут радость при таких обстоятельствах. Но ведь даже не спросила, что, собственно, стряслось, чего я панику устраиваю.

Лариса Михайловна отреагировала еще безразличнее: немного повернула голову и равнодушно кивнула: дескать, я вас заметила и, как воспитанный человек, не могу не поздороваться, но вообще-то... ходят тут всякие.

Я шепотом спросила у Ланки, много ли им еще осталось работы. Не хотелось, чтобы долгожданный американский контракт сорвался из-за каких-нибудь бухгалтерских недоделок.

— Да практически все закончили, — ответила она.

Чувствуя себя последней идиоткой, я набрала побольше воздуха и «нырнула»:

— Лариса Михайловна!

— В чем дело? — с истинно королевской надменностью поинтересовалась бухгалтерша.

Ну уж, дудки! Королевской надменностью нас не проймешь! Я улыбнулась самой милой из всех своих улыбок и очень вежливо спросила:

— Вы стакан зачем разбили? Или он сам?

— Стакан?! — с брезгливым недоумением спросила она: таким тоном, должно быть, отвечала бы какая-нибудь королева, если бы ее спросили, как найти младшую судомойку.

Вопрос я, конечно, задала дурацкий, но надо же было с чего-то начинать.

— Ну, как же! — совершенно ненатурально воскликнула я. — Стакан, из которого погибшая девушка пила. В пятницу. И осколки так неаккуратно убрали...

— Что вы несете?! — Вопрос сопровождался презрительным фырканьем, однако надменности в голосе поубавилось.

— Ну, мне же интересно, — продолжала я изображать из себя идиотку. — Вы ведь были в студии как раз в то время, когда сюда явилась Света...

Я хотела добавить, что она последняя, кто видел девушку живой, но не успела.

— Какая чушь! — Возмущенный возглас, казалось, сорвется на визг, однако нет, удержался на грани. — Вам кто-то что-то насплетничал, и вы теперь позволяете себе... Меня вообще в это время в городе не было! Лана Витальевна! Что здесь происходит?! Я что, должна терпеть эти... эту... эти...

— ...эти вопросы, — вежливо закончила я, поскольку Ланка молчала как партизан, хотя, по-моему, уже догадалась, что за камушек я принесла за пазухой. — Вы, наверное, думаете, что ключ узкий, отпечатки пальцев с него не снять, а если и снять, то неизвестно, когда они оставлены? Это верно. Однако есть весьма квалифицированный свидетель, который вполне аргументировано подтвердит, что в момент Светиной смерти вы, Лариса Михайловна, находились в студии. Именно вы, и именно в студии. Более того, вот за этим самым компьютером. Вахтерша вас, конечно, не видела — вы ведь на это рассчитывали, да? Зато все остальные свидетельства абсолютно неоспоримы...

Мне миллион раз приходилось читать и слышать, что кто-то от потрясения «потерял дар речи». И вот впервые в жизни, наконец, узрела воочию, как это выглядит. Сказать, что Лариса Михайловна побледнела — ничего не сказать. Она побелела. Но явственнее всего на «королевском» лице читался гнев.

Строго говоря, то, что я говорила, было некоторым преувеличением. Единственным «свидетелем» был Игорь Глебович, а он сообщил лишь, что в нужное время происходили последние интересующие нас изменения в бухгалтерской документации — а это вовсе не означало личного присутствия Ларисы Михайловны. Теоретически ковыряться в компьютерных файлах мог кто-то посторонний, вот только верилось в такую теорию слабо. Да и пальчики на ключе от черного хода... Разумеется, они, как я и сказала, могли быть оставлены и раньше — но с какой стати?

С полчаса в студии бурлили эмоции. Лариса Михайловна требовала оградить ее от моих отвратительных инсинуаций, я давила на психику

и ежеминутно поминала «соответствующие органы», Ланка сохраняла нейтралитет и явно чувствовала себя не лучшим образом.

О своих ощущениях мне лучше умолчать. Да, я иногда умею быть очень... негуманной. Вот только чувствую себя при этом отвратительно. Не помню, кто сказал, что «порядочный человек — тот, кто делает гадости без удовольствия». Слабое утешение. Но куда мне было деваться?

В общем, эти полчаса вряд ли можно отнести к самым приятным воспоминаниям моей жизни.

Может, не стоило упоминать про юного жениха и домик в деревне?

Лариса Михайловна как-то осела, поникла, нежно-розовый румянец поблек. Наконец она еле слышно прошептала:

— Сколько вы хотите?

Вот это да! Вот это бухгалтерский подход. Вроде как деньгами любую проблему можно разрешить, даже проблему «с летальным исходом».

После первого восторга мне, однако, подумалось, что тут что-то не так. Не давало покоя одно пустяковое на вид обстоятельство.

— Лариса Михайловна, скажите, пожалуйста, какое у вас давление?

— Какое давление? — Она в недоумении уставилась на меня. Недоумение выглядело весьма натурально.

— Обычное давление, артериальное. Систола, диастола...

— Сто десять на семьдесят, кажется... Вы что, издеваетесь?

Нет, я не издевалась, но «обстоятельство» действительно не давало мне покоя.

Ладно, медики сомневаются, когда была принята отравка: за полчаса или за три часа до смерти. Но, простите, клофелин — это что, нормальная принадлежность дамской сумочки (если, конечно, дама не гипертоник)? Предположим, Лариса Михайловна решила от Светы таким простым способом избавиться. Замечательно. А клофелин просто лежал себе в карманчике, ждал, когда понадобится, да? Если же госпожа бухгалтер запланировала все заранее, в том числе договорилась со Светой о встрече, так какого дьявола делать это в студии и вызывать огонь на себя? Огонь подозрений, то есть.

Нет, господа, что-то не вяжется. Что бы там ни было, а купить Свету было проще, чем убить. А если из-за «жениха», то опять же — почему в студии?

И самое главное — Натали. Она-то явно погибла потому, что попыталась кого-то шантажировать. Чем? Только подозрением в убийстве? И откуда в таком раскладе взялась Лариса Михайловна? Даже я, со своей богатейшей фантазией, подобную ситуацию придумать не могу. Бред. Но говорить всего этого я, конечно, не стала, а сказала совсем другое:

— Ланка, тут денег предлагают! И ведь наверняка мало, а? Нас с тобой уж точно дороже встанет купить, чем Свету. А Свету предпочли убить...

На Ларису Михайловну было жаль смотреть. Уже не бледная, а какая-то зеленая, так что мне подумалось, не померла бы еще и она, грешным делом. Голос дрожит, губы трясутся — ужас!

— Я ее не убивала...

— Ага! — радостно подхватила я. — Она сама пришла и померла, другого места не могла выбрать. И Натали сама с лестницы свалилась...

— К-к-ка-кая Н-натали? — «Железная леди» тихонько пискнула, сжала кулаки и... разрыдалась.

Это было так натурально, что я поверила. Ланка, по-моему, тоже. Рыдала госпожа бухгалтер очень убедительно. Ну не Сара же она Бернар!

Мы не стали звонить Ильину.

Мы разбили еще два стакана.

Мы заставили Ларису Михайловну выпить чуть не полпузырька вальерьянки, короче говоря, справились с истерикой всего за десять минут. Явный рекорд.

По версии Ларисы Михайловны, события происходили в следующем порядке. В четверг, узнав, что Ланка собирается устроить себе выходной, она «одолжила» ключ от черного хода. В пятницу, часа в два, позвонила Оленьке, притворилась Машкой и наговорила всякой чепухи. Примерно в половине четвертого, убедившись, что в студии пусто, прошла черным ходом и принялась за «работу», то бишь, за уборку «финансового мусора». К шести часам вечера «работы» оставалось еще минут на двадцать.

И тут явилась Света.

Лариса Михайловна в тот момент и не вспомнила, кто это такая, лишь подосадовала на помеху. Девушка объявила, что ей немедленно нужно поговорить с Ланой Витальевной — договориться о свадебной съемке, почему-то ей обязательно надо было, чтобы ее свадьбу фотографировала Лана Витальевна, иначе «никакого удовольствия». Услыхав, что Ланы Витальевны сегодня уже не будет, незваная гостья вначале не поверила, затем явно огорчилась, затем махнула рукой и сообщила, что «сойдет и завтра».

Лариса Михайловна, естественно, обрадовалась, но гостья, вместо того чтобы немедленно удалиться, вдруг плюхнулась на ближайший стул, заявив, что ей «надо немного отдышаться», и попросила воды.

Выпить воду она уже не успела: после двух глотков выронила стакан, вылив на себя большую часть содержимого, и сползла со стула. Поначалу Лариса Михайловна решила, что это обычный обморок — жара все-таки, — и порядком разозлилась. Не к месту, не ко времени и вообще с какой стати?

Ни хлопанье по щекам, ни брызганье водой, ни ароматические эффекты результата не давали.

Минут через пятнадцать она забеспокоилась, что обморок какой-то слишком долгий.

Еще некоторое время спустя она поняла, что незваная гостья уже не дышит. И впала в панику.

Проще всего было вызвать «скорую»: мол, пришла незнакомая девушка, потеряла сознание и никак в себя не приходит. Легче легкого было сказать, что в студию госпожа бухгалтер забежала по пути на дачу — за чем-нибудь забытым. Но... Перспектива обнаружить свое нелегальное тут присутствие Ларису Михайловну настолько пугала, что мысль о «забытом зонтике» ей просто-напросто не пришла в голову: казалось, все немедленно догадаются, зачем она сюда явилась.

Уже почти ничего не соображая, она оттащила тело за полотнища, собрала осколки стакана, нашла в себе силы, чтобы подчистить остатки «финансового мусора», выключила компьютер, протерла мышку, клавиатуру и дверную ручку. И — сбежала. Так быстро, как смогла. Забыв только положить на место ключ от черного хода. Единственное, что она не забыла сделать — запереть входную дверь.

Даже с трех прослушиваний я не нашла в этой истории ничего неправдоподобного. Ланка же, по-моему, и не пыталась прислушиваться.

Выпроводив Ларису Михайловну, я еще пыталась что-то обсудить:

— А если и врет, этого все равно не докажешь. И про Натали она явно не знала. Положим, Натали мог ликвидировать этот, «жених», но это уж совсем за уши притянуто.

Но Ланке, по-моему, все эти страсти уже просто стали поперек глотки.

— Рит, поехали по домам, а? Завтра американцы приезжают, не до того уже...

— Как завтра? — опешила я. — Ты же говорила — две недели? А завтра...

— Ну, почти две, — отмахнулась она. — Хватит пока, ладно? Лариса, конечно, дрянь, да и черт с ней. Давай по домам.

Я согласилась, конечно. А что мне оставалось делать?

По дороге домой я все пыталась выстроить хронологию той роковой пятницы и чуть раньше. Получался сущий бред. В четверг Света бьется в истерику, ибо ее верный и благородный — о да, благородный, хотя крутит со Светой прямо при жене и при детях — возлюбленный почему-то не считает беременность достаточно веской причиной для свадьбы.

В общем, мужики — сволочи, а жизнь не удалась.

Однако уже на следующий день Света сияет от счастья и всем рассказывает — да не просто так, а объезжает ради этого всех более-менее

важных знакомых — о предстоящей свадьбе. Причем жениха не называет. И, по правде сказать, никого, кроме нее самой, сообщение о грядущем счастье особенно не интересует.

График передвижений будущего трупа был вполне ясен — включая промежуток времени между Крытым рынком и студией. Как ни прикидывай, его хватило бы только, чтобы добраться от одной точки до другой.

И вот где в таком случае Света получила отраву? На свидании с Максимом Ильичом? Бессмысленно. Выслушав страстную речь о «благородном женихе», Казанцев должен был вздохнуть с облегчением, ибо проблема (если она и была) исчерпалась сама собой. Никаких причин избавляться от Светы у Ланкиного аманта не было.

Оставался «благородный жених» — неизвестно, кто он, и где его искать, — который, возможно, подвозил Свету к ДК и, не исключено, по дороге ее и отравил.

Впрочем, за сорок минут, что потребовались мне на дорогу, я успела отказаться от версии «будущий муж» (по причине полной ее туманности) и придумать взамен три других, не менее идиотских. Согласно первой из них, Света покончила с собой (а после, вероятно, вернулась с того света за Наташей). Две другие были еще глупее: одна затрагивала жену господина Казанцева, другая и вовсе Ланку. Додумать все сочиненные версии я собиралась уже дома.

Добравшись до подушки, я опять вспомнила Лидусю...

Утром — хотя какое там «утром», проснулась почти в полдень — мои вечерние рассуждения выглядели более чем забавно. Хотя отчасти и любопытно — вот ведь до чего может довести человека неумная фантазия, сдобренная усталостью.

Еще смешнее было то, что для полной ясности требовалось всего-навсего выспаться.

Головоломка сложилась вся. Воистину, глупее не придумаешь. Дело было лишь за доказательствами.

23

«Спартак» — чемпион!

Старик Хоттабыч

— Батюшки! То не дозовешься, то сама без звонка является! — Таким вот приветствием встретила меня Лидуся. Вот что мне в ней ужасно нра-

вится — тут можно не ломать голову, а не врут ли тебе из... м-м... вежливости. В этом смысле Лидуся честнее швейцарского банка: либо да, либо нет, а изящные манеры пусть на гвоздике повисят. Здесь можно не придумывать оправданий своему появлению — дескать, была рядом по делам, или еще что-нибудь — пришла и пришла. Ежели ты не в тему, так и скажут, мол, отправляйся в туман. Зато уж если тебя принимают, можешь не сомневаться — тебе и в самом деле рады.

— Может, я не ко времени?

— Заходи, чего на пороге стоишь! — втащила она меня в прихожую. — Времени навалом. Витька сегодня поздно будет.

Мне сразу вспомнилось знаменитое «до пятницы я совершенно свободен». Но, чтобы вернуться к «той» пятнице, пришлось приложить немало усилий.

Устроились мы в «зале», так что я, наконец, удостоилась счастья лицезреть знаменитый стол. Стол был и впрямь хорош: большой, круглый, темное стекло столешницы заставляло вспоминать о лесных озерах и глубоких омутах, может быть, даже тихих. И ездил, и крутился он совершенно беззвучно.

Минут сорок мы трепались ни о чем, пока, наконец, мне не удалось свернуть беседу в нужную сторону.

— Брось, Ритка, зачем тебе это надо? Умерла, так умерла! Давай лучше выпьем! — Лидуся схватилась за бутылку, но я ее остановила, сообщив самым проникновенным тоном:

— Надо, Лидусик, поверь, в самом деле надо.

— Делать тебе нечего! — кратко оценила мои старания Лидуся, но, вздохнув, «уточнить несколько моментов» согласилась.

— Вы здесь сидели или на кухне?

— Здесь, конечно, на кухне месяц назад раковину меняли, до сих пор порядок навести не могу.

Сколько помню, порядка на Лидусиной кухне не бывало никогда, независимо ни от каких ремонтов. Удивительно, что она в таком хаосе ухитряется невероятно вкусно готовить. Или все дело именно в хаосе? В конце концов, от кулинарии до колдовства расстояние микроскопическое.

— Где Света сидела, а где ты?

— Ты на ее месте сидишь, я в этом кресле была, оно мне больше всех нравится.

Должно быть, не очень приятно занимать место покойника, но мне почему-то было все равно. Гораздо интереснее, что сидели мы с Лидусей практически друг против друга. Так я и думала.

— Закуски на столе много было?

— Вот еще! Было бы кого угощать! — возмутилась Лидуся. — Конфеты она принесла, я эту коробку и поставила, хватит с нее!

О как! Значит, сегодняшние тарелочки с сыром-колбасой-огурчиками — это ради меня? Лестно.

— А рюмки какие?

— Да эти же, — фыркнула она, — какие еще? Думаешь, у меня посудный магазин? Ты прямо как следователь! — Лидуся неодобрительно покосилась на мою полную рюмку, плеснула себе, опрокинула, подцепила с тарелки сразу сыр и колбасу, добавила к ним ломоть яблока и начала сосредоточенно жевать этот странный мини-бутерброд.

— Пока сидели, ты никуда не выходила? — задала я, наконец, самый главный вопрос.

— Вот еще! — буркнула она сквозь бутерброд. — Час, как приклеенная, сидела, да? На кухню ходила, в туалет, в ванную, дверь открывала, Нинка за сахаром заходила.

Нинку-соседку я как-то видела и общение их наблюдала. Насыпая ей сахар, Лидуся наверняка проболтала в прихожей не меньше десяти минут.

— А Света так и сидела, пока тебя не было?

— Книжки она разглядывала! Представляешь? — опять фыркнула Лидуся. — Ну, ты — ладно, тебя хлебом не корми, а эта? Грамотная! Может, стянуть чего хотела, да я в стенке ничего такого не держу.

Пресловутый «зал» невелик, метров двадцать, не больше. Слева от входа, вдоль длинной стены, диван, знаменитый стол посередине комнаты почти упирается в стенку, на полках которой, помимо рюмок, бокалов, вазочек, статуэток и прочей неисчислимой белиберды, торчит десятка два книжек. Основные книжные запасы у Лидуси хранятся в коридорном шкафу, а в стенке — сущие пустяки, чего тут рассматривать?

Два кресла у торцевой стены справа от входа, одно — у дальнего торца, между телевизором и балконной дверью. В нем сейчас сидела Лидуся.

Я встала около стенки. Между моей спиной и столом места было немного.

— Так?

— Ну да, я, когда на свое место проходила, чуть стол из-за нее не своротила, отключила свою задницу, читательница, тоже мне!

Вот оно!

— Как это? Покажи, — попросила я.

Лидуся показала. Даже повторила на «бис», хотя и с первого раза было ясно: протискиваясь между стоящим у стенки человеком и столом, не зацепить стол невозможно. А стол вращался от малейшего прикосновения. Пришлось, конечно, шею вывернуть, чтобы что-то углядеть, но углядела.

— Лидочек, прости мою наглость, можешь показать то же самое еще одному человеку?

— Ну, ты вообще! — возмутилась Лидуся, но махнула рукой — мол, давай.

Ильин приехал через пятнадцать минут. Посмотрел на реконструкцию событий — аж два раза — почтительно поклонился хозяйке, поблагодарил за содействие и гостеприимство, даже ручку облобызал, после чего сообщил, что Маргарита Львовна своей дырявой головой совершенно забыла, что у нее через полчаса важная встреча.

Лидуся, настроенная на теплые посиделки, порядком огорчилась, но разве с Ильиным поспоришь?

24

**Чтобы носить очки —
мало быть умным.
Надо еще плохо видеть!**

Мартышка

Рыжий драндулет стоял впритык к подъезду. Никита легким толчком отправил меня внутрь и за всю дорогу до моего дома не произнес ни слова. Доехали, впрочем, быстро, минут за двенадцать.

Когда Ильин доставал из машины свою сумку, она явственно звякнула. Я промолчала. Не сговариваясь, мы свернули к ближайшему киоску, где майор купил двухлитровый пакет апельсинового сока и минералку.

Звякал, как оказалось, коньяк.

— Извини, токайского не завезли, но, думаю, и так сойдет, — меланхолично заметил Никита, сосредоточенно смешивая в высоком стакане коньяк, апельсиновый сок и минералку. Прямо бармен, честное слово! Я опять промолчала.

— Ну, докладывай, — потребовал «бармен», едва я успела снять пробу. — Как догадалась?

— А черт его знает! Все упиралось в то, что Света никому, по сути дела, не мешала. Это ей все мешали. То есть, она явно должна была быть убийцей, но никак не жертвой.

— Ты давай по порядку, — покачал головой Ильин, — я сравнить хочу. Жаль, я этого стола раньше не видел, не мучался бы так.

— Как же, мучался ты! Сравнить надо — так я и поверила! Да ладно, расскажу, мне не трудно. Поправь, если где не так. У девушки Светы имелся бзик на тему «замуж». Очень хотелось, и очень старалась, но все никак не получалось. Уж не знаю, специально она залетела или случайно — на ситуацию это не влияет. Все так глупо, что не удивлюсь, если случайно. Но это, так сказать, преамбула. Теперь сама история. Девушка Света решила, что беременность — это самое то, что нужно для достижения желанной цели. Но в четверг, нежданно-негаданно, случилась трагедия — возлюбленный заявил, что ее брюхо вместе с содержимым его, возлюбленного, не очень касается, хотя по доброте душевной он готов помочь деньгами на аборт. А уже в пятницу она, такая счастливая, всем рассказывает про будущую свадьбу. Значит, что? Либо уломала будущего папашу — слишком примитивно, и вообще не очень похоже на правду, либо сама что-то придумала.

— И что же?

— Сам знаешь! — огрызнулась я. — Раз девушка Света была убеждена, что ее амант такой весь благородный, и именно благородство мешает ему семью оставить, — значит, надо семью ликвидировать.

— Что, всю? — испугался Ильин.

— Зачем всю? Логика железобетонная: ежели жена помрет, понадобится для сыновей другая мамочка, а тут, пожалуйста, уже есть. Из Светы, конечно, мамочка, как из кирпича рояль, но ей такая мысль и в голову не приходила.

— То есть Света решила отравить Лидусю?

— Конечно! Можно было уже по клофелину догадаться, кто тут главный деятель. Ну а дальше пошла легенда. Приходим к Лидусе — ах, я так перед тобой виновата, давай помиримся, и все такое...

— Лидуся ведь могла ее просто с лестницы спустить...

— Не спустила же. Да и вообще вряд ли. Ты Лидусю видел, разговаривал, сам подумай — захлопнула бы она дверь или решила послушать, что разлучница скажет?

— Решила бы послушать, — согласился Никита.

— Вот-вот. Да я думаю, что Света о таких тонкостях вообще не задумывалась. И все сработало. Раз бутылка принесена, значит, она будет выпита, так? Остается лишь дожидаться, пока Лидуся куда-нибудь из комнаты выйдет, и налить ей в рюмку клофелин. Ампулу можно заранее приготовить. Надежнее, конечно, глазной вариант, там концентрация выше. Но эту технику ты лучше меня знаешь. А дальше делаем вид, что мы тут вообще ни при чем, книжки на полках разглядываем. И, естественно, не видим, что, когда Лидуся возвращается на свое место, стол поворачивается. Заметить это потом невозможно — стол круглый, рюмки одинаковые, бутылки Лидуся всегда на пол ставит, на столе, кроме рюмок, только коробка конфет, к которой никто не приглядывался. Так что, когда стол повернулся на сто восемьдесят, картинка практически не изменилась. Вот и все. Итог: у Лидуси — обычная водка, а отравленная рюмка — у самой отравительницы. Если бы не это дурацкое средство от аллергии, Света свалилась бы уже через полчаса-час, прямо на улице. А так действие яда растянулось на вдвое больший срок, так что Света успела и с разными людьми пообщаться, и в студию визит нанести.

— Ты не перескакивай, по порядку давай, — одернул меня Никита.

Вообще-то я терпеть не могу, когда мне замечания делают, а тут и в голову не пришло обидеться. Хотелось уже закончить всю эту пакость, и поскорее.

— Да по порядку я, по порядку. Увидев, как Лидуся выпила отравленную рюмку — то есть это Света думала, что там отравка, — девушка решила, что все теперь в полном шоколаде, страшно обрадовалась и начала с удовольствием доигрывать свою легенду — рассказывать всем ближним и дальним про счастливое замужество. Чистая демонстрация! Обрати внимание, кого она в качестве конфиденентов выбрала: все сплошь люди, на которых она давно зуб точила. Так что умерла она счастливой.

Ильин взялся за коньячную бутылку, покрутил и поставил обратно.

— А может, это все-таки Лидуся твоя рюмки-то зарядила?

— Не-а. Во-первых, Лидуся врать не умеет. Она, когда врет, такой бред нести начинает — хоть святых выноси. Во-вторых, до такой конструкции ей в жизни не додуматься. Но главное — зачем? На самом-то деле это Витька боится, что у нее очередной взбрык обернется чем-то серьезным. А сама она кожей чувствует: при всех своих загулах никуда Витька от нее не денется.

— Что, так любит? — усмехнулся Никита.

— Ну, можно и так сказать. Наверное, любит... Да ты сам посуди, куда он от детей? Три сына, это вам не хухры-мухры!

— Действительно, три сына — это серьезно, — согласился удивительно покладистый сегодня майор. — А Натали? Или ты думаешь, что она тоже сама по себе упала?

— Вот чего не знаю, того не знаю. Это уже ее собственная история, к Светиным экзерсисам почти не относящаяся. Единственная связь в том, что если бы Света была жива, у Натали не было бы возможности дергать за усы бешеных тигров. Сам знаешь, не буди лихо, пока спит тихо. Тут, конечно, бабка надвое сказала: сама Натали с испугу или от неловкости на эти перила оперлась, или ее подтолкнули. Но законы физики подсказывают, что упасть ей помогли.

— И кто же, по-твоему?

— Думаю, что тот же, кто и по-твоему. Почему Натали вообще пришлось умереть? Потому что решила с Большого Дяденьки денег потребовать. Что обидно, денег-то хотела немного — буквально за день до смерти посещала риэлторское агентство на предмет улучшения жилищных условий, все предложенные варианты укладывались в десяток тысяч баксов. В общем, достаточно скромно. Ведь чем она могла шантажировать? Только подозрением в убийстве, так? Не аморальным же поведением! Света мертва, так что аморальное поведение кого бы то ни было можно лишь повесить на гвоздик и любоваться. Только обвинение в убийстве, не иначе.

— Погоди, — нахмурился Ильин, — но как она могла кого бы то ни было шантажировать обвинением в убийстве, если сама в этот момент со Светой не встречалась?

— А кто об этом знал? Она просто сочинила правдоподобную историю о встрече с лучшей подругой — или даже о телефонном звонке лучшей подруги — и наехала на того, кого это максимально напугает. Ей плевать было, на кого наезжать, понимаешь? Светиных приятелей Натали, несмотря на «ах, плохую память», знала, конечно. Если не всех, то большинство. Но среди них единственный человек, которого вообще можно было напугать, — господин Казанцев. Все остальные послали бы это милое создание в дальнюю даль, поскольку ничего им не грозило, кроме небольших неудобств, связанных с полицейскими расспросами. Нечего бояться было. И только Казанцев боялся не полиции, а собственных родственников: жену, со всем ее семейством. И терял он больше всех. И доказать свою непричастность не мог. Как только начали бы копать, сразу бы всплыло, что из Москвы он вернулся в пятницу, а не в субботу.

И алиби его такого рода, что лучше бы его вовсе не было. Только Казанцеву было неважно — действительно ли Наташа что-то видела, слышала, знает, или она все сочинила. В общем, он единственный, кого можно было шантажировать.

— А откуда Натали вообще про него знала? Про других — понятно. Но если он такой скрытный. Света похвасталась?

— Может, так, а может, Натали сама вычислила. Я же тебе рассказывала про бежевую «тойоту» и крутого поклонника.

— Рит, в городе не зарегистрировано ни одной «тойоты» цвета «бежевый металлик», — с искренним огорчением сообщил Ильин.

— Ничего удивительного, поскольку она была вовсе не бежевая, а серебристая.

— Она соврала про цвет? А ты-то как догадалась?

— Натали про крутого поклонника рассказывала на бешеной скорости, поэтому вряд ли соврала, мы бы заметили. Нельзя говорить, говорить правду, потом соврать, потом опять правду — и чтобы голос не выдал. Так что я решила, что она не врет. Но она же сказала — где-то в апреле, еще снег местами лежал.

— Ну и что?

— Ох, горе мое, а еще майор! Ты никогда не замечал, что весной и осенью в городе резко возрастает количество бежевых, рыжих и коричневых машин? Я больше чем уверена, что, если взять гаишную статистику ДТП, по свидетельским показаниям это будет очень заметно.

— Не понял... — Ильин даже головой помотал от недоумения.

— Да я сама как-то раз совершенно случайно заметила. Дороги у нас, сам знаешь, какие, тем более, весной и осенью. Пока машинка по основным трассам ездит, еще ничего, а стоит полчаса дворами покататься — все, считай, перекрасили, особенно, если быстро ездил, уляпывается от колес до крыши, ну, может, на крыше грязи и поменьше будет, но кто разглядывает-то? Так что «тойота» была серебристая, только доказать ты все равно ничего не докажешь. Хотя можешь попробовать — если, кроме телефонного номера, у тебя еще хоть что-то в загашнике есть. Обидно, если так и сойдет.

— Ты не поверишь, но есть микроследы — одна и та же ткань прикасалась и к Наташиной одежде, и к перилам. Ворсинки остались на перилах, на том куске, который вместе с Наташей упал.

— Не густо, конечно. Мало ли кто там рядом прислонялся. Да и выкинул он давно ту одежду, с которой ворсинки. А, впрочем, дерзай, я за тебя пальцы крест-накрест подержу.

**Если голова болит —
значит, она есть.**

Колобок

Через неделю после подписания злополучного договора со злополучными американцами мы с Ланкой сидели в том же кафе, что и в ту злополучную субботу. Денек, правда, был не столь жаркий, но столь же пасторальный: те же мамы с детишками, те же отроки на роликах, те же воробьи и тот же серый котяра, якобы спящий. Лишь целеустремленного людского потока к рынку на этот раз не наблюдалось. Переулок, отделяющий фруктово-овощные ряды от кафе, решили обновить: он дымился свежим асфальтом, по которому сосредоточенно ездил каток, за которым столь же сосредоточенно наблюдала троица в оранжевых жилетах. Покупателям приходилось достигать вожделенного рынка с другой стороны, нам — вдыхать аромат горячего битума. Впрочем, не скажу, чтобы запах был неприятный, скорее просто непривычный.

Я попыталась убедить Ланку, что все могло сложиться гораздо хуже — если бы она не умотала на свидание, то девушка Света скончалась бы именно на ее глазах, а не перед Ларисой Михайловной, и отбредиваться тогда было бы гораздо сложнее. Ланка резонно возразила, что, если бы она не умотала на свидание, то Лариса Михайловна не стала бы удалять Олечку из студии, и значит, гибель девушки Светы наблюдали бы два человека. А это уже гораздо проще.

— В таком случае, ты сама, подруга, виновата! — подытожила я.

— Как это?! — возмутилась Ланка. — Я их, что ли...

— Я и не говорю, что ты в чьей-то смерти провинилась. Исключительно в своих собственных сложностях, ни в чем больше. Вольно ж тебе романы все в высшем эшелоне заводить!

— Где ж других-то взять... Нынче до меня слухи нездоровые дошли, вроде с Казанцевым жена разводится...

— Да что ты говоришь? — довольно ненатурально изобразила я полное изумление. — Давай проверим?

Забрав у Ланки мобильник, я с первой же попытки нашла Санечку — как и ожидалось, он торчал в редакции — и задала ему примерно тот же

вопрос. Ну, то есть, насколько слухи нездоровые? Санечка посопел в трубку и поинтересовался:

— А ты откуда знаешь? Ты же чиновниками не занимаешься. По крайней мере, такого уровня...

Вот змей! Ну, никак не может не ужалить!

— Одна птичка насвистела, — вежливо объяснила я.

На это Санечка заявил, что «тогда без комментариев», и отключился. А все-таки он редиска! Я ему такую информацию слила — про шуры-муры Большого Человека с продавщицей из сувенирной лавки, — а он, жадюга, пустяком поделиться не желает! Ну и ладно, ну и перебежусь!

— Что ж, можешь считать, что дыма без огня не бывает, — повернулась я к Ланке. — То есть, насколько я знаю Санечку, он только что дал почти официальное подтверждение твоим нездоровым слухам. А тебе это до сих пор важно?

— Да, в общем, не особенно, — задумчиво проговорила она. — Все мы бываем идиотками. Просто хотелось, чтобы он хоть чем-то заплатил. Привлекать-то его ведь не станут, да?

— Привлекать не станут, — согласилась я, — ибо не за что.

— Не за что?! Ты серьезно думаешь, что эта... Натали сама упала?

Принято считать, что лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Но, с другой стороны, что значит «лучше»? Еще Чистяков (был такой русский художник, к сожалению, не слишком популярный в широких кругах) говорил, что «правда, кричащая не на месте, — дура!»

Ланка — девушка сильная, но каково ей будет помнить, что бывший амант оказался убийцей? И зачем это надо? Пусть уж будет просто слизняк.

Так что я пожала плечами и ответила максимально обтекаемо:

— Мало ли что я думаю... Вообще-то все так глупо сложилось, что могла и сама. Ну, представь: ты разговариваешь с человеком, которого шантажируешь, он делает шаг к тебе, ты, естественно, шаг назад — вот и все. Перила там, сама знаешь, какие. Вполне могло произойти то, что именуют «трагической случайностью».

— И ты в это веришь?

— Верю — не верю. Я не знаю, Ланочка. И никто, кроме самого Максима Ильича, этого не знает. Давай сейчас решим раз и навсегда, связалась ты с убийцей или сама себя зря изводишь? И — забудем, договорились?

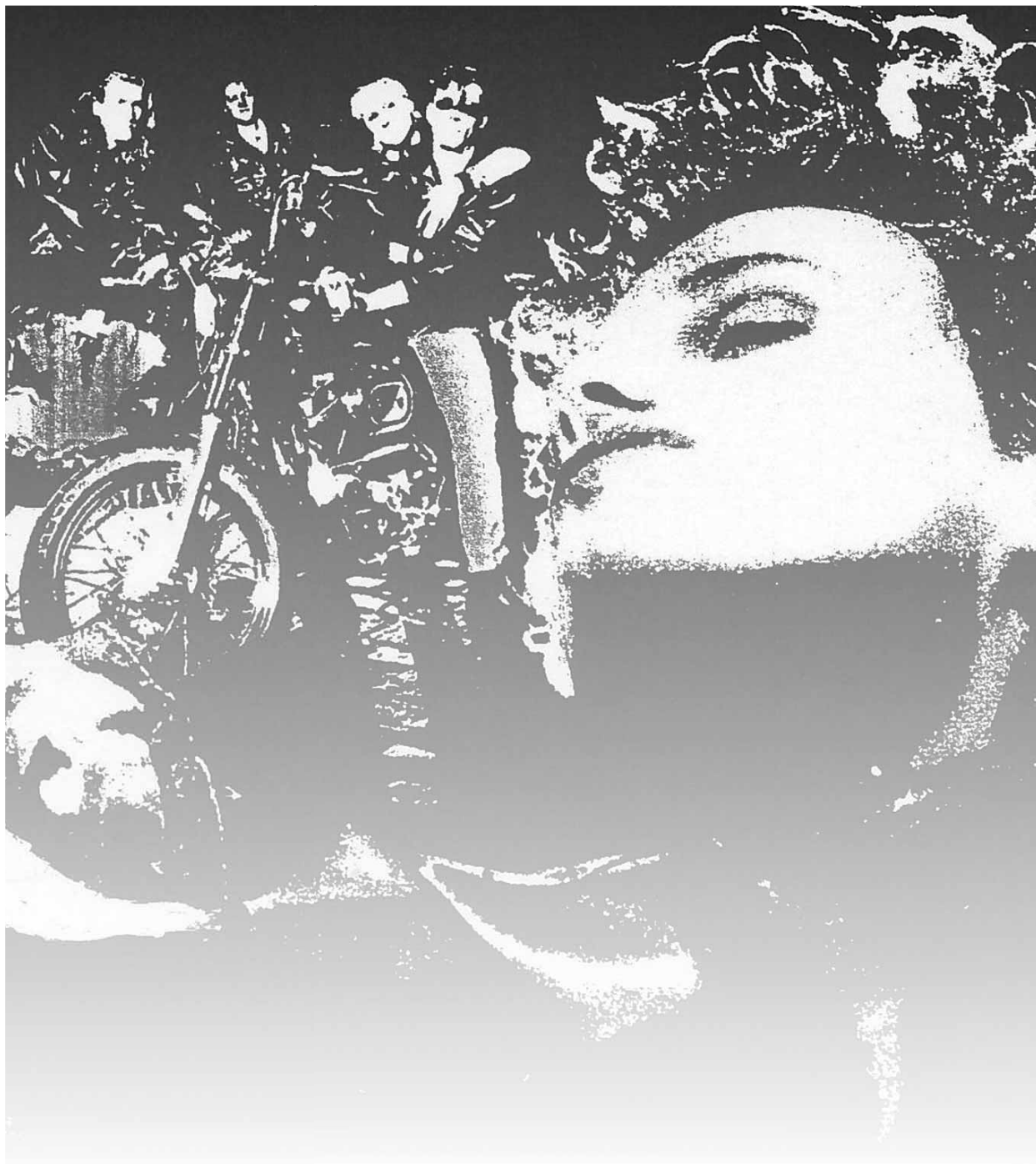
Она кивнула. Я достала из кармана монетку и подбросила ее повыше, успев сказать:

— Орел — убийца, решка — несчастный случай, годится?

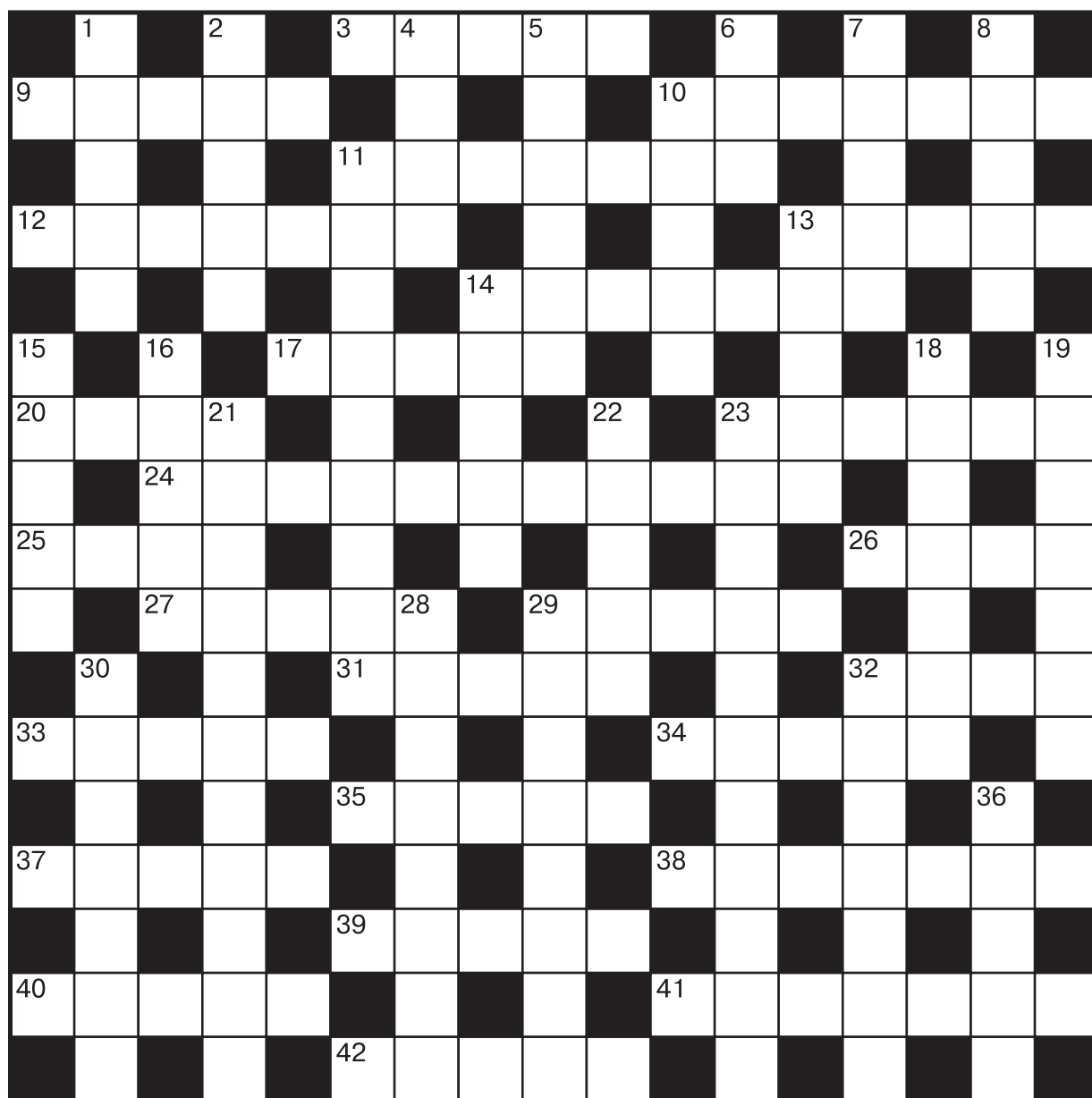
Ланка опять кивнула и повернулась в ту сторону, куда упала монетка. Да вот беда — монетка, упав на асфальт, покати́лась. Влево, вправо, прямо, опять влево, отскочила от бордюра, вот-вот, сейчас упадет, и поглядим...

Ланка ахнула. Я — нет, потому что именно такого исхода и ожидала.

Пропутешествовав метра полтора, монетка выкатилась на свежее покрытие, уже покинутое асфальтоукладчиком, и... застыла в нем вертикально. На ребре. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какой ледокол пробил путь в Арктику? **9.** «Сияние роскоши». **10.** «Прошлого не исправишь, но можно улучшить ...» **11.** Бюрократический. **12.** Что необходимо как проповеднику, так и руководителю? **13.** «Патлатые бунтари». **14.** «Земля белых сосисок» на карте Германии. **17.** Любимый напиток Эркюля Пуаро. **20.** В чем

прежде на Руси спали великие схимники, дабы проникнуться «тщетой всего сущего во плоти»? **23.** Отпетый мошенник. **24.** Создатель детального плана. **25.** Сосед Вьетнама. **26.** Самое сухое шампанское. **27.** «Момент истины» для владельцев лотерейных билетов. **29.** Что невеста через голову подружкам бросает? **31.** Коварный газ из забоя. **32.** Пе-

рец, улучшающий работу печени. **33.** Биологический «функционер». **34.** Давно известно: чтобы ... стал человеком, нужно обрезать ему крылья. **35.** На какое имя откликается супермодель Кроуфорд? **37.** «Самый немецкий» среди американских штатов. **38.** Ироничный детектив «... для снежного человека» от Дарьи Донцовой. **39.** Она первой из эстрадных артистов нашей страны пела в Карнеги-холле. **40.** Что символизирует зеленый цвет на цыганском флаге? **41.** Что ждет дома мужа, пропившего зарплату? **42.** Какое событие из жизни американца Гэри Гилмора подарило девиз для кроссовочной компании «Nike»?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Самый простой по химическому составу драгоценный камень. **2.** Рабочий рисунок. **4.** Корнеплод мужской силы. **5.** Какая рисованная фигурка заменяет реального человека в виртуальных мирах? **6.** Камень фундамента. **7.** Девушка из райского гарема у мусульман. **8.** Какой из фараонов первым себя посчитал

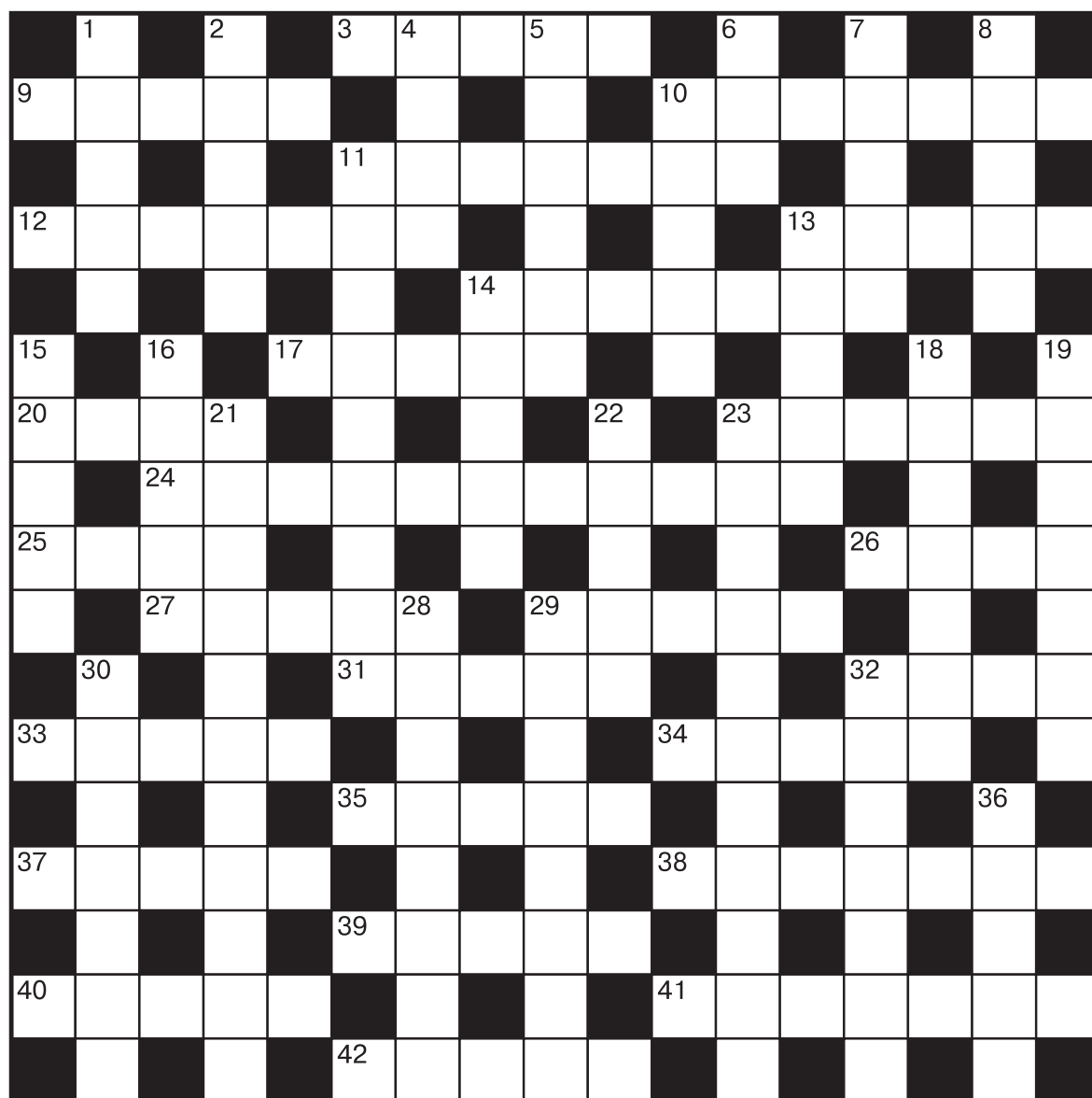
«вторым солнцем»? **10.** Супруг овцы. **11.** Столица страны тюльпанов, слышущая «городом мостов». **13.** Кто из ученых мужей смешивает реактивы в пробирках? **14.** Какую куклу запрещала покупать своим дочерям мать Николь Кидман? **15.** На китайском месторождении Люхуангуоу сто тридцать лет полыхал пожар. Что там добывают? **16.** Механизм, пригодившийся, чтобы воду из колодца поднимать. **18.** «Вестник Божий» из архангелов. **19.** Чей путь к желудку лежит через плохое питание? **21.** Кто должен был сыграть роль Ипполита в фильме «Ирония судьбы, или С легким паром»? **22.** Голливудская звезда, работавшая в юности в «Макдоналдсе». **23.** За какую науку поднимает тост шашлычник из «Кавказской пленницы»? **28.** Чем закончилась для Комара победа над Пауком из сказки про Муху-Цокотуху? **29.** Царский навес над кроватью. **30.** Мясной цыпленок. **32.** Прототип героя романа «Асканио». **36.** Каждая из одиннадцати премий, которые своей гибелью сумел заработать «Титаник».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Ложь. **6.** Эдисон. **10.** Георгин. **11.** Гарсон. **12.** Аромат. **13.** Израиль. **14.** Рожок. **17.** Лев. **18.** Биссектриса. **21.** «Дубинушка». **22.** Гарвард. **25.** Страх. **26.** «Гаудеамус». **27.** Липа. **29.** Жонглер. **30.** Сосед. **31.** Кассир. **33.** Эпискирос. **36.** Ренуар. **38.** Галл. **39.** Фелинолог. **40.** Клещ. **41.** Стон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Лего». **2.** Жернов. **3.** Ген. **4.** Дразнилка. **5.** Финансы. **7.** Дурь. **8.** Сумо. **9.** Нота. **10.** Гонор. **12.** Александр. **14.** Ребус. **15.** Травматолог. **16.** Остроумец. **19.** Диета. **20.** Бутафор. **23.** Наперсток. **24.** Электрик. **25.** Спасение. **28.** Агапкин. **29.** Жираф. **32.** Питон. **34.** Сайт. **35.** Слон. **37.** Рей.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Основа таблеток для американских детей, симулирующих болезни. **9.** Как «кофейное», так и «шоколадное» пиво. **10.** Николаевская порода голубей. **11.** Какому гению «король фальсификации» ван Меегерен отважился «приписать от себя» религиозную живопись? **12.** Какая гадалка в точности предсказала смерть Михаилу Лермонтову? **13.** Чем лечится Скел-

тон из рассказа «Несостоявшиеся жизни» Сомерсета Моэма? **14.** Форма для нарезки продуктов кубиками. **17.** Сапоги на туркменских пастухах. **20.** Контролер из жрецов у древних греков. **23.** Тот самый закон, по которому «око за око». **24.** Какой нарком предложил написать на памятнике Федору Михайловичу «Достоевскому от благодарных бесов»? **25.** Розенкрейцер, чья книга по хи-

романтии попала в историю с «падением дома Эшеров». **26.** Старейшина рода у арабов. **27.** Какой издатель стал первым персональным пенсионером в СССР? **29.** Англичанин, слывущий изобретателем современных спичек. **31.** Какой Артур стал не только финансистом для Коко Шанель, но и «самой большой любовью в ее жизни»? **32.** Турмалин, предупреждающий негатив. **33.** Летний суп у таджиков. **34.** Пластиковый наконечник шнурка. **35.** «Создатель Осириса» в «Текстах пирамид». **37.** Какой граф прослыл «последним рыцарем Франции»? **38.** Шутливое прозвище жителей Оклахомы. **39.** Какой металл алхимики считали «материнским началом»? **40.** Иудейский гуру. **41.** Какое полотно привело однажды гестаповцев в дом Пабло Пикассо? **42.** В каком городе Андрей Тарковский снимал «Андрея Рублева»?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Птица дьявола» у англичан. **2.** Исламские четки. **4.** Кто стоял во главе удавшегося террористического заговора против великого князя Сергея Александровича?

5. Эфиопский сказитель. **6.** Домашнее имя сына Марины Цветаевой. **7.** Льняная рубашка у французов в средние века. **8.** «Священный камень» из метеоритов, который в Древней Греции связывали с мифом о Рее и Кроносе. **10.** Ткань из козьего пуха. **11.** «Ежиный камень». **13.** Турецкий хоровод. **14.** Профессия отца Евгении Гранде. **15.** Чьими рассказами зачитывались и Владимир Ленин, и император Николай II? **16.** Закусочная глина. **18.** Член масонского братства «друзей истины». **19.** Турецкий пони. **21.** Какой врач лечил Александра Пушкина после того, как он заболел лихорадкой, искупавшись в Днепре? **22.** Из какой долины соглядатаи принесли Моисею кисть винограда? **23.** Какой флигель-адъютант стал прототипом князя Андрея Болконского из романа «Война и мир»? **28.** Какой цветок назван в честь мифического зелья от грусти? **29.** «... способно на большее, нежели гениальность». **30.** Японская культура развлечений. **32.** Один из замков Луары с залом, где представлены две тысячи пар оленьих рогов. **36.** «Пейджер» в Интернете.

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Бокс. **6.** Снаряд. **10.** Карачун. **11.** Челауч. **12.** Псипси. **13.** Тетарра. **14.** Канга. **17.** Уас. **18.** Тахмисханег. **21.** Куропалат. **22.** Пойтеве. **25.** Готье. **26.** Зельяница. **27.** Желе. **29.** Каринти. **30.** Атрия. **31.** Веккьо. **33.** Спиричуэл. **36.** Нигари. **38.** Тауи. **39.** Аллилуева. **40.** Иона. **41.** Фукс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бочю. **2.** Каллас. **3.** Кач. **4.** Дамезанас. **5.** Сумаума. **7.** Нуса. **8.** Рапс. **9.** Дриш. **10.** Кунга. **12.** Прасковья. **14.** Карус. **15.** Каттенстоэт. **16.** Несвицкий. **19.** Новое. **20.** Фалькао. **23.** Веттерхун. **24.** Джованни. **25.** Глюкагон. **28.** Диопсид. **29.** Кьяра. **32.** Учива. **34.** Лашу. **35.** Хиус. **37.** Илд.

Уважаемые читатели! Вы можете оформить подписку на любой номер 2015 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181040000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

1 сентября открывается основная подписка на журнал «СМЕНА» на 1-е полугодие 2016 года, в любом отделении почтовой связи. Образцы каталогов:

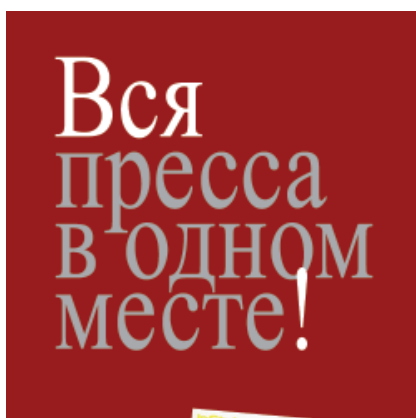
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 70656 — годовой индекс Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2015 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на вторую половину 2015 года или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2015 года. Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

